

12+

№ 3 (99)
Июнь 2017

МОНОМАХ

**Гончарову
205 лет**

**Письма
«проклятых годов»**

**Симбирск
Владимира Шапрона**

**Театр
на все времена**

Историко-краеведческий,
культурно-просветительский журнал

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

М.Б. Уральцева

Дизайн и верстка номера

О.О. Тюльпа

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.А. Громова

О.Н. Даранова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

Ю.В. Козлов

Н.В. Липатова

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

Г.В. Романова

И.Э. Сивопляс

О.Г. Шейпак

А.В. Шишов

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

e-mail: monomahh@gmail.com

www.ulpravda.ru/monomach

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору

в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 25.05.2017 г.

Дата выхода 2.06.2017 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1100 экз. Заказ № 208

Набор и верстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

АО «Областная типография «Печатный двор»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкина, 27.

Подписной индекс 54840

На 1 стр. обложки: фрагмент портрета Авдотьи Матвеевны Гончаровой, матери писателя. Неизвестный художник. Первая четверть XIX века. УОКМ
На 4 стр. обложки в коллаже использован портрет И.А. Гончарова – фото К.И. Бергамаско. С.-Петербург, 1870–1872. ГЛМ

Содержание:

Имя нашего края

И. Маршалова. Гончаров и Симбирск.....	1
М. Жданова. Новый музей – новые возможности	4
А. Лобкарёва. «Душа так открыто и ясно светилась в глазах...»	6
И. Смирнова. Петербургские адреса писателя	8
С. Шаймарданова. Швейцарский след в Доме И.А. Гончарова	10
А. Лобкарёва. Кирмалов из рода Кира Мала	11

100-летие Великой Российской революции

А. Долматов. Утолить «снарядный голод»	
История Симбирского патронного завода	15
Ю. Козлов. Письма «проклятых годов»	18

Традиции

Н. Зубкова. Резное кружево Симбирска.....	22
---	----

Год экологии

Л. Янушевская. Вся жизнь – для защиты живой природы	
К 100-летию В.В. Благовещенского	23
А. Киреева. По руслу подземной речки Симбирки.....	26

Год предпринимательства

Р. Ильязова. Рынок или пятилетка?.....	28
--	----

Личная история

Т. Громова. В.Г. Шапрон дю Ларре и его мемуары	30
В.Г. Шапрон дю Ларре. Воспоминания о России. 1917–1923. Глава II. Симбирск	31
Н. Богдан. «Был крепко привязан к родному краю...»	
К 150-летию А.Н. Ухтомского.....	34
С. Теленков. «Боялся опоздать на войну»	38

Письмо в редакцию

А. Горбунов. Солдаты Победы.....	40
С. Зенкина. Цена Победы	41

Под сенью муз

В. Костягина. Театр на все времена.....	42
Е. Клевогина. Театральная жизнь «Обыкновенной истории»	
К 170-летию романа.....	46
Е. Плотникова. В поисках сокровенного разговора. Диалог с Алексеем Храбсковым	50
В. Михайлова. Дворец культуры на улице Дворцовой отпраздновал 45-летие.....	54
Е. Калашникова. Неповторимый облик времени	
Рисунки А.Н. Валиевского	56
Л. Баюра. Виктор Сафронов. Универсальный дар	60

История со вкусом

И. Курсанова. Меню торжественного обеда в честь празднования 250-летия Симбирска	64
--	----

Время читать!

Книжные новинки.....	3 стр. обложки
----------------------	----------------

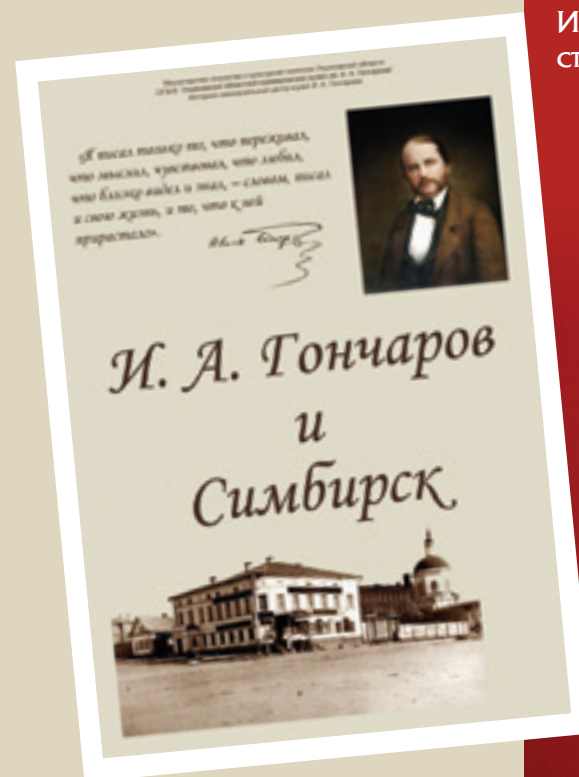
Приобрести журнал в розницу
можно в отделениях почтовой связи,
в киосках «Симбирская печать»,
в музейном магазине Дома И.А. Гончарова
(вход со стороны ул. Ленина, 138),
в Литературном музее «Дом Языковых»
(ул. Спасская, 22)
и в киоске Ленинского мемориала

Получить журнал по альтернативной подписке можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 305 (тел. 20-16-40),
в г. Димитровграде: ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 8 (84235) 3-26-49)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье, тел. 8 (8422) 41-01-41

Гончаров и Симбирск

18 июня 2017 года исполняется 205 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова – писателя, чьи романы стали достоянием мировой культуры.

Афиша передвижной выставки
«И.А. Гончаров и Симбирск»

«Летописец семьи Гончаровых». 1720–1889. УКМ

В Симбирске-Ульяновске, на родине И.А. Гончарова, интерес к его личности и творчеству всегда был особенно большим, здесь зародились и поддерживаются традиции чествования романиста. В 1982 году на родине писателя был открыт первый и единственный в стране и мире монографический музей. В 2012 году, в дни празднования 200-летия со дня рождения Ивана Александровича, в Ульяновске, в доме, где он родился и вырос, был открыт обновлённый, значительно расширивший экспозиционную площадь и по-прежнему единственный в мире Историко-мемориальный центр-музей. Сегодня это современное,

многофункциональное учреждение культуры, являющееся и научным, и просветительским, и общественным центром, открытым для людей самых разных возрастов и социальных групп. Именно с 2012 года одним из приоритетных направлений деятельности музея стала целенаправленная работа по расширению творческих связей с музеями РФ и развитию на новом уровне межмузейного выставочного обмена. В том же году сотрудниками была создана передвижная выставка «И.А. Гончаров и Симбирск», предназначенная для демонстрации в регионах Российской Федерации.

Тема «И.А. Гончаров и Симбирск» является ключевой в понимании и ос-

мысли жизни и творческой позиции романиста. Две трети своей долгой жизни он прожил в Петербурге, там протекала его служебная и литературная деятельность. Но, несмотря на это, родной Симбирск всегда присутствовал и в жизни писателя, и в его творческой судьбе. Небезызвестно, что в описании быта и нравов российской провинции И.А. Гончаров нередко опирался на симбирские впечатления начала детства, затем зрелых лет. В Симбирске романист имел возможность наблюдать своих будущих героев. Это были, к примеру, провинциальные обыватели, жившие спокойно и неторопливо: «Чиновник, советник какой-нибудь палаты, лениво, около двух часов, едет

из присутствия домой, нужды нет, что от палаты до дома не было и двух шагов. Пройдёт писарь, или гарнизонный солдат еле-еле бредёт по мосткам. Купцы, забившись в глубину прохладной лавки, дремлют или играют в шашки». «Так и хочется заснуть самому, – сетует Иван Александрович в очерке «На родине», – глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающих на улице лица».

Вместе с тем Симбирск конца XVIII – начала XIX века являлся крупным культурным центром Поволжья. Его значение увеличилось в 1796 году, когда по указу Екатерины II он стал губерньским. Как все провинциальные города, Симбирск оживал зимой, когда из окрестных деревень съезжались дворяне. Начались балы в собрании, у губернатора, вечеринки почти во всех семейных домах. Каждый день обеда, вечера, два раза в неделю благородное собрание и театр. В воспоминаниях Гончаров не без гордости отмечает: «Губерньские города, подальше от столицы, были, до железных дорог, оживлёнными центрами общественной жизни. <...> Наша губерния особенно славилась отборным обществом родовитых и богатых дворян». «Несмотря на свою удалённость от столиц, – свидетельствует литературный критик, профессор В.И. Мельник, – Симбирск не был захолустьем. Более того, это был по-своему весьма примечательный город. В нём причудливо сочетались, с одной стороны, сонная обломовщина, глубокий неподвижный провинциализм, а с другой – энергичная, порою подвижническая деятельность обитателей города в самых различных сферах жизни».

Подобную разноплановость, амбивалентность темы родного города, её творческое отражение в художественном мире гончаровских романов и попытались выразить авторы экспозиции «И.А. Гончаров и Симбирск». Основу передвижной выставки составляет копия видовой материал. Построить такую экспозицию на подлинниках не представлялось возможным по вполне объективной причине: материалы, отобранные для экспонирования, являются уникальными, большинство предметов существует в единственном экземпляре и не просто хранятся в Ульяновске, но и представлены в постоянной экспозиции Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова. При создании копий учитывались размеры оригиналов, технология исполнения подлинников. На

выставке собраны воедино виды старого Симбирска, портреты родственников писателя и его окружения, издания произведений И.А. Гончарова XIX века, иллюстрации к его романам, а также материалы, рассказывающие о традициях увековечения имени писателя на родине. Всё это рисует широкую картину присутствия Симбирска в личной и творческой биографии И.А. Гончарова и вместе с тем позволяет представить своеобразие личности великого русского писателя и его произведений.

Тематическая структура выставки соответствует хронологическому принципу изучения биографии романиста. Открывает экспозицию раздел «Детство И.А. Гончарова», включающий виды старого Симбирска и домашнюю рукописную книгу 1720–1889 годов «Летописец семьи Гончаровых», открытую на странице с записью о рождении Ивана Гончарова. В разделе «Семья писателя» на себя обращают внимание портреты матери и няни Вани Гончарова, а также иллюстрации художников разных лет к «Обыкновенной истории», «Обломову», «Обрыву», позволяющие экскурсоводу наглядно рассказать о прототипичности образов мамы Авдотьи Матвеевны Гончаровой и нянюшки Анны Михайловны женским персонажам перечисленных произведений. Три последовательно сменяющихся друг друга тематических комплекса – «Н.Н. Трегубов и симбирское дворянство», «Учёба И.А. Гончарова в Симбирске», «Служба И.А. Гончарова в Симбирске» – украшают портреты знаменитых местных дворян, составивших круг общения крёстного отца детей Гончаровых Н.Н. Трегубова и давших Ивану Александровичу немало пищи для творческих раздумий над судьбами современников.

Экспозиционный блок «Приезд Гончарова в Симбирск в 1849 году» включает взаимодополняющие друг друга темы: «Встреча с родными» и «Возникновение замысла романа «Обрыв»». Особое место в данном разделе уделено Анне Владиславовне и Льву Васильевичу Киндяковым – владельцам Винновки в пору приезда Гончарова на родину в 1849 году. В семье Киндяковых даже хранилось предание о том, что Гончаров посетил Винновку и, восхищённый красотой этих живописных мест, задумал там свой роман. По твёрдому убеждению Киндяковых, романная бабушка Татьяна Марковна Бережкова «списана» с жены Льва Васильевича Киндякова – Анны Владиславовны. У неё, как и у Татьяны Марковны, вос-

питывались в описываемое время две внучки-сиротки, дочери умершей Натальи Львовны. Они возможные прототипы центральных героинь романа – Марфеньки и Веры. Предположительно в качестве внучек Бережковой в роман попали и две незамужние сестры Льва Васильевича, также Киндяковы. Когда «Обрыв» вышел в печати, современники действительно во многом узнали в имени Бориса Райского Малиновке имение симбирских дворян Киндяковых. «Киндяковский» материал, симбирские мотивы и образы ощущаются в творении Гончарова. В «Обрыве» вошли роща, сад, пруды, оранжерея, дома Киндяковых, деревня Винновка, названная Малиновкой. Симбирск же обозначен Гончаровым как город С. Такое сходство позволило художнику и краеведу А.И. Титовскому реконструировать имение Киндяковых XIX века и перенести на изображение реальных мест романную топографию, которая в подробностях воссоздана на выставке в цифровом контенте на ЖК-панели.

Раздел «Путешествие Гончарова на фрегате «Паллада»» украшает схема-карта морского плавания дипломатической миссии, в состав которой в качестве секретаря входил писатель. Подраздел данного экспозиционного блока – «Приезд в Симбирск в 1855 году» – ведёт посетителя выставки от реально пережитого романистом на родине к выявлению симбирских прототипов романа «Обломов», которых И.А. Гончаров наблюдал воочию в родном городе. Так, здесь представлена фотокопия с живописного портрета Карла-Фридриха Рудольфа, отца жены брата писателя Елизаветы Карловны Гончаровой, бывшего в Симбирске врачом. К.-Ф. Рудольф мог быть одним из прототипов отца Андрея Штольца – Ивана Богдановича. Он так же, как и романский персонаж, был выходцем из Саксонии, сделал в России карьеру и нажил значительный капитал.

Последний приезд Гончарова в Симбирск в 1862 году тоже оказался плодотворным на художественные впечатления. В этом разделе передвижной экспозиции представлены симбирские прототипы романа «Обрыв». Именно симбирские впечатления 1860-х годов легли в основу переосмысления образов центральных героев романа: Веры и Марка Волохова. Как писал Гончаров, «в первоначальном плане романа на месте Волохова <...> предполагалась другая личность – также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своим новым и либеральным идеям, в службе

● Выставка «И.А. Гончаров и Симбирск» в Государственном литературно-мемориальном музее-заповеднике Н.А. Некрасова «Карабиха». 2013

● Церемония открытия выставки «И.А. Гончаров и Симбирск» в Литературном музее г. Пенза. 2015

● Экскурсия на открытии выставки в Государственном литературно-мемориальном и природном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино». 2016

и в петербургском обществе и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов. <...> Но посетив в 1862 году провинцию, я встретил и там, и в Москве несколько экземпляров типа, подобного Волохову. Тогда уже признаки отрицания или нигилизма стали являться чаще и чаще...». Близкие Гончарова склонны были видеть в племяннике писателя Владимире Михайловиче Кирсанове, которого Иван Александрович наблюдал в начале 1860-х годов в доме семьи сестры Анны Александровны Музалевской, одного из возможных прототипов нигилиста Марка Волохова. Портреты ближайшего окружения И.А. Гончарова, выдержки из писем писателя родным, избранные места из воспоминаний племянника Александра Николаевича Гончарова, наконец, цитаты из текста романа, сопровождающие посетителя на выставке, являются значимым подтверждением переосмысления романистом некоторых поворотов сюжета и характеров «Обрыва» под воздействием симбирских наблюдений.

Завершает экспозицию крупный раздел «Увековечение памяти И.А. Гончарова в Симбирске-Ульяновске», в котором в фотографиях памятных мест, связанных с именем романиста, значимых мероприятий всероссийского и международного уровня, проводимых на родине И.А. Гончарова, представлена история чествования памяти прозаика в родном городе.

Примечательно, что даже этикетки, подготовленные специально для передвижной экспозиции, не просто сообщают необходимую информацию посетителю, но и включают цитаты из произведений, писем, воспоминаний И.А. Гончарова и его современников. Такие сопроводительные тексты рас-

крывают историю создания романов, значимые подробности об экспонатах. Так, для посетителя, осматривающего выставку без экскурсовода и остановившегося, к примеру, перед портретом Николая Николаевича Трегубова – крёстного отца детей в семье Гончаровых, не вполне ясным может показаться значение этого человека в жизни Ивана Александровича. Фрагмент, посвящённый крёстному из очерка «На родине» и помещённый на этикетке, разъясняет характер взаимоотношений Трегубова и обитателей дома Гончаровых: «Кроме нашей семьи, то есть моей матери, сестёр и брата, <...> у нас в доме проживал один отставной моряк. Назову его Якубов [Н.Н. Трегубов]. <...> Якубов был крёстным отцом нас, четверых детей. <...> Это был чистый самородок честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, притом с добрым, тёплым сердцем».

Необходимо отметить, что за несколько лет своего существования выставка «И.А. Гончаров и Симбирск» побывала во многих регионах России. Премьера состоялась в мае 2013 года в Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского в Саратове. В июле – сентябре того же года она экспонировалась в Музее-заповеднике Н.А. Некрасова «Карабиха» (Ярославская обл.). В феврале 2015 года состоялось открытие выставки в Пензенском Литературном музее. Побывала передвижная экспозиция и в Музее истории города Новокуйбышевска. В начале 2016 года выставка открылась в Музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино».

Часто по договорённости с принимающей стороной передвижная экспозиция дополнялась материалами, рассказывающими о жизненных и творческих связях нашего великого земляка

и писателя, в музее которого выставка демонстрировалась. И.А. Гончаров и Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин – эти темы, несомненно, вызвали особый интерес на родине других, не менее знаменитых литераторов. С другой стороны, если фонды музеев, принимающих выставку, имели возможность поучаствовать в экспонировании, они дополняли наш изобразительный ряд подлинными предметами из своей коллекции соответственно теме экспозиции.

18 июня 2017 года исполняется 205 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Его романы стали достоянием мировой культуры, по праву заняв место в одном ряду с произведениями Гёте, Сервантеса, Шекспира, а «Обломов» общепризнанно выражает феномен загадочной русской души, отражает национальный характер. Возвращаясь к передвижному выставочному проекту музея писателя «И.А. Гончаров и Симбирск», накануне юбилея романиста отродно заметить, что география его продвижения неукоснительно расширяется. Экспозицию уже удалось представить и в отдалённых уголках нашей страны: в Якутии, Ставропольском крае, и даже за границей, в Армении.

Безусловно, передвижная выставка «И.А. Гончаров и Симбирск» – это ещё один вклад земляков писателя в формирование широкого, всестороннего взгляда современного общества на роль И.А. Гончарова в русской и мировой литературе.

Ирина Маршалова,

заведующая научно-исследовательским сектором ИМЦМ И.А. Гончарова

Проект «Гончаров и Золотой век русской литературы. Лики эпохи»

Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова в Ульяновске, один из самых молодых и востребованных культурных центров родного города писателя, был открыт в 2012 году в день празднования 200-летнего юбилея классика русской литературы.

Новый музей – новые возможности

Созданный на базе единственного в нашей стране Музея И.А. Гончарова, он стал продолжателем его тридцатилетней яркой, насыщенной событиями, рождением новых культурных традиций жизни. Сегодня это центр притяжения и поклонников творчества И.А. Гончарова, и литературоведов.

Одним из главных направлений деятельности вновь созданного Центра-музея И.А. Гончарова стал поиск новых форм взаимодействия с детской и юношеской аудиторией. Широкие возможности музея нового поколения – технически оснащённая экспозиция, просторные экспозиционные залы – позволили задуматься и о новых формах работы с посетителями. Тем более все современные музеи оказались перед необходимостью выполнять не только дидактические функции, но и заботиться об организации эмоционально насыщенного и познавательного досуга. Новые формы работы с посетителем требуют нестандартных, творческих, креативных решений.

Создание первого большого проекта – интерактивного музейного спектакля, посвящённого Гончарову и одной из самых ярких страниц его жизни – путешествию на фрегате «Паллада» к берегам Японии, было вызвано и новыми возможностями музея, и веянием времени. Постановка была адресована совсем юным посетителям. Она получила название «Большое морское приключение – «небезопасная экскурсия» и

стала результатом творческого сотрудничества Центра-музея И.А. Гончарова и Ульяновского театра юного зрителя «Nebolshoy teatr». Этот проект стал победителем конкурса творческих инициатив в сфере социально-культурной деятельности «Ульяновская область – творческий регион». Его целью стало внедрение инновационных форм детских музейных программ, способствующих развитию творческого потенциала и способностей ребёнка. Особенностью, даже уникальностью нового проекта стало то, что посетители, дети от 6 до 11 лет, сами становятся персонажами спектакля. В игровой, интерактивной форме, надевая костюмы, они погружаются в атмосферу захватывающего морского приключения, получая при этом новую информацию через реальные истории и любопытные факты.

Команды под руководством Капитана и Старшего помощника, знакомясь с экспозицией музея, посвящённой плаванию Гончарова на фрегате «Паллада», осваивают азы морской службы, учатся морской азбуке, «драят» палубу, учатся ориентироваться на море по компасу и небесным светилам, принимают участие в литературных викторинах, соревнуются в ловкости и отваге. А как, оказывается, интересны, самобытны культура и традиции далёких экзотических стран!

Музейный спектакль «Большое морское приключение» позволил по-новому взглянуть на современный музей как на доступную активную среду, которая может способствовать укре-

Музейный спектакль «Большое морское приключение»

плению коммуникативных семейных связей, проявлению творческого потенциала детей, а также создаёт условия для реализации их потребностей в познании нового.

Ещё одним событием в жизни нового музея стал проект «Гончаров и Золотой век русской литературы. Лики эпохи», посвящённый Году литературы. Идея создать проект, который бы «оживил» гениев литературы века Гончарова, рассказал бы не по-музейному или по-школьному об их взаимоотношениях, творческих поисках, сомнениях и переживаниях, сделал бы их ближе и понятнее современной молодёжи, волновала сотрудников музея давно. Наконец творческое сотрудничество Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова и членов Ульяновского регионального отделения общероссийской общественной организации

Имя нашего края

«Ассоциация учителей литературы и русского языка» позволило такой проект реализовать. В нём участвовали лучшие учителя города Ульяновска и их воспитанники из гимназий и лицеев.

Литературный бал в Доме Гончарова

Проект возвращает в жизнь нашей молодёжи понимание хорошей литературы, удивительных возможностей нашего родного языка, пробуждает интерес к великому литературному наследию И.А. Гончарова и писателей – его современников: А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, позволяет лучше узнать эпоху, в которой жили

и творили герои проекта, понять личность каждого писателя, прочувствовать, как судьба России отразилась в литературном наследии XIX века.

Одним из ярких событий проекта стало рождение новой традиции: «Литературные балы в Доме Гончарова», которые стали проводиться в Торжественном зале музея ежегодно. Гости вновь встречаются на балах с писателями и персонажами их произведений, знакомятся с бальным этикетом, участвуют в салонных играх XIX века. На одном из балов побывала член Президентского совета по русскому языку, председатель координационного совета общероссийской Ассоциации учителей литературы и русского языка, профессор Л.В. Дудова (г. Москва). Она оставила в книге отзывов такую запись: «Содержательность, великолепное творческое воплощение, энтузиазм – вот характерные черты этого замечательного проекта «Гончаров и Золотой век русской литературы». Бал, венчающий проект года, стал прекрасной короной, увенчавшей работу года». Авторы проекта были награждены памятными медалями Года литературы в России «За особый вклад в книжное дело».

Традиционными стали в нашем музее и новогодние представления для детей разных возрастов «В гостях у Вани Гончарова». Дети вместе со сказочными персонажами путешествуют по музею, их ждёт множество тайн и приключений.

Творческий вечер Марины Верналис в литературной гостиной музея

Любители поэзии, музыки встречаются на концертах, беседах о композиторах, литературных вечерах в Торжественном зале. Музей поддерживает творческие связи со многими музыкальными коллективами, исполнителями, литераторами, учащими, клубами ветеранов, творческими клубами. Они активно участвуют в жизни музея.

Сегодня Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова находится в самом начале трудного, но чрезвычайно интересного пути к своему посетителю. У музея прекрасный творческий потенциал, его сотрудникам немало удалось сделать, и мы уверены, что впереди ещё много открытий, новых проектов и интересных встреч с нашими посетителями.

Мargarита Жданова,
заведующая отделом
ИМЦМ И.А. Гончарова

«Душа так открыто и ясно светила в глазах...»

И.А. Гончаров в портретах русских художников

Первый живописный портрет Гончарова был создан художником Кириллом Антоновичем Горбуновым вскоре после публикации романа «Обыкновенная история» в журнале «Современник» в 1847 году. К тому времени К. Горбунов – автор портретов известных в России людей: А.В. Кольцова, В.Г. Белинского, М.Ю. Лермонтова и многих других.

Художник запечатлел ещё сравнительно молодого Гончарова. Ему 35 лет, он автор первого романа, восторженно встреченного и читателями, и критикой. Портрет хорошо передаёт это особое счастливое состояние молодого писателя: открытый ясный взгляд серо-голубых глаз, лёгкая улыбка на губах, тщательно, и даже франтовато, одетый, в правой руке, слегка согнутой в локте, – дымящаяся сигара. Облик Гончарова на портрете проникнут чувством доброжелательности и окружён лёгким романтическим ореолом свободного художника.

Над романом «Обыкновенная история» Гончаров работал в течение трёх лет. В очерке «Необыкновенная история» он писал: «Роман задуман был в 1844 году, писался в 1845, и в 1846 мне оставалось дописать несколько глав».

Журналист и редактор А.В. Старчевский так описал первое публичное чтение «Обыкновенной истории»: «...Я явился в семь часов вечера к Майковым и застал там всех наших знакомых. Спустя четверть часа Ив(ан) Ал(ександрович) начал читать свою повесть. Все мы слушали её со вниманием. Язык у него хорош; она написана очень легко и до чаю прочитано им было порядочно. Когда разнесли чай,

начались замечания, но они были незначительны и несущественны. Вообще, повесть производила хорошее впечатление. Чтение продолжалось несколько вечеров сряду, и, по мере ближайшего знакомства с действующими лицами, всё чаще и чаще становились замечания <...>. Конечно, Ив(ан) Ал(ександрович) во время чтения своей повести при многочисленном обществе сам лучше других замечал, что надобно изменить и исправить, и потому постоянно делал свои отметки на рукописи, а иногда и просто перечеркивал карандашом несколько строк...».

Весна и начало лета 1846 года явились в жизни Гончарова порою первых настоящих творческих радостей. После чтения своего романа Белинскому он чувствовал себя будто окрылённым. «Белинский, – вспоминал после об этом времени Гончаров, – <...> при всяком

И.А. Гончаров. 1847.
Художник К.А. Горбунов

И.А. Гончаров. 1860.
Художник Н.А. Майков

свидании осыпал меня горячими похвалами, пророчил мне много хорошего в будущем, говорил всем о нём, так что задолго до печати о романе знали все – не только в литературных петербургских и московских кружках, но и в публике».

Многолетний друг И.А. Гончарова, известный петербургский художник, академик живописи Николай Аполлонович Майков в 1860 году завершил работу над портретом писателя. Это один из лучших портретов Гончарова. Художник не скрыл чувство любви и уважения, которые питал к Ивану Александровичу, поэтому образ писателя на полотне передан с удивительной теплотой. Перед нами уже зрелый человек, немного располневший, усы, бакенбарды до самого подбородка, чуть опустились плечи, чуть свободнее стала одежда, в нём уже нет налёта романтизма, зато глаза смотрят прямо на зрителя – пытливо и мудро.

Портрет был написан вскоре после огромного успеха романа «Обломов», вышедшего в свет в журнале «Отечественные записки» и отдельным

И.А. Гончаров. 1868.
Художник И.П. Раулов

изданием в 1859 году. Современники оставили описание внешности Гончарова того периода: «... мужчина лет пятидесяти, небольшого роста, с пробритым подбородком, с начинавшими уже сесть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными».

Но к этому портрету Гончарова больше подходят слова, написанные им самим о его известном во всём мире герое – Обломове, которого писатель наделил особым сердцем и особой добротой: «...ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светила в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки».

Портрет висел в кабинете писателя. В 1914 году был передан в Симбирск экономкой И.А. Гончарова А.И. Трейгута. Сейчас он представлен в экспозиции Музея И.А. Гончарова.

Известный в середине XIX века акварелист и миниатюрист Иван Петрович Раулов создал «непарадный» акварельный портрет И.А. Гончарова в 1868 году, незадолго до первого издания романа «Обрыв» в журнале «Вестник Европы» в начале 1869 года. Этот портрет мало известен, редко публикуется, хотя обладает несомненными художественными достоинствами. На портрете Гончаров в соломенной шляпе, в лёгком сером сюртуке и серо-розовом галстуке, завязанном небольшим бантом. Общий полупрозрачный пастельный фон акварели свидетельствует о бережном отношении автора к своей модели. Портрет передаёт характер человека добро-

го, его глаза исполнены страдания и мудрости, его творческие и душевные силы до предела напряжены.

Это сложный период в жизни Гончарова, он пытался совместить должность редактора официальной газеты «Северная почта», а затем члена Совета по делам печати при Министерстве внутренних дел с работой над романом «Обрыв».

Задуманный в 1849 году в Симбирске роман долго вынашивался и обдумывался писателем, несмотря на его признание: «Как только я приехал на Волгу, на меня, как будто сон, слетел весь план романа». Только в 1860-е годы Гончаров приступает к осуществлению своего замысла. Из писем этого периода мы знаем, что работа над «Обрывом» шла напряжённо и трудно. Писатель мучительно искал главную идею романа: «Являются на сцену лица, фигуры, картины, но сгруппировать их, найти смысл, связь, цель этой рисовки – не умею, не могу», – писал он. Лишь к концу 1860-х годов романист ощущает внутреннюю готовность к завершению работы. В 1867 году он вышел в отставку. Для Гончарова наступило время большого творческого напряжения, он переживает то моменты необыкновенной работоспособности, то полный упадок сил и чувство неуверенности в себе. Наверное, в глубине души писатель сознавал, что «Обрыв» его последнее крупное произведение. «Этот роман была моя жизнь, я вложил в него часть самого себя, близких мне лиц, Родину, Волгу, родные места, всю, можно сказать, свою и близкую мне жизнь», – писал Гончаров об «Обрыве». В этом романе автор стремился выразить своё понимание времени и жизни вообще, свои мысли о России, и её развитии. В письме от 19 июня 1868 года, работая над 4-й частью романа, Гончаров писал о своём труде: «Невольно, бессознательно высказалась там и объяснилась и мне самому – и любовь к людям, и к России...».

Истории создания портрета И.А. Гончарова художником И.Н. Крамским автор книги о писателе в серии ЖЗЛ Ю.М. Лошиц посвятил целую главу. Рождение портрета, заказанного П.М. Третьяковым, потребовало настойчивости как со стороны художника, так и со стороны заказчика. Гончаров в течение пяти лет не соглашался позировать. Вот один из его типичных отказов: «...мешает <...> скромность, вовсе не излишняя и не притворная, то есть убеждение, что деятельность моя не так замечательна, чтобы стои-

ло помещать мой портрет в галерею». И далее: «К этому прибавьте ещё старость, нездоровье, т. е. хандру, какое-то раздражение нерв и т. п.» Только в 1874 году Гончаров согласился позировать. При этом Крамской пишет Третьякову в письме от 6 марта 1874 года: «Сидит он хорошо и совсем стал ручным».

И.А. Гончаров. 1874.
Художник И.Н. Крамской

Когда портрет был написан, Гончаров дал художнику такую оценку: «Он добыл у меня что-то из души, на что он был великий мастер, и дал это что-то, какую-то искру правды и жизни портрету; я радовался, что он понял внутреннего человека». Думается, что определение «внутренний человек» нужно понимать как признание Гончарова в том, что за бесстрастной внешностью стареющего писателя Крамской увидел и признал настоящего человека, достойного внимания, интереса, сочувствия. Освещение в портрете Крамского притушено. Перед нами спокойно сидящий в кресле Иван Александрович, но его облик лишён статичности. Динамичность создают положение торса, жест левой руки, держащей сигару, поворот головы и словно ждущий ответа взгляд писателя, полный живой мысли, он словно дружески беседует со зрителем.

Прижизненные портреты автора «Обломова», созданные художниками, не только дают нам представление о внешнем облике, они помогают понять душевное состояние Гончарова в разные периоды жизни, ощутить его не только как великого писателя, но и как человека со своими слабостями и достоинствами.

Антонина Лобкарёва,
научный сотрудник
ИМЦМ И.А. Гончарова

Петербургские адреса писателя

Большую часть своей жизни И.А. Гончаров прожил в Литейной части Санкт-Петербурга. В середине XIX века Литейная часть была признана самой чистой и благоустроенной, а также самой благополучной с точки зрения общественного спокойствия.

Говорили, что по красоте своих каменных домов она уступает только Невскому проспекту. Литейный был также известен своими книжными магазинами, которых здесь открывалось множество. Все книжные новинки впервые появлялись именно в лавках Литейного проспекта, на который съезжалась вся читающая публика города. Петербуржцы даже прозвали Литейный проспект улицей интеллигенции.

Известно несколько петербургских адресов писателя. Приехав в 1835 году в Петербург из Симбирска, И.А. Гончаров снял квартиру в доходном доме Шамшева на Литейном проспекте, 52. Именно в этой квартире он прожил до своего отправления в плавание на фрегате «Паллада» в 1852 году. В очерках путешествия мы читаем: «Отъезд откладывался на сутки, и я возвращался ещё провести день там, где провёл лет семнадцать, и где наскучило жить». В письме своим друзьям Е.П. и Н.А. Майковым из Портсмута 20 ноября (2 декабря) 1852 года Гончаров пишет об этой квартире так: «Вы помните, я никогда не заботился о своей квартире, как убрать её заботливо для постоянного жителя-бывшего; она всегда была противна мне, как номер трактира, я бежал греться у чужой печки и самовара (высоким словом – у чужого очага), преимущественно у вашего».

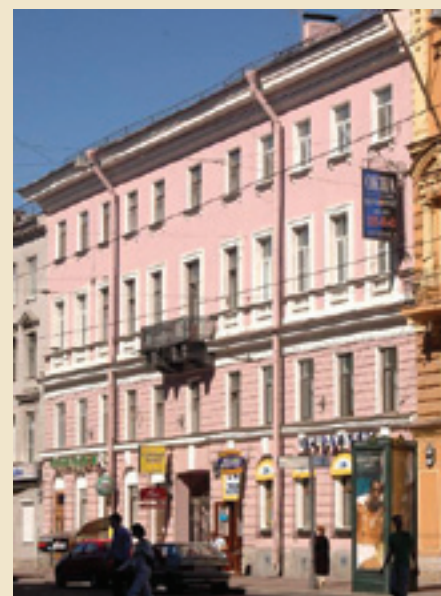
Вернувшись из плавания в феврале 1855 года, Гончаров снял квартиру, адрес которой нам неизвестен. В одном из писем Иван Александрович называет её – «дрянная квартира».

С этой квартирой он, может быть, и не расстался бы, если бы не звание цензора, отсюда частые визиты редакторов и авторов. Всё это вынуждало его сменить квартиру на новую, более просторную.

Иван Александрович сообщает Е.В. Толстой в письме от 1 декабря 1855 года: «...На днях один министр, на вечере у себя, сделал мне предложение занять место у него, где жалованья много, больше даже, нежели сколько мне нужно, а дела ещё больше, нежели жалованья. Однако ж я принял, и в январе это должно состояться. Ужас берёт меня, когда подумаю, что надо искать другую квартиру, больше, покупать мебель и переезжать, потому что должность эта требует немного другого образа жизни и побольше презентабельности... А жаль мне своей дрянной квартиры – по многим причинам».

И.А. Гончаров поселился в доме Кожевникова на Невском проспекте, 51. 20 апреля 1856 года он пишет сестре А.А. Кирмаловой в Симбирскую губернию: «Теперь пиши ко мне: в Санкт-Петербург, на Невском проспекте, близ Биржи, в доме Кожевникова». На этот раз Иван Александрович позаботился и об обстановке квартиры. 5 мая 1856 года он сообщал Д.В. Григоровичу, что покупает шкаф от Давыдова «вместе со всею мебелью, которую я покупаю у Некрасова при отъезде за границу». Но по каким-то причинам в этой квартире Гончаров прожил недолго, не больше года.

В конце 1856 или в начале 1857 года он переезжает в квартиру на ул. Моховой, 3, в дом, который принадлежал чиновнику Министерства иностранных дел, тайному советнику Михаилу Михайловичу Устинову (1800–1871). Дом находился в I квартале Литейной части Петербурга. Точная дата переезда неизвестна, но в письме М.Н. Каткову от 21 апреля 1857 года Гончаров пишет: «Живу я всё там же, т. е. на Моховой улице, близ Сергиевской, в доме Устинова». Из этих строк ясно, что живёт Иван Александрович на Моховой

Дом Шамшева, Литейный, 52

уже какое-то время. Это будет последний петербургский адрес Гончарова. В этой квартире он проживёт почти 35 лет, до своей кончины 15(27) сентября 1891 года. Наверное, ему нравилось и расположение дома недалеко от Летнего сада, где Гончаров любил гулять, устраивала и квартира.

Дом на Моховой имеет свою примечательную историю. Здание не раз перестраивалось и за всё время своего существования сменило немало владельцев. Двухэтажный каменный дом был выстроен при владении этой землёй М.Б. Манучаровым в 1780-х годах. Нижний этаж занимали комнаты прислуги и винный погреб, верхний этаж – жилые покои хозяина. Во дворе располагались служебные постройки и сад. Далее домом владел сенатор И.Г. Резанов. Его сын в 1788 году продал участок вдове генерала С.М. Черноевича Елизавете Аристарховне, чья дочь вышла замуж за писателя и дипломата И.М. Муравьёва-Апостола. Трое их сыновей впоследствии стали декабристами. В 1830-х годах дом был надстроен третьим этажом.

В начале 1850-х годов дом приобрёл тайный советник М.М. Устинов. Здание

Ул. Моховая, 3. Современный вид

перестраивалось в 1851 и 1855 годах архитектором Г.А. Боссе.

И.А. Гончаров поселился в этом доме в квартире из трёх небольших комнат на первом этаже, её окна выходили в парадный двор. Двор был весьма ухожен, имел цветник и зелёные насаждения – деревья и кустарники. Во дворе дома архитектором А.Х. Пелем была сооружена беседка для отдыха. В одном из писем Гончаров писал о том, как у него «зеленеет двор, как сирень буквально лезет в окна, как дикий виноград гирляндами заслоняет солнце от окон». Наверное, поэтому бывавшие в квартире Гончарова называли её малоуютной и темноватой.

Интересно свидетельство внучатого племянника И.А. Гончарова Михаила Викторовича Кирмалова, относящееся к началу 1870-х годов: «Помню хорошо расположение комнат в его квартире (старой, до перделки) в доме Устинова на Моховой. Комнаты небольшие. В кабинете перед столом у окна стояла высокая подставка деревянная, вроде складного стула с натянутой сверху материей, на которой постоянно лежала книга: большого формата издание басен Крылова, причём иллюстрации к басням были не в звериных, а в человеческих лицах. <...>. Иван Александрович иногда читал нам басни и показывал «картинки», иногда дарил нам безделушки; так, я получил от него перочинный ножичек-брелок и трость из его большой коллекции тростей, собранной со всех стран земного шара. Коллекция эта в виде объёмистой пачки покоилась на двух кронштейнах над его кроватью».

В 1871 году М.М. Устинов скончался, и дом перешёл к его сыну, Михаилу Михайловичу Устинову-младшему (?–1878), с которым И.А. Гончаров также был хорошо знаком.

Племянник писателя Александр Николаевич Гончаров вспоминал: «Последние тридцать лет Иван Александрович жил на Моховой, в доме Устинова. За квартиру он платил чуть

ли не 25–30 руб. в месяц, хотя она стоила не менее 100 руб. Он говорил, что М.М. Устинов не желал брать с него более того, что назначил его отец».

В 1875–1876 годах по инициативе М.М. Устинова-младшего дом вновь перестраивался. По проекту В.А. Шретера был изменён фасад здания, он был богато оформлен в стиле второго барокко. В связи с этой перделкой дома сохранилось письмо Гончарова от 15 сентября 1876 года его петербургскому приятелю Н.Н. Теплому, в котором Иван Александрович просит разрешения посетить его вместе с домовладельцем М.М. Устиновым. Отставной горный инженер Николай Николаевич Теплов, несколько лет бывший директором Луганского литейного завода, в 1864 году приобрёл особняк на Английской набережной. В 1870 году для Теплова архитектор Мижув перестроил дом в стиле модной тогда эклектики. Дом был украшен лепниной, всевозможными панно, внутри появились ажурные перила, мраморные каминные лепки на стенах и потолке. И.А. Гончаров приезжал с М.М. Устиновым для осмотра работ по ремонту пола и потолков в доме Теплова. Именно в результате перестройки 1876 года дом Устинова приобрёл тот внешний, а, возможно, и внутренний вид, который сохранился до наших дней.

Из письма близкого друга И.А. Гончарова А.Ф. Кони известно о перделке квартиры писателя в 1883 году. А.Ф. Кони и И.А. Гончаров вместе с семьёй Трейгут (семья слуги Гончарова К.-Л. Трейгута, после смерти которого он взял на себя заботы о его детях. – И.С.) проводили лето на Рижском взморье в Дуббельне (ныне – Дубулты). 6 июля А.Ф. Кони сообщает в письме Л.И. Стасюлевич: «Его городской хозяин вздумал перестраивать его квартиру и строит в ней коридор – и он здесь чрезвычайно разволновался и даже решил откомандировать в Петербург свою Александру Ивановну (А.И. Трейгут – экономка И.А. Гончарова) – чтобы, – на месте, отстаивать унылую неприкосновенность обитаемых им пещер».

Дело в том, что внутренняя планировка доходных домов до середины XIX века была преимущественно анфиладной, но потом стала заменяться на коридорный принцип: коридор или разделял квартиру по середине (по сторонам располагались два ряда комнат), или располагался по одной стороне квартиры, тогда двери во все комнаты оказывались в одной из его стен. Вот такого рода перепланиров-

ку произвёл домовладелец в квартире И.А. Гончарова.

Михаил Викторович Кирмалов вспоминал: «В последний раз я видел Ивана Александровича в декабре 1887 года. Он встретил меня на улице и, узнав, что я еду в провинцию на службу, позвал к себе проститься. <...> Я нашёл Ивана Александровича в маленькой темноватой гостиной (квартира прежняя была расширена), в кресле. Он казался очень постаревшим и ослабевшим».

О том, как выглядел кабинет Гончарова, рассказал в воспоминаниях Виктор Иванович Бибииков: «Небольшая комната, посередине которой стоит обыкновенный письменный стол на двух шкафиках. Перед столом два кресла: одно с вогнутой спинкой соломенного плетения, для письменной работы, другое, возле, сбоку, кожаное, вольтеровское, для чтения. У стены книжный шкаф и мягкий диван. На письменном столе обращают на себя внимание часы с бронзовой фигурой молодой девушки, Марфиньки из «Обрыва». Эти часы – юбилейный подарок, поднесённый Ивану Александровичу от редакторов изданий, в которых он сотрудничал. На стенах висят картины: сцены и лица из его романов».

Кабинет И.А. Гончарова в квартире на ул. Моховой, 3. 1885

В этой квартире у Гончарова бывали немногочисленные друзья, а также известные писатели и поэты, актёры, художники. В этой квартире он работал над своими знаменитыми романами «Обломов» и «Обрыв», очерками и статьями последних лет, воспоминаниями.

Дом сохранился в Санкт-Петербурге по тому же адресу – Моховая, 3. В 1893 году на фасаде здания была установлена памятная доска, выполненная по проекту Н.Л. Бенуа, с текстом: «В этом доме жил 30 лет и скончался 15-го сентября 1891 года Иван Александрович Гончаров».

Ирина Смирнова,
заведующая ИМЦМ И.А. Гончарова

Музейная реликвия

Коллекция гончаровских реликвий, находящихся в экспозиции Историко-мемориального центра-музея, формировалась на протяжении 120 лет. Сегодня она является одной из крупнейших в России. Так случилось, что гончаровская коллекция намного старше самого музея.

Швейцарский след в Доме И.А. Гончарова

Через год после смерти И.А. Гончарова, в 1892 году, экономка писателя А.И. Трейгут передала в дар симбирской Карамзинской общественной библиотеке его последнюю прижизненную фотографию работы петербургского фотографа А.И. Денъера. Поступление фотографии и положило начало формированию гончаровской коллекции в Симбирске.

В 1895 году в Симбирске была создана Учёная архивная комиссия, по инициативе которой началась подготовка празднования 100-летнего юбилея И.А. Гончарова. В то время ещё были живы близкие Гончарову люди: его племянники, воспитанники, друзья. Их дары заложили основу комплектования коллекции музея.

В июне 1912 года в Симбирске состоялись самые крупные в России торжества, посвящённые 100-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Была организована большая выставка, рассказывающая о жизни и творчестве писателя. Она открылась в доме Дворянского собрания и была первой попыткой собрать воедино вещи, сохранившиеся в петербургской квартире Гончарова.

После закрытия юбилейной выставки большая часть вещей вернулась к владельцам, меньшая – поступила на хранение в фонды архивной комиссии. Личные вещи писателя и других членов семьи Гончаровых продолжали поступать в собрание Симбирской архивной комиссии и позднее.

Все собранные в Симбирске предметы должны были составить постоянную экспозицию музея в Доме-памятнике, заложенном в дни юбилейных торжеств 1912 года. Осуществить этот замысел

Изображение часов фирмы Henry Moser в экспозиции ИМЦМ И.А. Гончарова

удалось лишь в 1918 году, когда был создан единый Народный музей и центральный зал был отдан «Гончаровской комнате». В 1954 году в краеведческом музее была создана Комната памяти И.А. Гончарова, которая существовала до открытия Музея И.А. Гончарова.

Гончаровская коллекция очень обширна и разнообразна, поэтому о ней можно говорить долго. Но хотелось бы обратить особое внимание на «загадочный» предмет, который ранее никогда не был открыт для широкой аудитории. Это золотые швейцарские часы, принадлежавшие И.А. Гончарову.

Как известно, у Ивана Александровича не было своей семьи, но с 1878 года на его попечении остались трое детей внезапно умершего камердинера Карла Людвиг Трейгута. Благодаря Гончарову дети получили хорошее образование и воспитание. Семье

Трейгут он завещал всё своё состояние и обстановку петербургской квартиры. Весной 1891 года, ещё при жизни писателя, любимица Гончарова Александра Карловна Трейгут вышла замуж за преподавателя Петербургской консерватории А.Д. Резвцова. В 1912 году Александра Карловна и её муж Александр Дмитриевич передали большую коллекцию гончаровских реликвий для демонстрации на юбилейной выставке в Симбирске.

Позднее коллекция была дополнена невесткой и внуком Александры Карловны Ниной Николаевной и Николаем Борисовичем Резвцовыми во время создания Музея И.А. Гончарова в Ульяновске. В 1977 году они передали в музей коллекцию гончаровских вещей, среди которых были золотые часы швейцарской фирмы Henry Moser.

Где именно приобрёл эти часы Иван

Имя нашего края

Александрович, неизвестно. Возможно, И.А. Гончаров купил их, путешествуя по Швейцарии в 1861 году. Он мог приобрести часы и в Санкт-Петербурге, так как в 1820-х годах в России появляется легендарная «русская швейцарская» фирма Henry Moser. Сам Иоганн Генри Мозер был родом из швейцарского города Шаффхаузен, он родился в семье профессионального часовщика. Позже семья переезжает в Ле-Локль, где молодой Генрих начинает учиться часовому делу. Спустя несколько лет (в 1820-х годах) Мозер едет в Россию, где в 1826 году создаёт в Санкт-Петербурге свою первую часовую мастерскую, а в 1839 году открывается Торговый дом в Москве. Свои первые золотые часы российского производства с серийным номером 12 Мозер дарит российскому императору Николаю I. Ассортимент фирмы Henry Moser был очень широк, выпускались часы разных марок: «Блондель», «Робер», «Лепин», «Сальтер», «Тобиас» и другие.

Интересна история, связанная с часами И.А. Гончарова. Писатель завещал передать часы первому сыну, который родился в семье Резвцовых. Вскоре после смерти писателя на свет появился мальчик, которого назвали Борисом. Завещание Гончарова было выполнено. Из письма жены Бориса Александровича Резвцова Нины Николаевны: «Некоторые вещи, конечно, сохранялись как реликвия, например, часы. Они были завещаны Иваном Александровичем старшему мальчику, который родился у Сани (Александр Трейгут). Когда мой муж кончил гимназию в 1912 году, бабушка сделала на них его монограмму и их ему отдала». Это швейцарские карманные часы марки «Тобиас» в золотом корпусе и с золотой цепочкой, состоящей из 29 сложных и 3 простых звеньев. Крышки часов украшены орнаментом. На верхней крышке в картуше монограмма «Б.Р.» (Борис Резвцов).

Подлинные часы по-прежнему скрыты от взора посетителей. Они хранятся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Тем не менее у посетителей Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова, благодаря современному мультимедийному оборудованию, есть уникальная возможность рассмотреть эту гончаровскую реликвию со всех сторон с помощью 3D-изображения.

Светлана Шаймарданова,
старший научный сотрудник
ИМЦМ И.А. Гончарова

Кирмалов из рода Кира Мала

Летом 1850 года И.А. Гончаров получил трагическое известие из родного Симбирска. Его сестра Александра в 35 лет стала вдовой с шестью детьми на руках. Муж Александры Александровны, Михаил Максимович Кирмалов, был жестоко убит крестьянами в своём имении. Следственное разбирательство по факту убийства М.М. Кирмалова продолжалось почти два года. Трагедия нарушила мирное течение жизни в семье. Возможно, эти драматические события ускорили смерть матери писателя, Авдотьи Матвеевны. Она умерла 13 апреля 1851 года.

А.А. Кирмалова.
Фото. 1860-е годы. УКМ

Гончаров с большим сочувствием относился к сестре. У них были по-настоящему тёплые родственные отношения.

Иван Александрович постоянно переписывался с Александрой Александровной. К сожалению, сохранилась лишь малая часть этой переписки. Но даже обращение к сестре говорит о многом: «Саша», «Сашок», «Милый друг Александра Александровна»...

Пензенский дворянин Михаил Максимович Кирмалов женился на восемнадцатилетней сестре писателя Александре в 1833 году, когда Иван Александрович учился в Московском университете. Кирмалов был на 22 года старше жены. После свадьбы около десяти лет Кирмаловы жили в доме Гончаровых. В Симбирске родились четверо из шести детей Кирмаловых: Виктор (1834), Софья (1837), Владимир (1840), Николай (1842). В селе Хухорево родились дочери Екатерина (1845) и Варвара (1847).

И.А. Гончаров имел возможность присмотреться к своему зятю, так как после окончания Московского университета с июля 1834 года по апрель 1835 года жил вместе с Кирмаловыми в доме матери, служил в канцелярии симбирского губернатора А.М. Загрязского. В 1849 году, возвращаясь из симбирского отпуска в Петербург, Гончаров заезжал в Хухорево. Позже из Петербурга Гончаров прислал в подарок зятю статуэтки-карикатуры работы Н.А. Степанова на себя и Ф.В. Булгарина. В письме к Михаилу Максимовичу Гончаров писал в несвойственной ему манере, по-видимому, подстраиваясь под стиль зятя: «Смотри-ка, смотри: эх как тебя дёрнуло, Михайло Максимович:

Дом Кирмаловых в с. Хухорево. Фото нач. XIX в. УКМ

целый лист написал! Да как сил стало? Зачем ты денег-то прислал? Ведь я же тебе подарил обе статуэтки. Особенно себя я не продаю: я только покупаю его, то есть себя... Фу-ты, как неловко сказать!».

Личность Кирмалова и связанная с ним семейная трагедия не оставляли Гончарова в последующие годы и, как говорил сам писатель, «силоу рефлексии» могла отразиться в его творчестве. О зяте вспомнил Гончаров, когда читал роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». В Иудушке увидел он воплощённые черты Михаила Максимовича и об этом писал Салтыкову-Щедрину: «Я следил за одной такой, близко знакомой мне натурой, замкнувшейся в своём углу. Такой же любостыжатель, как Ваш Иудушка, и прелюбодей, не случайный, как Ваш герой, а всецельный и неуправляемый. Доведший до отчаяния и оттолкнувший жену, смотревший на своих детей, как на поросят, он только и делал, что отрезывал земельные клочки у мужиков да прохаживался по их женам и дочерям, переводя мужей и отцов, чтоб не мешали, в другие свои дальние деревни. Все от него отступились, и чужие, и свои, но он крепко и несмущаемо жил в своём захолустье, и сам мне говорил (я провёл два дня случайно в его углу), что на него очень злобны мужики и дворян — и, пожалуй, не прочь «сбыть» его, «да я им покажу!!» — заключил он».

В Кирмалове писатель увидел воплощение абсолютного зла, не обладающего силой и возможностью полной реализации, но способного создать во-

круг себя атмосферу зла. Подобный тип человека и был воплощён Гончаровым в образе Михея Андреевича Тарантьева в романе «Обломов». Этот герой, по словам автора, «носил и сознавал в себе дремлющую силу, запертую в нём враждебными обстоятельствами навсегда, без надежды на проявление, как бывали запираемы, по сказкам, в тесных заколдованных стенах духи зла, лишённые силы вредить. Может быть, от этого сознания бесполезной силы в себе Тарантьев был груб в обращении, недоброжелателен, постоянно сердит и бранчив».

Гончаров рассказывает в романе короткую историю формирования личности Тарантьева. Отец его, «провинциальный поднятый старого времени», определил и сыну идти его дорогой и стал передавать сыну «искусство и опытность хождения по чужим делам». Но Тарантьев не успел применить науку отца на деле. После смерти отца он был увезён неким благодетелем в Петербург и определён в писцы. Гончаров отмечает в романе, что Тарантьев так «и остался только теоретиком на всю жизнь. В петербургской службе ему нечего было делать <...>, с тонкой теорией вершать по своему произволу правые и неправые дела...». Тарантьев играет важную сюжетобразующую роль в романе. Он и «братец» Агафьи Матвеевны — Иван Матвеевич, пожалуй, самые отрицательные из гончаровских героев. Они сумели обвести вокруг пальца доверчивого Илью Ильича Обломова и обирали его долгое время. Но всё-таки у Ивана Матвеевича Мухоярова, тоже

прожжённого чиновника и проходимца, в глубине души осталась капля совести. После того как Штольц расстроил их совместную с Тарантьевым авантюру с заёмным письмом на Обломова, Тарантьев предложил обобрать Агафью Матвеевну. В ответ «Мухояров вынул из кармана заёмное письмо на сестру, разорвал его на части и подал Тарантьеву. — На, вот, я тебе подарю, не хочешь ли? — прибавил он. — Что с неё взять? Дом, что ли, с огородишком? <...> Да что я, нехристь, что ли, какой? По миру её пустить с ребятишками?». Именно Тарантьев вывел из себя кроткого и добродушного Обломова. Гончаров так изобразил эту сцену:

« — Тарантьев! — грозно крикнул Обломов.

— Что кричишь-то? Я сам закричу на весь мир, что ты дурак, скотина! — кричал Тарантьев. — Я и Иван Матвеевич ухаживали за тобой, берегли, словно крепостные служили тебе, на цыпочках ходили, в глаза смотрели, а ты обнёс его перед начальством: теперь он без места и без куска хлеба! Это низко, гнусно! Ты должен теперь отдать ему половину состояния; давай вексель на его имя: ты теперь не пьян, в своем уме, давай, говорю тебе, я без того не выйду...

— Что вы, Михей Андреевич, кричите так? — сказали хозяйка и Анисья, взглянув из-за дверей. — Двое прохожих остановились, слушают, что за крик...

— Буду кричать, — вопил Тарантьев, — пусть срамится этот олух! Пусть обдурит тебя этот мошенник немец, благо он теперь стакнулся с твоей любовницей...

В комнате раздалась громкая оплеуха. Поражённый Обломовым в щеку, Тарантьев мгновенно смолк, опустился на стул и в изумлении ворочал вокруг одуревшими глазами. <...>

— Вон, мерзавец! — закричал Обломов, бледный, трясась от ярости. — Сию минуту, чтоб нога твоя здесь не была, или я убью тебя, как собаку!

Он искал глазами палки.

— Захар! Выбрось вон этого негодяя, и чтоб он не смел глаз казать сюда! — закричал Обломов.

— Пожалуйте, вот вам бог, а вот двери! — говорил Захар, показывая на образ и на дверь. <...> После этого Тарантьев и Обломов не видались более».

Биографов и исследователей творчества романиста привлекала фигура Михаила Максимовича Кирмалова. Отмечали, что трагедия, произошедшая в семье Кирмаловых, определённым образом повлияла на изменение замысла «Обломова», усилив антикрепостническую направленность романа. П.С. Бей-

Имя нашего края

сов в книге «Гончаров и родной край» дал обзор основных документов уголовного дела об убийстве М.М. Кирмалова. Он также высказал предположение, что хухоревские наблюдения писателя легли в основу описания русского помещика и жизни русского имения во «Фрегате «Паллада»».

Стараниями научного сотрудника музея И.А. Гончарова Ю.М. Алексеевой и В.В. Кирмалова (потомка дяди М.М. Кирмалова — Фёдора) были выявлены новые архивные материалы о роде Кирмаловых. Владимир Васильевич Кирмалов жил в Пензе, одно время работал в Пензенском областном архиве. Он серьёзно занимался родословной своей семьи, архивными находками о симбирской ветви Кирмаловых делился с сотрудниками гончаровского музея в Ульяновске.

Среди потомков А.А. Кирмаловой до сегодняшних дней сохранилось предание о татарском происхождении их рода. Они вели родословную от Кира Малого — татарского князя или мурзы, пришедшего в Россию с ханом Батыем. В.В. Кирмалов высказывал предположение о мордовском происхождении их рода, что фамилия Кирмаловых пошла от названия села Карамалы Никольского района Пензенской области. Это старинное мордовское село упоминается в документах с 1688 года. Местная мордва производит название от слова «карамо» — рытьё, «ало» — внизу, нижний ров, овраг.

Самый старинный документ из выявленных В.В. Кирмаловым в пензенском архиве датируется 1701 годом. Это составленные по распоряжению боярина Бориса Алексеевича Голицына мерные книги пензенских земель. В мерных книгах упоминается Пётр Тимофеев сын князь Кирмалов, кото-

рый в 190 (1682) и 191 (1683) годах в числе прочих мордовских и татарских мурз принял христианскую веру в Кадомском уезде. Ему была дана земля в Пензенском уезде на речке Качим. Документ наглядно показывает, что Кирмаловы были вовлечены в водоворот исторических событий, происходивших в Пензенском крае в XVII веке. В те времена порядок землепользования и землевладения служилыми мурзами определялся Соборным уложением 1649 года, в соответствии с которым земля закреплялась только за несущими воинскую службу. В 1681–1682 годах шёл активный процесс христианизации служилых мурз. Именно в это время и был крещён Пётр Тимофеевич Кирмалов. Часть принявших христианство служилых мурз сохранила свой статус и позднее интегрировалась в дворянство, у большинства же изменилось экономическое и правовое положение, и они вошли в состав крестьянства. Эта тенденция закреплялась указами Петра I. Исполняя волю царя, боярин Голицын приказывает составить мерные книги и отметить, кто из служилых людей, а кто из ясашных, то есть плательщиков государственного налога общего характера, взимавшегося в царской России с народов Поволжья.

К сожалению, этот документ не вносит ясность в вопрос о национальной принадлежности рода Кирмаловых. Из исторической литературы известно, что титул мурзы носили лишь представители знати татар-мусульман в Золотой Орде и в образовавшихся после ее распада татарских ханствах. Однако в документах XVII–XVIII веков встречаются и мордовские мурзы, несшие, как правило, станичную службу. Наверняка титул мурзы был распространён русским правительством на служи-

лую мордовскую знать по аналогии с татарскими мурзами, т. к. в XVII веке российское законодательство, видимо, несильно различало в правах служилых иноверцев Поволжья. В 1718 году все они были причислены к ведомству Адмиралтейской канцелярии.

Термин «мордовские князья» в русских источниках XVII века не встречается, а в документах более раннего периода он означал владельных татарских князей, взимающих ясак с мордвы, покорённой Батыем. Даже крестившиеся потомки не носили личного княжеского титула, он писался только перед фамилией, а не перед именем. Исходя из всего сказанного, можно сделать предположение, что Кирмаловы действительно происходили от татарского мурзы Кира Малого, собиравшего ясак в Поволжье. Его потомки осели на мордовских землях и в XVII веке перешли на службу к русским государям.

В архиве Пензенской области хранится роспись рода Кирмаловых, где представлены четыре поколения. В первом поколении (середина XVII века) указан только Тимофей. О нём нет никаких сведений, кроме того, что у него было три сына: Пётр, Иван, Лаврентий.

Во втором поколении и представлены Пётр, Иван и Лаврентий Тимофеевичи. О Петре Тимофеевиче говорилось в документе выше. Можно только дополнить, что, вероятно, он умер бездетным и его наследниками стали братья Иван и Лаврентий. О Лаврентии Тимофеевиче нет никаких других сведений. Иван Тимофеевич, будучи отставным драгуном, к доставшейся ему по наследству от брата Петра земле прикупил в декабре 1732 года землю в селе Архангельское Пензенского уезда.

К третьему поколению относятся сыновья Ивана Тимофеевича — Кондратий, Семён, Трофим и Григорий. Семён и Кондратий Ивановичи «по желанию их положены в подушный оклад». Кондратий «вышел Синбирского наместничества Самарской округи в село Каменку на казенную землю». О Григории нет никаких сведений.

Больше всех известно сведений о Трофиме Ивановиче (предке зятя писателя по прямой линии). Сохранилась копия документа (указа), выданного Государственной военной коллегией, что Трофим Кирмалов 3 февраля 1750 года подал в военную канцелярию прошение об отставке. При этом он показал, что «от роду ему 65 лет, в службе с 1719 года, из дворян, определён в Ямбургский драгунский полк, в драгуны, был капралом, подпрапорщиком,

Слева направо: Лариса, Елена, Галина, Нина Кирмаловы. 1984

каптенармусом, 15 июля 1736 года произведён в ротные квартирмейстеры. В походах безотлучно, принимал участие в шведской войне. Помещик Пензенского уезда, душ мужеского полу за ним не имеется, а имеет поместную землю. По отставке желает в дом». Трофим Кирмалов представил следующее заключение медицинской конторы: «на правом глазу имеет бельмо, а левым глазом худо видит, правая нога от застарелых цынготных ран вся высохла, ею плохо владеет. И затем ни в какой службе и удел быть не способен». Впечатлённая таким медицинским свидетельством «Императорского величества Государственной военной коллегии контора общесобранным генералитетом приказала одного ротного квартирмейстера от военной и штатской службы отставить и отпустить в дом его. В доме его и в пути ему Кирмалову обид и утеснений не чинить, но за его службу показывать всякое благодеяние разным образом. И ему Кирмалову поступать тако же. Платье носить немецкое, бороду брить, ходить при шпаге или при кортике». После отставки у Трофима Кирмалова родились два сына: Фёдор (1756) и Максим (1760).

В четвёртом поколении представлен: сын Семёна Ивановича – Иван, о котором известно только, что он был однодворцем, то есть владельцем небольшого (в один двор) земельного участка и сам на нем работающий. Сын Григория Ивановича – Михаил упоминается в документах как драгун и других сведений о нём нет; два сына Трофима Ивановича – Фёдор и Максим. Фёдор и Максим Трофимовичи в 1791 году обратились в Дворянское собрание с просьбой выдать им дворянскую грамоту и представили сведения о себе.

Фёдор Трофимович – «недоросль, чина не имеет, не служащий, жительство имеет в селе Сырмяс, Городищенской округи; совместно с братом Максимом владеет землёй в селе Архангельском Качим тож Пензенского наместничества Городищенской округи, женат на дворянке Марине Пантелеевой, имеет двух дочерей – Марину и Агафью». Максим Трофимович – «губернский регистратор в Городищенском уездном суде, жительство имеет в г. Городище, женат на дворянке Дарье Алексеевой, имеет двух дочерей – Настасью и Евгению». Из документов следует, что только Фёдор и Максим Трофимовичи смогли закрепить за собой и своими потомками дворянство. В фондах музея И.А. Гончарова хранит-

В.В. Кирмалов и Ю.М. Алексеева на Гончаровском празднике. Ульяновск. 2002

ся Дворянская грамота, пожалованная свёкру сестры писателя Максиму Трофимовичу Кирмалову в 1793 году.

Его сын Михаил Максимович (он являлся представителем пятого поколения) также служил с 1815-го по 1824 год в 15-м Егерском полку, дослужился до чина капитана. Выйдя в отставку, он продолжил службу дворянским заседателем в Городищенском земском суде, затем в Симбирской казённой палате. На момент женитьбы на сестре писателя Михаилу Максимовичу принадлежало 15 душ крестьян в селе Сырмяс в Городищенском уезде Пензенской губернии. В 1836 году А.А. Кирмаловой от крёстного отца Н.Н. Трегубова досталась часть его имения в селе Хухорево Ардатовского уезда (69 душ с землёю) и 11 душ в селе Покровском того же уезда. Другую часть Хухорева в 1838 году она купила у Болтинных (185 душ с землёю) за 56 тысяч рублей. В январе 1837 года Н.Н. Трегубов продал А.А. Кирмаловой землю и 6 душ крестьян в деревне Михайловке Ардатовского уезда. Тогда же Александра Александровна дала мужу доверенность на управление имением и хозяйственных дел не касалась. Всего в 1850 году у А.А. Кирмаловой значится в залоге в Московском опекуном совете 250 душ и 980 десятин земли. Кирмалов продолжал преумножать свою собственность. В Пензенской палате гражданского суда хранится документ: «Лета 1850 года января в двадцатый день из дворян канцелярист Михаил Осипович Романов продал надворному советнику Михаилу Максимовичу Кирмалову, <...> состоящих Пензенской губернии Городищенского уезда в селе Сырмяс по 8-й ревизии мужеска пола одиннадцать и женска десять душ <...> с прилежающе к ним землёю <...> и всеми угодьями, всего сто двадцать пять десятин со всем

крестьянским имуществом <...> ценою тысяча сто сорок три рубли серебром».

В.В. Кирмалов вспоминал слова бабушки о том, что был «в нашей родне большой человек Мишка, который в своё время купил много земли в Русском Сырмясе». Михаил Максимович, видимо, стал единственным представителем семьи, который перешёл из мелкопоместных в среднеспоместные помещики.

В 1841 году Кирмалов вышел в отставку в чине надворного советника, и семья Кирмаловых обосновалась в барском доме в Хухорево. М.М. Кирмалов был убит собственными крестьянами 27 июля 1850 года. В это время Александра Александровна со старшими детьми находилась в Симбирске. После трагической смерти мужа её постоянным местом жительства стало село Хухорево. Там Кирмаловы жили до 1918 года. Своим детям Александра Александровна постаралась дать хорошее образование: сыновья учились в университете, дочери – в московском пансионе. Неоднократно в публикациях современниками отмечался значительный вклад членов этой семьи в формирование гончаровской коллекции в родном городе писателя, в организацию и участие гончаровских юбилеев. Многие ульяновцы помнят сестёр Кирмаловых из Нижнего Новгорода – Нину Борисовну, Галину Борисовну, Елену Борисовну. Они часто приезжали в город в дни рождения писателя, выступали на гончаровских праздниках. В настоящее время представители рода Кирмаловых живут в разных городах России, а некоторые представители самого молодого поколения – в Германии.

Антонина Лобкарёва,
научный сотрудник
ИИЦМ И.А. Гончарова

УТОЛИТЬ «СНАРЯДНЫЙ ГОЛОД»

История Симбирского патронного завода

Симбирский патронный завод
Рис. Н.П. Миттраха.
Из фондов музея УГПЗ

Инженерно-технические работники Петроградского патронного завода.
Из фондов музея УГПЗ

Создание патронного завода в Симбирске происходило в тяжелейших условиях Первой мировой войны и революционных событий 1917 года. В аграрной Симбирской губернии завод стал самым крупным промышленным производством, а для Симбирска-Ульяновска его строительство дало начало образованию нового, Заволжского, района.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов впервые была рассмотрена возможность построить около Сызрани, где был Александровский железнодорожный завод мощностью 100–170 миллионов патронов в год для снабжения армии боеприпасами на азиатском направлении. Однако от дорогостоящего предприятия в итоге отказались.

Новый этап создания оборонной промышленности в Симбирской губернии наступил после 1910 года, когда премьер-министром П.А. Столыпиным было одобрено строительство в Симбирске железнодорожного моста через Волгу. Появилась возможность претендовать на размещение большого казённого завода на территории губернского центра, где отсутствовало крупное про-

мышленное производство. Историк-краевед Ю.Д. Ефимов в книге «Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918)» писал: «Нужно отметить, что ещё в 1912 году Симбирская городская дума рассматривала вопрос об отводе в городе места для строительства завода по производству пушек, в 1913 году – для порохового завода, а в 1914 году – для патронного завода». Рассматривалось предложение и о строительстве трубчатого завода. Симбирская городская управа готова была выделить для этих нужд участок городской земли на левом берегу Волги. Тем не менее до Первой мировой войны вопрос о создании оборонного завода в Симбирске так и не был согласован.

Начальный период Первой мировой войны обозначил недостаточную развитость военной промышленности России и, как следствие, – «снарядный

голод» 1915 года. Мощности двух казённых патронных заводов в Петрограде и Луганске и частного завода в Туле не могли полностью обеспечить потребности Русской армии. Российской империи пришлось размещать военные заказы за границей. Генерал-майор артиллерии Е.З. Барсуков, являвшийся в годы Первой мировой начальником Управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке Верховного главнокомандующего и председателем комиссии по организации тяжёлой артиллерии особого назначения, в исследовании «Артиллерия Русской армии (1900–1917 гг.)» отметил, что патронные заводы в Петрограде, Луганске, Туле изготовили за время войны 1914–1917 годов около 4 миллиардов 55 миллионов патронов. Однако по заграничным заказам поступило в Русскую армию за период 1915–1917 го-

Военный министр генерал Д.С. Шуваев. 1916

дов до 2 миллиардов 413 миллионов патронов.

Генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович во второй половине марта 1915 года пришёл к выводу о необходимости закупать на Западе производственные мощности для выпуска вооружений в России. Главное артиллерийское управление (ГАУ) под руководством генерала А.А. Маниковского приступило к реализации строительства новых военных заводов. Третий казённый патронный завод решено было построить в Симбирске, безусловно, благодаря настойчивости городской власти.

Новый патронный завод должен был решить проблему обеспечения Русской армии патронами. Как отмечал Е.З. Барсуков, в начале 1916 года производительность трёх действовавших патронных заводов могла обеспечить подачу около 130 миллионов патронов в месяц, в то время как армии требовалось 200 миллионов патронов. Закрывать дефицит в 70 миллионов патронов в месяц предполагалось за счёт патронного завода в Симбирске. Симбирский завод проектировался как самый мощный в империи, годовой производительностью не менее 840 миллионов трёхлинейных патронов, 950 тысяч пудов латуни в лентах и полосах, 180 тысяч пудов мельхиора в лентах, 1 миллион 200 тысяч гильз к трёхдюймовым (76 мм) пушкам.

Окончательное решение было принято на Военном совете 11 февраля 1916 года. На представлении начальника ГАУ от 27 марта 1916 года за № 44713 была положена резолюция военного министра генерала от инфантерии Д.С. Шуваева о согласии утвердить место для постройки третьего патрон-

ного завода в Симбирске. В документе ГАУ отдела хозяйственного от 29 марта 1916 года № 2944 «Об отпуске средств на постройку третьего патронного казённого завода» отмечалось, что требуются ассигнования на строительные работы – 21 миллион 333 тысячи 60 рублей, на покупку земли – 500 тысяч рублей, на техническое оборудование – 18 миллионов 957 тысяч 895 рублей, на хозяйственные работы – 193 тысячи рублей. Всего – 40 миллионов 983 тысячи 955 рублей. Следует, конечно, брать в расчёт военную инфляцию. Для сравнения: общие затраты по строительству железнодорожного моста через Волгу в Симбирске по смете 1913 года составляли 15 миллионов 478 тысяч 948 рублей.

20 апреля 1916 года приказом военного министра Д.С. Шуваева по военному ведомству № 205 была учреждена временная хозяйственно-строительная комиссия по постройке третьего патронного завода – эта дата считается основанием патронного завода в Симбирске. Председателем временной хозяйственно-строительной комиссии был назначен генерал-майор Вениамин Константинович Дорошин, помощниками председателя по технической части были гвардии полковник, затем генерал-майор Николай Васильевич Копанский (в 1917 году он исполнял должность председателя), гвардии полковник Михаил Казимирович Годлевский, помощником по строительной части был инженер, коллежский асессор Ошмянский.

14 мая 1916 года комиссия постановила заключить с Симбирской городской управой запродажную запись или купчую крепость на приобретение участка городской земли площадью 225 десятин на левом берегу Волги по цене 300 рублей за десятину, что составило 67 тысяч 500 рублей. Упомянулось и особое обязательство города – принять на себя половину расходов по устройству пешеходного сообщения по железнодорожному мосту, если общая стоимость устройства не превысит 30 тысяч рублей, а также предоставить рабочим и служащим завода усадебные участки по низкой цене и на условиях долгосрочной аренды.

Строительство завода началось в июле 1916 года близ симбирских заволжских слобод: Нижней Часовни, Канавы, Королёвки. До Первой мировой территорию будущего завода использовали кавалеристы Уланского полка. По воспоминаниям строителя завода Ивана Максимовича Фёдорова, подготови-

тельные мероприятия проходили с мая 1915 года, когда под руководством инженера Алексея Алексеевича Воронова началась разбивка территории под будущий завод. Зимой измеряли прибывший строительный материал на берегу Волги, а весной 1916 года приступили к земляным работам по выравниванию площади, затем началось строительство бараков для австрийских военнопленных, воинских бараков, офицерского и рабочего городка. Как писал И.М. Фёдоров, главным подрядчиком по строительству завода была фирма «Тами и Дейчман», принимавшая участие и в строительстве железнодорожного моста.

В связи с тем что частичное действие завода по винтовочным патронам предполагалось открыть уже к концу 1916 года, первоначально были построены временные бревенчатые барачного типа мастерские, где разместились цеха: механический, инструментальный, гильзовый, снаряжательный, укупорочный. Строительство же бетонного корпуса только началось. Технический, строительный, хозяйственный отделы находились в австрийских бараках (ныне территория цеха № 5 АО «Ульяновский патронный завод»). С октября 1916 года стало поступать оборудование. Заказанные ещё летом станки прибывали на Петроградский патронный завод, откуда доставлялись в Симбирск. 15 ноября 1916 года гвардии полковник М.К. Годлевский ходатайствовал перед начальником Петроградского патронного завода о направлении на Симбирский патронный завод 236 станков английского завода «Гринвуд и Бетли». Тем не менее к концу 1916 года винтовочное производство в Симбирске ещё не было открыто.

Оценивая усилия царского правительства для достижения победы в войне, следует подчеркнуть, что они были колоссальными. Историк А.И. Уткин, ссылаясь на академика Струмилина, в книге «Первая мировая война» отметил, что производственный потенциал России между 1913 и 1917 годами увеличился почти на 40%, затем наступил резкий спад. Производство предметов боевого снабжения к концу 1916 – началу 1917 года достигло своих максимумов, Русская армия была к этому времени лучше вооружена, чем прежде. Генерал А.А. Брусилов писал в воспоминаниях: «Я вполне был уверен, что при той же тщательной подготовке, которая велась в предыдущем году (1916 году. – А.Д.), и значительных средствах, которые отпускались, мы не

могли не иметь и в 1917 году хорошего успеха». Февральская революция привела к дезорганизации военных усилий России и к разложению Русской армии.

После революции планы строительства Симбирского патронного завода были ограничены. 23–26 июля 1917 года на заводе в Симбирске работала комиссия из Петрограда, её члены В.И. Стомма и Г.И. Фридендер, на основании постановлений генерала А.А. Маниковского и Н.Н. Покровского, указали на необходимость приостановить постройку латунно-мельхиорового и пушечно-гильзового производства, а патронный завод строить не в полном размере, учитывая тяжёлое финансовое положение государства.

За год были построены лишь временные здания мастерских, бараков для рабочих, складов, из постоянных – 5 флигелей для администрации (офицерские дома), баня, железнодорожные ветки от завода до станции Часовня и Часовня-Нижняя. Значительно продвинулись в постройке силовая станция, мастерская для гильзового производства (бетонный корпус), кузница, 15 флигелей для администрации, один железобетонный склад и два – из пустотелого камня, были проведены земляные работы для тира, бака для нефти, трёх флигелей для администрации и трёх складов.

Комиссия определила стоимость окончательного строительства завода в 44 миллиона рублей, из которых 10,5 миллиона уже были израсходованы на строительные работы и оборудование. При этом было подчеркнута, что реализация первоначального проекта увеличила бы стоимость завода до 100 миллионов рублей. В числе расходов, не включённых в сумму 10,5 миллиона рублей, оговаривались уплаты ГАУ заводу «Кархула» – 1 миллион 288 тысяч 440 рублей 42 копейки и английскому заводу «Гринвуд и Бетли» – 126 тысяч фунтов стерлингов, и уплата за землю. Отмечалось, что для строительства рабочего городка, ввиду полного квартирного кризиса в Симбирске и заволжских слободах, потребуется приблизительный кредит в 10 миллионов рублей. Рабочих на заводе на июль 1917 года было 3 419 человек, из них строительных – 3 116 человек, по производству – 303, у подрядчиков – 2 245, у завода были ещё рабочие руки – 1 174 человека, из которых 622 военнопленных, в основном австрийских. В воспоминаниях рабочих завода упоминались инженеры-австрийцы из числа военнопленных.

В июле 1917 года на заводе была

произведена первая пробная продукция. К 1 января 1918 года завод должен был выйти на производительность 15–17 миллионов патронов в месяц (первоначально планировалось 70 миллионов патронов в месяц), при работе в две смены для этого требовались 3 700 рабочих по производству. Администрация ожидала увеличения количества рабочих, так как комиссия из Петрограда оговаривала вероятность эвакуации Петроградского патронного завода в Симбирск. Эвакуация оборонного производства из столицы рассматривалась, очевидно, вследствие разложения Русской армии и угрозы Петрограду со стороны германских войск.

Начальник ГАУ генерал А.А. Маниковский

На самом заводе производственную и строительную деятельность всё более отодвигала политика. В 1917 году агитацию там вели многие партии: кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты, большевики. Особенностью Симбирского патронного завода было наличие контингента из нескольких сотен рабочих-петроградцев, проявлявших живой интерес к событиям в революционной столице. Рабочий-петроградец Вавилов во время Корниловского выступления в конце августа 1917 года организовал первый в Симбирске отряд Красной гвардии. Отряд состоял из 30 рабочих патронного завода.

После Октябрьской революции здесь был создан красногвардейский отряд под руководством заводчан-петроградцев П.Г. Самарина и П.Ф. Лоханина, а также небольшой отряд из строителей завода под началом техника Е.Я. Малаховского. Красногвардейцы патронного завода установили связь с Сестрорецким оружейным заводом, получили от него 500 винтовок. Отряд Красной

гвардии патронного завода с 10 по 11 декабря 1917 года участвовал в охране здания Симбирской уездной земской управы, где была принята резолюция о переходе власти в Симбирске и губернии к Советам. Рабочие патронного завода в составе красногвардейских отрядов принимали участие в роспуске Симбирской городской думы, арестах депутатов, конфискации типографии Токарева, взятии Волжско-Камского коммерческого банка, роспуске Симбирского кадетского корпуса, ликвидации мятежа в селе Ключиши.

Первый результат, который получил Симбирский патронный завод от установления советской власти, был обескураживающим – демилитаризация завода в январе 1918 года и роспуск рабочих до востребования. Советское правительство вело в Брест-Литовске переговоры с Германией и её союзниками и готово было пойти на подписание сепаратного договора для вывода России из Первой мировой войны, поэтому наращивание военного производства представлялось, очевидно, на тот момент излишним для советского руководства. Интересно отметить, что удостоверения отпускаемым рабочим наряду с представителями нового управления завода подписывал председатель временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке третьего патронного завода Н.В. Копанский, имевший звание генерал-майора. Через месяц рабочих стали вызывать на завод обратно, что, скорее всего, было связано с прекращением Германией перемирия и наступлением германских войск на Восточном фронте с 18 февраля 1918 года. Немецкие самолёты впервые бомбили Петроград. В условиях угрозы захвата столицы началась эвакуация Петроградского патронного завода в Симбирск. До конца года сюда были эвакуированы оборудование, техническая документация и более трёх тысяч специалистов с семьями и имуществом. Так начался новый, советский этап истории становления Симбирского патронного завода.

Антон Долматов,
член Ульяновского
регионального отделения
Российского военно-исторического
общества

Использованы материалы из фондов народного музея революционной, боевой и трудовой славы АО «Ульяновский патронный завод».

Письма «ПРОКЛЯТЫХ ГОДОВ»

Старый Симбирск был преимущественно деревянным и неоднократно страдал от пожаров. Большой пожар случился и 29 июня 1888 года, когда происходило погребение преосвященного Евгения, бывшего епископа Симбирского и Сызранского.

«По этому случаю публика со всех концов города начала с утра стекаться к собору, так что ко времени отпевания в соборе и на площади собрались несколько тысяч человек, – писал знаток симбирской старины П.Л. Мартынов. – Во время отпевания, около часа дня, при сильном ветре, перешедшем

затем в бурю, вспыхнул пожар, начавшийся на Дворцовой улице, близ Молочного переулка, в квартире столяра, от неосторожного обращения с огнём. Огонь быстро охватил всё здание и затем распространился на соседние строения. Отсюда горящие головни ветром перекидывало в соседние улицы, так что через час горело уже в нескольких местах и в разных улицах. Пожаром, окончившимся лишь на следующий день вечером, уничтожено 186 домов на улицах: Дворцовой, Соборной, Лосевой, Старо-Казанской, Мало-Казанской, Мартыновой, Шатальной и Верхне-Набережной. Убыток исчис-

лен в 782 061 рубль. Хотя большинство домов было застраховано, но жившие в них квартиранты – бедняки, лишившиеся всего своего имущества, спасти которое не имели возможности, так как многие из них во время пожара были на соборной площади и возвратились домой, когда имущество их уже было в огне».

На упомянутой Мало-Казанской улице среди прочих огонь уничтожил деревянный дом и надворные постройки А.И. Снегиревой, вдовы титулярного советника. В 1889 году погорелое место приобрела мещанка Н.Н. Сабанина и построила там деревянный одноэтажный дом в пять окон по глав-

Дом Тюрковых до реконструкции. 1985

Дом Тюрковых после реконструкции. 2017

ному фасаду под № 22. Снаружи дом имел горизонтальную обшивку, стыки сруба были оформлены в виде пилястр; изнутри потолок украшала лепнина с растительным орнаментом, в гостиной имелся изящный камин. Позже домовладение принадлежало магистру ветеринарных наук М.А. Арнольдову. Наконец, в апреле 1911 года его купил крестьянин Н.И. Тюрков.

Принадлежность нового домовладельца к самому многочисленному российскому сословию вовсе не означала обязательное занятие земледелием и проживание в деревне. Его отец держал небольшую лавку и дал сыну начальное образование. Наум Иванович окончил бухгалтерские курсы и служил конторщиком в солидной фирме – «Товариществе на паях мануфактур «А.Н. Пермяковой Сыновья», помимо Симбирска имевшей отделения в Москве, Царицыне и других городах. Был женат на местной уроженке Анне Павловне из многодетной, но отнюдь не бедной семьи. Своим детям – Лиле, Кате, Мише – Тюрковы стремились дать среднее образование, чтобы облегчить их будущую жизнь. Старшая дочь училась в гимназии и занималась в художественных классах при учебно-трудовом пункте.

Однако спустя три года благополучная и размеренная жизнь Тюрковых оказалась нарушена. В августе 1914-го началась Первая мировая, или, как её тогда называли, Великая война. Неудачам на фронте сопутствовали растущая дороговизна, дефицит продуктов и предметов первой необходимости. Первыми это почувствовали жители больших городов. Так, племянница А.П. Тюрковой, служившая телеграфисткой в первопрестольной, писала 18 января 1915 года тётушке в Симбирск: «Анна Павловна, милая, как жить трудно. У нас в Москве ничего нет, ни мяса, ни дров, ни сахару, ни угля и как всё дорого. Просто ужасно, а уж про одежду и про башмаки и не говорите...».

сразу десять рублей, по-моему, уж нахальство <...> Или только у неё сейчас критическое положение, а у других нет, только ей не хватает денег, а у других излишек. Сейчас всем очень трудно <...> Ну, скажу насчёт всего домашнего, пока все слава богу живы, здоровы, пока ещё не голодуем, но только денег очень много идёт...».

«Тебе тяжело и мне нелегко, один только страх за детей, за дом, за имущество, за тебя, за хлеб чего стоит. Вся душа выболела, и день, и ночь под страхом, а раздумываешься и придёшь к одному убеждению; верно уже так надо, так суждено, рок какой-то тяготит над народом. И не хотят так жить, и не нравятся так никому, а всё-таки живут этой безалаберной жизнью <...> Я хлопочу себе разрешения на покупку муки с базара и вот была в понедельник, не дождалась очереди, такая масса народа и все за разрешением. Пошла во вторник, получила ордер и только на пятницу. Пойду ещё в пятницу и получу разрешение, передам к дедушке в лавку и мне купят муки <...> Дедушка говорит, что пока можно – нужно купить муки, а то ещё дороже будет, когда беженцы к нам с Петрограда нагрянут как саранча. Он прав, двадцать тысяч к нам назначили этой саранчи-то, вот все и торопятся запасти хоть сколько-нибудь <...> Мы пока, слава Богу, все здоровы и живы, вот только по ночам дрожим от страха, уж очень у нас воры обнаглели. Добrostиных обокрали, лазили в кладовую, <...> исковеркали все запоры, но всё-таки им окончательно сломать не удалось. Не знаю уж почему, запоры крепки или помешал кто, а собаку отравили...».

«Здравствуй, мой милый дусятник, кланяюсь и целую тебя. Ребята целуют своего папулиньку, у Витки ты с языка нейдёшь. Он всё поджидает своего папулю, скоро, говорит, придет домой, дай-то господи поскорее бы. Мой милый, сегодня получила твоё письмо и газету. Над письмом я так расстроилась и возмущаюсь поступком Мотички. Ну набавила за хлеба, взяла за бельё, это понятно, а набавлять на комнату и

«Мы тоже скоро, вероятно, помрём с голода. У меня муки больше не пылинки, сегодня последние хлебы испекли. Была в лавке, просила деда, теперь очень трудно достать муки. Дедушка хотел послать на базар И.У., чтобы он мне купил муки, и вот что-то до сих пор нет ничего. Ведь я ещё на прошлой неделе просила, в среду, сегодня пятый день и ничего нет <...> Завтра пойду сама на базар и ку-

плю, какой уж куплю, такую и съедем, а в лавку просить больше не пойду. Самое ужасное это дело ходить и просить, а про тебя и забывают <...> Да я и не надоедала бы с такой просьбой, да беда в том, что на базаре то у нас творится ужас какой-то, все в драку, форменно дерутся. Нужно быть мужиком и ругаться так же, как там ругаются, ну, может, ещё что и достанется. Мука ржаная 18 р. пуд, сейка 26 р., русская пшеница 35 и 40 р. пуд, пшено 26 и 27 р. Просто ужас что делается. И как будем жить? И с каждым днём всё дороже и дороже. Вот уж воистину позавидуешь мёртвым...».

После взятия Риги германские войска стали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. Временное правительство приняло решение о переводе важнейших государственных учреждений в Москву. Также планировалась эвакуация в Поволжье и за Урал промышленных предприятий, работавших на оборону. Однако перебраться в Москву правительство во главе с А.Ф. Керенским не успело. 25 октября оно было низложено большевистским Военно-революционным комитетом. Отголоски борьбы за власть в столице докатились до Симбирска буквально на следующий день.

26 октября 1917 года в Самару:

«Дусинька, друг мой, получишь эту писуличку, а нас может быть и в живых уже не будет. Милый мой, какой мы переживаем ужас, вот оно начинается. У нас сегодня товарищи (орфография оригинала. – Ред.) разгромили Подругин магазин, добрались до вина, перепились и пошли всю Гончаровскую разносить. А вчера базар громили и что делается, на улице шум, крики, пальба, волосы дыбом встают, и всё грозят: пойдём бить буржуев. Я и никто из нас на улицу не выходил, но к нам вечером в девять часов зашёл Шура, ну вот и рассказывал. Город у нас с шести часов вечера на военном положении, и вот сейчас одиннадцать часов и везде ходят патрули и стреляют <...>

Ребят всех уложила спать совсем одетыми и обувными, и шубёнки наготове. Только Витка ни за что не хотел лечь одетым, пришлось раздеть, а мы с тётей не спим, караулим. Я пишу тебе,

она пишет в Сущовку, говорим, может в последний раз. Правда ведь не знаем, что ещё будет, вон, слышь, большевики забрали всё в свои руки, хорошего ждать нечего. Вот завтра узнаём, если, конечно, живы останемся.

Слышно, Керенского арестовали и всех министров, и Ленин теперь главный. Вот подберёт правление, всем и покажется небушко с овчинку. Они ведь так будут править, что чертям будет жарко. Так-то, мой милый. И тебя около нас нет, всё не так было бы страшно <...> Господи, вот опять стреляют, как страшно, у меня просто руки и ноги дрожат, ужасно боюсь. Дожили до жителя, нечего сказать, ну и слобода, в тарары бы её.

Дусинька, и у вас, я слышала, тоже готовился погром. Спаси тебя, господи, не ходи смотреть, береги себя. А я уже здесь как-нибудь всячески буду стараться, чтобы не попасть в эту бойню. Уж разве только в дом ворвутся и насильно всех перебьют. Ну, тогда уже верно ничего ни поделаешь, уже так суждено. Тогда, мой друг, прости меня Христа ради и не поминай лихом. Ребятишки, если которые останутся, заботься о них и не давай их в обиду. Прошу, сделай это в память меня, постарайся не дать им недостойную мачеху. Об одном прошу, исполни просьбу. А теперь прощай, мой милый, целую и благословляю тебя, что будет – неизвестно. Пиши, любящая тебя милочка».

27 октября 1917 года в Симбирск:

«Шлю тебе, милая, мой искренний низкий поклон и крепкий горячий поцелуй. Желая тебе, милая, быть здоровой. Также целую всех деток – Лилу, Мишу, Катю и Виточку и желаю, чтобы господь Бог вас сохранил от всяких бед, голода и несчастий <...> А что делается-то, что происходит, ведь это ужас. Вот оно когда наступает великое несчастье, идут везде бунты. Большевики борются за власть, идёт братоубийство, господи помилуй и сохрани от всяких случайностей <...> Время опасное и страшное, каждый час нужно ждать великих событий. Я, конечно, никуда ни шагу с завода, домой – и баста. Но вот беда, что меня беспокоит, придёт эта серая орда к вам и будет издеваться и бить. Чего ты, моя милая, будешь делать. Господи, сохрани от такого несчастья».

1 ноября 1917 года в Самару:

«Первое безобразие, слава Богу, пережили <...> Теперь ещё готовят погромы и расклейки даже были уже, призывают товарищей организоваться бить буржуев и всё это сопровождается самой отборной площадной бранью по адресу буржуев. Назначено было сегодняшнее число, но день прошёл спокойно. Только на базаре лавки не открывали, а большую лавку открывать нечего, все товарищи <...> разбили, проклятые, начисто. Теперь все лавки стоят как ящики, все забиты новыми досками, грустно и жутко смотреть.

<...> Сижу, пишу, а на улице так и бухают <...> Побаиваемся, как бы эти шарлатаны не вздумали бы привести в исполнение свою угрозу, тогда опять много будет безобразия да и страшно. Я тебе, дусинька, тогда не написала про лавку Пермякова, тоже всю вдребезги разнесли <...> Всё найтвое было там, и всё пропало, очень жаль. Люди наживали, работали, трудились и вот финал. Пришли и взяли, а ты оставайся как рак на мели. Я дедушку ещё не навестила с его горем. Боюсь дом оставить и на улицу выйти, да и некогда нам. Признаться, всё почти уложила, всё спрятала, не знаю только, сохрани ли <...> Хочу продать зеркало, мягкую мебель, ломберные столы, стенные лампы. И продала бы, да вот не знаю, как ты посоветуешь. Я, конечно, ни за что бы этого не сделала, да были примеры, как только товарищи побывают с визитом, так всё разобьют в щепы. Что не могут унести, то всё бьют вдребезги. Ну вот и думаю, а ну как придут и пропадёт всё ни за грош, ни за копейку <...> Мы пока уж как-нибудь пропитаемся, муки я купила пока мешок, четыре с половиной пуда, и заплатила за него 78 р. 75 к. Каково? Недурно, за мешок ржаной муки чуть не сотню. Сейчас стала 30 р. пуд. Молоко стало 1 р. 30 к. за крынку, масло 5 р. и 5 р. 50 к. за фунт, вот и живи не тужи. И всё-таки пёс бы с ней, с такой жизнью, ну нажили и прожили, только быть бы здоровым. Бог даст и опять наживём, только скорее бы это кончилось, надоело уж очень. Теперь я уж как-то и не так будто боюсь, нервы что ли притупились или знаешь, что охрана на улице.

У нас <...> почти все улицы сор-

ганизовались для самоохраны и это очень хорошо. Я тоже буду выходить на охрану в первую очередь, то есть с 9-ти часов вечера и до одиннадцати <...> Будем охранять сами с 9-ти часов вечера и до 8-ми утра. Каждая группа дежурит два часа, в каждую группу входит по 7-8 человек. Это пока, а может войдёт и больше. У нас сегодня дежурят первую ночь и на собрание вечером пришло мало, не все, а завтра привлекут всех обязательно <...> Мы выбрали нашим старшим по улице Александра Африкановича Кузнецова. Проект гражданской охраны очень широкий и очень полезный, и удобный для горожан, в особенности в такое тревожное время. Я не буду описывать этот проект, Бог даст приедешь и узнаешь сам. Потому что сам будешь нести эту службу, а пока несу я. Г.М. мне сегодня говорил, что <...> ему пришлось дежурить вместе с Леонидом Ивановичем Афанасьевым (бывший городской голова. – Ю.К.), каково? Очень хорошо это устроили и теперь не так страшно.

Вот я сижу, пишу, а по улице ходят и громко разговаривают, смеются, и это всё время. Нет минуты, чтобы не было людей в этой улице, и если что случится в доме, кричи на улицу и будешь непременно услышан. Уж одно это и то как-то успокаивает, да и жульё уже не будет так нагло, всё-таки знают, что улица не спит. Вот хотя всех привлечь, и домохозяев и квартирантов, чтобы чем больше группа в дежурстве, тем лучше, внушительнее так сказать, да и веселее, не так страшно. Солдаты было запротестовали, зачем мол это. Мы хотели, чтобы эта охрана была непременно вооружена легально, но этого нам не разрешили. Ну теперь группы вооружены нелегально, кто чем, у кого что есть, всё больше, конечно, левольверами, здоровыми палками – и то хорошо. Нет, интересно, когда Александр Африканович заявил в Доме свободы, что охрана желает быть вооружена винтовками, Мароз, это там у них главный (начальник гарнизона Д.А. Мороз. – Ю.К.), сказал, не могу разрешить, это нелегально. А он ему говорит, что же, нас будут резать легально, а мы не можем защищаться нелегально. И вот на собрании решили вооружиться кто чем, почти у всех есть левольверы, и вот ходят и караулят, и не так страшно. И может быть, всё пойдёт по-хорошему, и ты, мой милый, не беспокойся, а вот, Бог даст, приедешь и со всем будет нестрашно...».

5 ноября 1917 года в Самару:

«Я пустила в комнату мелекесского мукомола Бечина Константина Федоровича, он солдат (служил в канцелярии воинского начальника. – Ю.К.) и нам теперь не так страшно, всё-таки мушкетер в доме, да при том солдат <...> Да вот беда, у меня нет денег, не на что жить, нужно продавать кое-какие вещи. Хочу продать твоё старое пальто меховое, а то всё равно ведь бросишь, когда начнут всех грабить. Всё решила продать по возможности, да ведь и жить не на что, беда, а всё с каждым днём становится дороже. Ну вот всё и проедем. Ну да это не беда, только вот ты бы поскорее приезжал и всё будет хорошо. Ребята тебя целуют, Витка ждёт...».

6 ноября 1917 года в Симбирск:

«Дорогая моя милочка <...> Может, бросить эту службу и приехать домой, а там что будет <...> Я спасаю здесь себя, а вас там пять человек мучается и, Бог знает, что будет дальше <...> Но вот это проклятое анафемское время задавило <...> Господи, да что это такое, что за жизнь такая, за что это Господь на нас прогневался. А ты была ли у деда, у него какое несчастье-то, его обобрали и деньгами, и платьем <...> Что говорили про погромы в Самаре, здесь нет ничего, всё спокойно и пока благополучно.

Власть, конечно, в руках большевиков. Здесь только бастовала почта с 29-го по 4-е ноября и теперь всё пока идёт своим чередом <...> Напишите, есть у Вас хлеб и деньги, и что ещё нужно...»

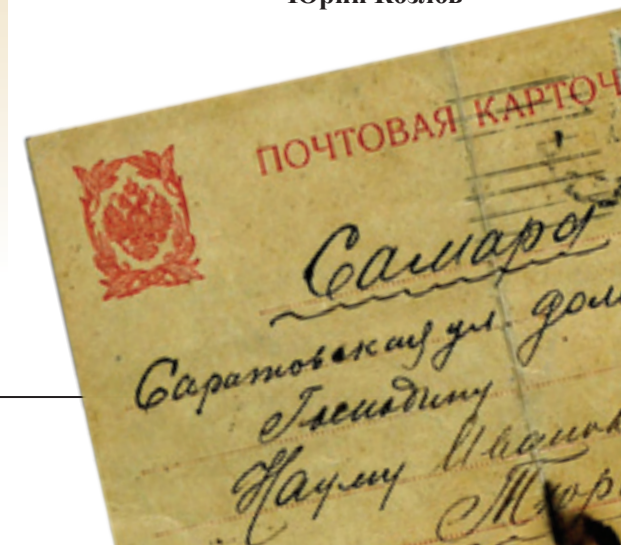
8 ноября 1917 года в Самару:

«Мы все, слава Богу, живы, здоровы и всё у нас пока благополучно <...> Одна беда, у нас нет денег, жить не на что и платежи предстоят за страховку, по окладному листу я ещё не платила. У Добростинных заняла. Напиши, пожалуйста, что мне делать, вещи что ли продавать. У нас мука ржаная 20 р. пуд, расход ужаснейший <...> Такое ужасное настроение, ни на что не смотрела бы, все дело из рук валится...».

К этим письмам была приложена крохотная записка от Витеньки с каракулями «Жду папулю», написанная карандашом с помощью одной из сестёр.

Продолжение в следующей номере журнала

Юрий Козлов

Резное кружево Симбирска

Увы, в Ульяновске осталось очень мало домов, фасады которых украшены деревянными «кружевами». В начале XXI века были снесены дома на улице Радищева. Наличники одного из них (дом № 29 на ул. Радищева, ныне утрачен) всегда впечатляли и любителей старины, и прохожих.

В 1870–1880-е годы усадьба принадлежала наследникам Д. Сыромятниковой, затем перешла к симбирской мещанке Е. Ларионовой. В 1883 году новым владельцем стала мещанка Авдотья Фёдоровна Хазова. Вероятно, в 1888 году все строения на усадьбе сгорели, поскольку в 1889 году А.Ф. Хазова обращается за разрешением на постройку дома, флигеля и служб. В том же году дом был выстроен и в таком виде дожил до начала XXI века. Последним дореволюционным владельцем дома стал советник Л. Беляев.

В советское время новые хозяева как могли поддерживали внешний облик здания. Но поскольку оно не было отнесено к числу исторических и архитектурных памятников, было принято решение о его сносе. Сотрудники

Дом на ул. Радищева, 29. Фото начала XXI века

Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» сохранили пару красивейших наличников в фондах. При реэкспозиции музея «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска» было принято решение об экспонировании одного из них. Реставратор Ю.В. Спиридонова постаралась восстановить первоначальный вид наличника. И с тех пор он украшает экспозиционный зал музея.

Наталья Зубкова,
старший научный сотрудник музея «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска»

Реставрация наличника

Наличник с дома мещанки А. Хазовой в экспозиции музея «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска»

«Кружева» на фасаде музея «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска»

Вся жизнь — для защиты живой природы

Виктор Благовещенский (1917–2002)

Сто лет назад – 10 февраля 1917 года – родился почётный гражданин Ульяновской области, доктор биологических наук, профессор В.В. Благовещенский. Благодаря этому выдающемуся учёному был досконально исследован растительный мир региона, а в области появилась своя школа учёных – геоботаников и флористов.

Виктор Васильевич родился в Перми. Затем семья Благовещенских переехала на Урал в город Надеждинск (ныне Серов) Свердловской области. Казалось бы, мальчику из семьи инженера железнодорожного транспорта логичнее было увлечься техникой, но уже со школьной скамьи Виктора стал неумолимо притягивать мир природы. Он любил подолгу разглядывать растения, узнавать, как они называются, и составлять гербарии. Близкие считают, что большую роль в приобщении маленького Виктора к биологии сыграл его дядя Гавриил Александрович Благовещенский, сотрудник Ботанического института АН СССР. Дядя Ганя, как звали его в семье, впервые подарил любознательному мальчику определитель растений. Научная деятельность Гавриила Александровича прервалась очень рано – он погиб на фронте в 1942 году. Однако исследование этого известного ботаника, географа, болотоведа «Эволюция растительного покрова болотного массива «1007 км» у ст. Лоухи (Карелия)», опубликованное в 1936 году, до сих пор цитируется в современной геоботанической литературе, что говорит о высокой научной ценности его работы.

В 1933-м Виктор поступил на биологический факультет Пермского университета. Под руководством Алексея Александровича Генкеля, крупнейшего советского геоботаника-болотоведа, он описывал Зайсанскую полупустыню (Казахстан), затем проводил самостоятельные исследования в Красноярском крае.

В год окончания университета появилась первая опубликованная работа В.В. Благовещенского в соавторстве с А.А. Генкелем – «К экологическому изучению фитоценозов Зайсанской пустыни».

Профессор Генкель погиб на фронте в 1942 году, но успел заразить своей любовью и преданностью науке немало студентов.

Пермский университет молодой биолог окончил с отличием. В аспирантуру Виктор поступил в Московский университет. Его руководителем стал выдающийся геоботаник В.В. Алёхин. Кандидатскую диссертацию «Растительные отношения на Клинско-Дмитровской гряде» Виктор Благовещенский защитил на третий день войны – 24 июня 1941 года.

10 июля 1941 года молодой учёный был призван в армию. Виктор Васильевич не любил вспоминать о войне. Из краткого списка сведений, которые профессор В.В. Благовещенский сообщил о себе для Ульяновского пединститута в апреле 1975 года, можно проследить весь его боевой путь – интендантская академия в Харькове, эвакуация в Ташкент, командир взвода хозяйственного снабжения 37-й мотострелковой бригады, тяжёлое ранение в ногу на Калининском фронте. Полгода госпиталя. В 1943-м гвардии лейтенант Благовещенский стал участником битвы на Курско-Орловской дуге в составе танкового полка 4-й танковой армии. Был ещё раз ранен во время Львовской операции. Затем со своим соединением прошёл пол-Европы и был демобилизован из Австрии в сентябре 1945 года.

Александр Иванович Благовещенский – дед Виктора Васильевича, священник, протоирей Карсунского уезда

Василий Александрович Благовещенский – отец Виктора Васильевича, железнодорожник

Любовь Григорьевна Благовещенская (Мухина) (1890–1972) – мать Виктора Васильевича, учительница, домохозяйка

Ни об одной своей награде Виктор Васильевич в этом списке не упоминает. А между тем он награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», а в дальнейшем и юбилейными медалями в честь годовщин Победы и др. В мирное время к военным наградам прибавился орден Дружбы народов.

После демобилизации, в сентябре 1945 года, Виктор Васильевич был направлен в наш город, где возглавил кафедру ботаники Ульяновского пединститута. Под его руководством здесь была развернута большая работа по изучению флоры и растительности Среднего Поволжья. За это время вуз подготовил сотни учителей биологии. Многие студенты посвятили себя науке.

Природа Среднего Поволжья захватила молодого учёного сразу же. Это была любовь с первого взгляда. Виктор Васильевич начал изучать и описывать растительность Поволжья с тем же энтузиазмом, с каким когда-то изучал Зайсанскую пустыню. Темой его докторской диссертации стала «Лесная растительность центральной части Приволжской возвышенности».

Профессор стоял у истоков экологического движения на Волге. Благодаря его принципиальной позиции и упорству в Ульяновской области появились особо охраняемые природные территории.

Виктор Васильевич организовывал и сам участвовал в научных экспедициях по Ульяновской области и соседних регионов. Под руководством В.В. Благовещенского на кафедре ботаники УлГПУ был создан гербарий, который в 2004 году был признан мировым научным наследием. Это более 17 тысяч образцов.

Практик во всём, В.В. Благовещенский в своих работах предлагал достойные решения проблем народного хозяйства с помощью растений, характерных для региона, – от закрепления песков до охраны водных ресурсов.

В последние годы Виктор Васильевич часто поднимал в прессе вопросы о влиянии хозяйственной деятельности человека на природу Приволжской возвышенности. Десятки статей были написаны им в защиту природы. Они создавали общественное мнение, подкреплённое научным словом, настойчиво противостояли тому, что губит окружающую среду.

С именем Виктора Васильевича Благовещенского связана целая эпоха развития научных исследований

ботаников в нашем регионе. Его ученики, педагоги и учёные УлГПУ им. И.Н. Ульянова, – В.С. Шустов, В.П. Пискунов, Ю.А. Пчёлкин, Н.С. Раков, Н.В. и И.В. Благовещенские (УлГУ), А.В. и Л.А. Масленниковы, М.М. Агафонов – внесли и продолжают вносить свой вклад в изучение флоры Ульяновской области и районов Среднего Поволжья.

Н.С. Раков, ученик и участник экспедиций В.В. Благовещенского, вспоминает, что профессор всегда работал: «Он хорошо владел фотоаппаратом и создал на кафедре ботаники коллекцию фотоснимков и цветных слайдов. Летом, даже во время отпуска, проводились научные экспедиции. Сначала они были пешеходными, позднее стал выделяться институтский автобус. Рюкзаки, походная форма одежды, полевая сумка, фляжка для воды и два фотоаппарата. Зимой свободное время отводилось обработке собранного материала».

Под руководством В.В. Благовещенского были систематизированы материалы по флоре Ульяновской области. Это «Определитель растений Среднего Поволжья» (1984), «Ценные ботанические объекты Ульяновской области» (1986), «Редкие и исчезающие растения Ульяновской области» (1989), «Конспект высших сосудистых растений Ульяновской области» (1994), «Особо охраняемые природные территории Ульяновской области» (1997).

В 2005 году вышла главная монография В.В. Благовещенского «Растительность Приволжской возвышенности в связи с её историей и рациональным использованием» (715 с.), включающая его научные исследования с 1946 года.

В том же году была издана «Красная книга Ульяновской области (Растения)» под научной редакцией Н.С. Ракова – итог многолетнего труда большого коллектива учёных, в основе которого работы В.В. Благовещенского и его последователей. Она стала официальным документом, содержащим сведения о состоянии, характере распространения, численности, особенностях биологии и экологии и необходимых мерах охраны редких и уязвимых видов (всего 241 вид растений). Обновлённое издание 2015 года включает 245 видов растений.

Семья

Супруга В.В. Благовещенского Нина Николаевна Благовещенская (в девичестве Михалёва) родилась 14 июня 1925 года в семье служащих в городе

Бирске в Башкирии. Её отец, участник Первой мировой войны, после революции служил в Красной армии начальником медицинского батальона. В мирное время стал работать фармацевтом. «Отец занимал ответственный пост в Башкирском Аптекоуправлении, часто бывал в разъездах. Мать работала рецептаром в аптеке, – написала Нина Николаевна в своей автобиографии. – Себя я помню уже в 30-е годы. Нам приходилось жить и в больших городах и на маленьких станциях. Но везде запомнилось одно, что при малейшей возможности мы уезжали или уходили в окрестные леса, на луга, в степи, на болота – везде находя своеобразную красоту: и отдыхали таким образом, и собирали местные лекарственные растения. Их мои родители знали хорошо, и латинские названия стали привычными для меня с детства. Квартира наша чаще всего была прямо при аптеке, и если аптека закрывалась в 4 часа, то люди с рецептами шли к нам домой. Получался бесконечный рабочий день».

В 1944 году Нина Николаевна поступила в Ульяновский пединститут. Красавица Нина Михалёва, комсомольская активистка, подающая надежды студентка, активный участник экспедиций под руководством В.В. Благовещенского не могла не привлечь внимания молодого учёного. Так в Ульяновске появилась семья биологов, которые поддерживали друг друга на протяжении всей жизни. В 1953 году Нина Николаевна защитила кандидатскую диссертацию под руководством ещё одного выдающегося учёного, волею судьбы попавшего в Ульяновск, А.А. Любищева, и получила от него высокую оценку за свою работу.

Учёный-энтомолог, она активно боролась против принятых в середине прошлого века химических способов борьбы с вредителями. Профессор считала, что защитные силы природы достаточно сильны, чтобы противостоять вредителям, и выступала с позиций рационального природопользования. Её исследования проходили на стыке экологии, энтомологии, агрономии и лесоведения. Профессор кафедры зоологии Ульяновского пединститута, Нина Николаевна Благовещенская (1925–2001) была награждена медалью «За трудовую доблесть».

Увлечённые наукой, супруги Благовещенские любили жизнь и умели интересно жить. При этом были крайне неприязнительны в быту и равнодушны к роскоши. Они общались со своими коллегами из разных городов нашей страны и зарубежья, с будущим науки –

студентами и аспирантами. Однако их интересы не были ограничены биологией. Благовещенские были людьми разносторонними. Так, например, знали и любили театр, не пропускали ни одной премьеры. С удовольствием отдыхали на природе, были в курсе всех важных мировых событий.

Их сын Иван Викторович Благовещенский рассказал нам: «Помимо научных журналов, Виктор Васильевич выписывал большое количество газет (около 10 изданий). Заинтересовавшие его статьи читал вслух для Нины Николаевны. Сохранилось огромное количество вырезок на разные темы. Из чтения газет появилось ещё одно его увлечение – коллекционирование интересных фамилий, которых со временем накопилось несколько десятков тысяч».

Отец любил рыбачить на удочку, активно занимался этим в 1960–1970-е годы на Волге, в районе Среднего Венца, а также во время полевых практик (особенно в с. Спешневка Кузоватовского района), и в экспедициях по вечерам. Из пойманной рыбы мама варила вкуснейшую уху».

Благовещенским многое удавалось, потому что в их семье все поддерживали и уважали друг друга, хотя у каждого был свой путь в науке. Авторитет В.В. Благовещенского и Н.Н. Благовещенской был огромен и на международной арене. Ещё в 1995 году их имена были занесены в 34-й биографический справочник выдающихся людей мира (Кембридж, Великобритания). В 1999 году Нина Николаевна и Виктор Васильевич Благовещенские за выдающиеся заслуги в области биологии одновременно были объявлены женщиной и мужчиной года.

По стопам родителей пошли и их дети. Обстановка и взаимоотношения в семье способствовали тому, что дочь и сын учёных никогда не боялись труда и выросли достойными продолжателями дела своих знаменитых родителей.

Дочь, Елена Викторовна Благовещенская, переводчик, страстная защитница природы, активно выступавшая в местной прессе. Увлечение языками она унаследовала от отца. Известно, что Виктор Васильевич весьма интересовался достижениями зарубежных биологов и много переводил с немецкого. Сын Благовещенских, Иван Викторович Благовещенский – доктор биологических наук, профессор экологического факультета УлГУ.

Лилия Васильева

Редакция благодарит И.В. Благовещенского за предоставленные материалы.

Николай Прокопьевич Михалёв – отец Нины Николаевны Благовещенской, участник Первой мировой войны, офицер, награждён Георгиевским крестом

Нина Николаевна Благовещенская, супруга Виктора Васильевича. Конец 1990-х

По руслу подземной речки Симбирки

Коллекторы на Маришкином роднике

Академику Д.С. Лихачёву принадлежит мысль о том, что сохранение культурной среды задача не менее важная, чем сохранение природы. Он писал: «Улицы, площади, каналы, дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Он учится уважению к предкам. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него...».

Автору статьи, которую мы сегодня публикуем, всего 11 лет. Искренний интерес к тайнам своего города, умение ставить цель и отважно идти к ней, поиск ответов на заковыристые вопросы – всё это делает работу ученицы гимназии № 1 Вики Киреевой краеведческим исследованием, опытом, который заслуживает восхищения.

План Симбирска 1898 года. Красным отмечено русло реки Симбирки

Всё началось с того, что моя учительница Наталья Фёдоровна Саурова дала задание изучить историю улицы, на которой я живу. Дома с родителями я нашла улицу Островского на новой карте, а потом на старой – улицу Мильонную, как она называлась 200 лет назад. Меня заинтересовало странное озеро и река, изображённые недалеко от места, где сейчас стоит наш дом. Сейчас на месте озера находится перекресток улиц Орлова и Федерации, но никакого озера там нет. Оказалось, что это озеро Маришка, а река называется Симбиркой. Она не исчезла и всё время была рядом, в самом центре города. Я решила узнать о реке больше.

Мне стало интересно, знают ли ульяновцы о существовании Симбирки? Мы провели опрос и вот что оказалось: из 100 опрошенных про подземную реку знают 53 взрослых (83%) и 14 школьников (39%). О том, где же находится река Симбирка, знают 43 взрослых (67%) и 8 школьников (22%) – чуть больше половины тех, кто принял участие в опросе.

Следующей задачей было определение местоположения русла реки. Для этого мы совершили настоящее путешествие над ним. Выяснилось, что река Симбирка берёт начало на Маришкином роднике, течёт по открытым трубам вдоль переулка Федерации, на улице Федерации уходит под землю, пересекает площадь Гоголя, течёт под улицей Нижнетатарской, пересекает улицу Красногвардейскую, дальше коллектор проходит под комплексом многоуровневой парковки, 2-м переулком Мира, торговым центром «Амарант», пересекает улицу К. Маркса и продолжает свой путь под стадионом «Труд», вдоль улицы Энгельса, пересекает территорию центрального рынка, протекает под Шевченковским и Ленинским оврагами, течёт вдоль улиц Набережная реки Симбирки и улиц Ленина и впадает в реку Свияга.

Затем мы нашли исторические свидетельства, связанные с рекой Симбиркой и её влиянием на то, как строился и жил город Симбирск-Ульяновск. Выяснилось, что реки Волга, Свияга и Симбирка, между которыми располагалась крепость Синбирск, образовали территорию в форме неправильного пятиугольника, где и строился город. Реки служили естественной преградой, а глубокий овраг Симбирки стал серьёзной защитой от врагов.

Расположение рек и особенности местного рельефа определили трассы

основных дорог: дороги на Москву (современная ул. Ленина), Саратов и Казань (современная К. Маркса). Вертикальная планировка города обеспечивала отвод ливневых вод в сторону Свияги и Симбирки. Кроме того, эти реки использовались как источники питьевой воды.

В конце XVIII века Большая Саратовская улица (современная улица Гончарова) появилась на месте бывших укреплений – рва и вала – и стала главной магистралью города. Её необычная форма была определена расположением русла реки Симбирки. Тогда же рядом с рекой Симбиркой в районе пересечения Большой Саратовской и Дворцовой улиц начала формироваться торговая часть Симбирска. Здесь разместились гостиницы, постоялые дворы, лучшие магазины и банковские конторы. К 1830-м годам на перекрестке Большой Саратовской и Дворцовой улиц сформировалась Торговая площадь – большой ансамбль из двух зданий торговых рядов с полукруглой площадью между ними. Однако торговая часть расширялась медленно – овраг реки Симбирки мешал её развитию. К 1843 году через овраг обмелевшей речки Симбирки перекинули мост, и Дворцовая улица, ограниченная природной преградой, получила продолжение. За этим мостом со временем был выстроен новый район с Ярмарочной и Базарной площадями. Он стал купеческим районом.

С начала XIX века шло строительство и рядом с озером Маришка. Здесь были площадь, церковь и оживлённая дорога (Казанский тракт). Берега озера Маришка были местом отдыха и прогулок.

Изначально вода в реке была чистой, но овраг использовали как сточную канаву, родники быстро загрязнились, превратились в огромную городскую помойку. В 1884 году городская дума приняла решение засыпать пруд. Так и сделали. Чтобы улучшить санитарную обстановку, берега речки по возможности засадили деревьями.

Появление новых дамб и мостов через речку Симбирку в конце XIX века дало новый толчок для развития торговой части города за рекой. В этот период Мясницкий мост по ул. Дворцовой заменил земляной дамбой, из Панской улицы (сейчас это улица Энгельса) была построена новая дамба на Ярмарочную площадь, дамбу на Дворцовой стали называть старой, в районе улицы Кирпичной (сейчас это улица Мира) появилась малая дамба через реку, а в 1886 году плотина из хвороста обеспе-

чила быстрый проезд от Богоявленского спуска (современная улица 12 Сентября) к Большой Конной улице (современная улица Шевченко).

Изучив исторические документы, кажется, я нашла ответ на вопрос: «По какой причине река Симбирка была закопана под землю?». Первой причиной стало сильное загрязнение реки. В конце XIX века, чтобы улучшить санитарную обстановку и защитить жителей от болезней, власти приняли решение засыпать озеро Маришка, а родники очистить и поместить в трубы. Второй причиной стало желание расширить торговый район города и сделать проезд к нему более доступным. Для этого берега реки соединили мостами, а некоторые её части пустили по трубам под дамбами. Но основной причиной в начале XX века стали сильные разрушения дорог и улиц, а также серьезные оползни. Чтобы не дать реке разрушить историческую часть Симбирска, власти приняли решение поместить реку Симбирку в большой коллектор.

Река Свияга в районе устья реки Симбирки

Сейчас мало что напоминает нам о Симбирке – третьей по величине реке нашего города. На поверхности остались лишь Маришкин родник и несколько ручейков. Но внимательный человек обязательно разглядит Симбирку в особенностях размещения дорог рядом с рекой Свияга, в необычной форме улиц Гончарова, Энгельса и Ленина, заметит странное расположение стадиона «Труд» – ведь он находится ниже окружающих улиц. И кто-нибудь обязательно удивится, пройдя по улице Набережная реки Симбирки. Там никакой реки нет. Но мы-то знаем, что она на самом деле совсем близко.

Виктория Киреева

Рынок или пятилетка?

Говорят документы

1920-е годы для Симбирской-Ульяновской губернии стали необычным временем, если не сказать парадоксальным. Эпоха уникального экономического эксперимента СССР, новой экономической политики по-разному оценивается как историками, так и современниками. По-своему уникальны детские воспоминания о том времени. Симбирское детство врача, морского офицера, участника обороны Севастополя в период Великой Отечественной войны **Ивана Павловича Иноземцева** пришлось на непростое время укрепления Советского государства и восстановления народного хозяйства.

Выдача пайков голодающим детям в Симбирске. 1 мая 1920 года. Из фотоколлекции Государственного архива новейшей истории Ульяновской области

Как и изображенные на фотографии дети, Иван Павлович стоял в очереди на получение детского продовольственного пайка. О предшествующих НЭПу годам он писал: «В 1921 году в стране разразился голод. Особенно он свирепствовал в Поволжье. Была засуха. Детей тогда кормила Американская рабочая ассоциация АРА <...>. Я и моя сестричка получали целый год американское питание. Мы с ней были худенькими и бледненькими. Поэтому медицинская комиссия признала нас нуждающимися

в этом питании. Мой братик Петя такого питания не получал, потому что был румяным и полненьким... Этого питания нам хватало на троих. В столовой выдавали на каждого ребенка по литру какао с молоком, по килограмму рисовой молочной каши и килограмму пшеничного хлеба из муки высшего сорта».

14 марта 1921 года на X съезде РКП(б) была принята программа новой экономической политики, сменившая стратегию военного коммунизма, предполагавшая замену продразвёрстки продналогом, использование рынка и

различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в виде концессий, проведения денежной реформы, в результате которой рубль стал конвертируемой валютой.

«Весной 1922 года Ленин объявил новую экономическую политику серьёзно и надолго. Это означало, что власть должна быть советской, а экономика должна быть капиталистической. Капиталисты, сказал он, нам не страшны, потому что у них нет власти. Поэтому он пригласил в страну иностранных капиталистов и стал создавать своих, стал развивать кулачество <...>. С приглашением иностранных капиталистов у нас в стране начались преобразования. Шведы построили нам ДнепроГЭС. Американский миллионер Форд построил нам Горьковский автомобильный завод, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы».

В 1923 году заведующий губернским финансовым отделом А.М. Маштаков докладывал в Губернский комитет РКП(б) о том, что розничный торговый аппарат находится в абсолютном большинстве в частных руках. В селениях торговля носила смешанный характер: частно-кооперативный, но, тем не менее, отмечалось, что население в большинстве своём приобретает необходимые для него предметы домашнего обихода через весьма распространённые базары, где абсолютно преобладающее значение имел местный кустарь, мелкий лавочник, занимающийся разъездной торговлей. В городах преобладающим видом торговли по своим оборотам являлась продуктовая, лесная и мануфактурная, второе место занимала галантерейная и обувная.

«НЭП поднял экономику быстро, за три года. Мясо стало стоить на рынке 40 копеек, а буханка хлеба 10 копеек. Молоко на рынке стоило 6 копеек за литр. Государственных магазинов не было. Крестьяне всё везли на рынок. На

Художник М. Черемных. 1922

главной улице Ульяновска все магазины заняли американцы. Промышленных американских товаров было изобилие, но они были дороги. Метр сатины стоил 80 копеек, а мясо на рынке 40 копеек. В двадцатые годы (приблизительно с 1924-го по 1929 год был НЭП) нашу страну, и, в том числе и город Ульяновск, заполнили американцы со своими товарами, и американские жулики развернулись на каждом углу со своими рулетками. Обыгрывали русских лопухов в два счёта. Немало было, конечно, и американских ресторанчиков с винами.

Новый 1924 год встречали в школе. Была новогодняя ёлка, пели «В лесу родилась ёлочка», потом пели Интернационал... Потом были новогодние подарки. В пакетиках были карамельные конфеты, печенье и яблоки. Радость была у всех необыкновенная. Впервые за многие годы появились конфеты.

Частных магазинчиков и ларьков было очень много. На том месте, где сейчас завод «Контактор», были мясные и колбасные ряды. А дальше был большой стеклянный лабаз с овощами.

Крестьяне из Конной слободы, где сейчас улица Пушкарёва, буквально заваливали лабаз овощами. Против лабаза была базарная площадь. Тут была и толкучка с барахлом, и стояли телеги с арбузами, яблоками, гусями и курами. Можно было купить и барана, и лошадь. Воз арбузов стоил 5 рублей с доставкой на дом. А яблоки можно было купить воз даже за 4 рубля. Против мясных рядов у стенки большого кирпичного склада выстраивались бабы с

примусами, мисками и ложками. Они варили в больших кастрюлях щи из мясного соя, купленного в мясных рядах. Это назывался тогда обжорный ряд. Там можно было стоя съесть миску щей с мясом за 3 копейки, съесть пару пирожков с мясом за 5 копеек. За копейку дадут большой кусок хлеба. Там обычно обедает чернорабочий люд, грузчики, извозчики и прочая беднота».

11 сентября 1925 года ЦК ВКП(б) направил всем губернским комитетам письмо под грифом «секретно» с указанием вести в газетах систематическую борьбу против нездоровой и злостной конкуренции между заготовителями, указывая конкретно в каждом случае на ненормальные явления в этой области, освещать случаи недобросовестных отношений со стороны заготовительных контор и агентов по отношению к крестьянам-продавцам хлеба, выражающиеся в обвешивании крестьян, в неправильных расчетах и др. Кроме того, количественный рост товаров, сопровождающийся ростом цен на него, приводил к различным негативным проявлениям по отношению к частным предпринимателям: «Имущему населению, кто имел магазин, ресторан или имел дело с золотом, давалось разрешение от НКВД на покупку оружия, револьвера или пистолета. Ведь грабежи всё же были. Продавалось оружие в магазине «Динамо». Магазин был в том помещении против универмага, где сейчас торгуют соками и водами. На витрине были выставлены револьверы системы «Наган» за 45 рублей, системы Смита-Вессона – 75 рублей,

пистолет «Браунинг» – 100 рублей, английский пистолет «Кольт» – 120 рублей. С пистолетами было спокойнее. Но через некоторое время был приказ сдать оружие. Деньги обещали потом, но не возвращали. Затем опять разрешили покупать оружие, а потом опять приказ сдать оружие и опять деньги не возвращали».

Введение новых экономических принципов сказалось не только на социально-экономической сфере. Изменениям подверглась и культурная жизнь общества: «А кинотеатров летом тогда в Ульяновске было очень много. Крутили американские фильмы на каждом углу, но мы любили летний кинотеатр в большом лабазе, во дворе, за первой аптекой. Там и мороженое продавали разных сортов. Особенно мы любили сливочное и шоколадное. Они были на копейку дорожке. Детский билет в кинотеатр стоил 10 копеек. А фильмы были с участием американских актёров Дугласа Фербенкса, Гарри Пилля и Мэри Пикфорд. Порой смотрели фильмы, затаяв дыхание. В тридцатые годы таких фильмов уже не было. Это было только во времена НЭПа».

Неоднозначность мероприятий и реформ НЭПа, её противоречие политическим установкам партии привели к тому, что уже во второй половине 1920-х годов были предприняты первые попытки сворачивания новой экономической политики. Были ликвидированы синдикаты, нападкам подвергались частные предприниматели, а позднее и кооперация, создавалась жёсткая система управления народным хозяйством (наркоматы), в 1928 году уже началось осуществление первого пятилетнего плана, взят курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию.

«В 1931 году я окончил в Ульяновске третью советскую школу и поступил в Ульяновский химико-технологический техникум бродильной промышленности по винокурению и виноделию. После первого курса, т. е. через год, техникум из Ульяновска перевели в Воронежскую область, в г. Грязи. В это время НЭП был окончательно ликвидирован. Иностранных капиталистов прогнали, своих разорили и некоторых расстреляли, кулаков раскулачили и сослали в Сибирь».

Рената Ильязова,
ведущий архивист

Государственного архива
новейшей истории Ульяновской области
При подготовке статьи использованы
документы из фондов ГАНИ УО.

MÉMOIRES DE RUSSIE

V.G. Shapron de Larre
1947

В.Г. Шапрон де Ларре

Владимир Генрихович Шапрон дю Ларре, симбирский дворянин (1882–?), родом из Швейцарии. Его отец Генрих Иванович Шапрон (1852–1907) после окончания учёбы в колледже Святого Михаила во Фрайбурге уехал в Россию, где к его родной фамилии была добавлена приставка «дю Ларре», означающая место, откуда он прибыл. Первого февраля 1874 года Генрих Иванович Шапрон дю Ларре сдал письменный экзамен по французскому языку в Казани на право преподавания в российских гимназиях и с 15 февраля 1876 года был назначен преподавателем французского языка в Симбирскую военную гимназию, позже кадетский корпус. В Симбирске он познакомился и вскоре обвенчался с местной дворянкой Марией Владимировной Трубниковой (1854–1916) из богатой и знатной семьи. Со временем один за другим родились их четверо детей: Владимир, Алексей (1883–1947), Иван и Вера. Владимир был самым старшим.

В Симбирске на улице Московской в нескольких шагах от кадетского корпуса находился (и находится сейчас) дом, которым Шапроны владели вплоть до революции. Там семья проводила большую часть года. На лето уезжали в сельские имения, они достались семье от Трубниковых. Имения находились в селе Чертановка Сенгилеевского уезда Симбирской губернии и селе Архангельское-Репьёвка с деревней Юрманка и хутором Лощина Чердаклинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

Погодки Владимир Генрихович и его брат Алексей Генрихович окончили почти в одно время Симбирский кадетский корпус, затем Николаевское кавалерийское училище. После училища в 1904 году Владимир Генрихович отправился на службу в армию, оставив в соседнем селе Архангельском невесту Наталью Наумову (1889–?), дочь ставропольского дворянина Алексея Михайловича Наумова. Их любовь была взаимной, но родители девушки считали, что лучшей партией для дочери будет другой брат – Алексей Генрихович, также страстно в неё влюблённый. В 1906 году против воли девушки её выдали за него замуж, после чего молодожёны отправились в свадебное путешествие в Египет. В это время Владимир Генрихович выходит в отставку и приезжает в Симбирск. Вернувшись в 1908 году из путешествия, Наталья Алексеевна разводится с мужем, оставляет ему новорождённую дочь Марию (по-домашнему – Маруся) и уходит к любимому. Вместе они проведут всю оставшуюся жизнь, разделят тяготы Гражданской войны и эмиграции, воспитают семерых детей, пятеро из которых – Николай (1910), Владимир (1911), Наталья (1912), Вера (1914)

и Ольга (1918) родятся в Симбирске, и ещё двое – Надежда (1922) и Иван (1924) – в эмиграции в Швейцарии.

Безмятежную жизнь счастливой семьи прервёт революция и Гражданская война. Несколько лет Владимир Генрихович, участник Белого движения, сражавшийся в войсках Колчака, будет оторван от родных. В Красноярске, куда забросит его скитальческая судьба, он будет арестован в феврале 1920 года и определён в Иркутский концлагерь. В ноябре того же года его амнистируют, после чего он эмигрирует в китайский город Харбин. Оттуда в 1923 году Владимир Генрихович переберётся в Швейцарию для воссоединения с женой и детьми, прибывшими за год до этого на исконную родину Шапронов в сопровождении Ивана Генриховича Шапрон дю Ларре, закоренелого холостяка, для которого семья старшего брата заменила собственную.

Алексей Генрихович Шапрон дю Ларре (его брат по понятным причинам не упоминает в своих воспоминаниях) был военным. В годы Гражданской войны в чине генерал-майора служил адъютантом у А.И. Деникина и М.В. Алексеева. После её окончания он тоже выехал из России, жил в Константинополе, Англии, обосновался в Брюсселе. Там он вступил в повторный брак с дочерью белого генерала Натальей Лавровой Корниловой (1898–1983), у них родился сын Лавр (1932–2000).

Сестра Вера Генриховна Шапрон дю Ларре, после смерти в 1916 году первого мужа Николая Лишина, в эмиграции вышла замуж вторично за Роберта Волберга, также всю жизнь прожила в Брюсселе.

В Швейцарии поселилась и Мария Алексеевна Шапрон дю Ларре (1908–2000), в замужестве Кормье. В 1916 го-

Бывший дом Шапрон дю Ларре

ду её после смерти бабушки Марии Владимировны, которая с пелёнок воспитывала осиротевшую при живых родителях внучку, на последнем поезде швейцарских репатриантов вывезла из России одна из сестёр деда Генриха Ивановича.

Никто из ныне живущих потомков Владимира Генриховича Шапрон дю Ларре, в том числе его сын Иван Владимирович, отметивший недавно 93-ю годовщину, уже не говорит по-русски. О далёкой России, красивых приволжских местах они знают только по рассказам старших и сожалеют, что Куйбышевское водохранилище навсегда поглотило родину их русских предков.

Мемуары Владимира Генриховича начинаются с Февральской революции 1917 года, которую он встретил в Симбирске, и заканчиваются 13 апреля 1923 года, когда после долгой разлуки он увидел свою жену и детей. Они написаны на французском языке и вышли в двух томах в Марселе в 2008–2009 годах. Обе книги были подарены мне в 2014 году внучкой В.Г. Шапрон дю Ларре, дочерью Владимира Владимировича Шапрон, Натальей Владимировной, проживающей вместе с сыном Себастьяном в Швейцарии.

В 1916 году кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Елена Анатольевна Миронова приступила к переводу книги с французского языка на русский. В приведённой далее второй главе воспоминаний под говорящим названием «Симбирск» автор описывает то неопределённое и беспокойное время, которое царило в стране с февраля по октябрь 1917 года.

Татьяна Громова,
старший научный сотрудник
Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова

Владимир Шапрон дю Ларре. Воспоминания о России 1917–1923. Симбирск

В Симбирске мы жили в центре города, дом стоял в глубине сада, который отделял его от улицы. Рядом с садом был огромный двор, в глубине стоял маленький дом, где жила моя больная теща. За большим домом находилась прачечная, а напротив сада конюшня, с помещением для экипажей.

Наш дом был двухэтажный, достаточно вместительный для всей нашей семьи и для прислуги из Юрманки, которая сюда приехала с нами. Нас было 12 человек: я, моя жена, наших четверо детей и их гувернантка, две горничные, повар, которого скоро сменила кухарка. И, наконец, лакей, который нам служил как преданная собака везде, куда бы мы ни поехали. Ему было 70 лет, и звали мы его – «Дедушка Соловей».

В комнате рядом с прачечной разместились компания из трёх пленных австрийцев и карлика Фёдора Семёновича, которая не хотела нас покидать.

Один из них, по имени Гийом, уже три года работал у меня вместо прежнего русского шофёра. Он был замечательный шофёр, проработавший до этого в течение 8 лет в Вене. Этот человек был настолько ко мне привязан, что ничего не хотел слышать о лагере для военнопленных, куда власти его приглашали прийти. Как только произошла революция, я предложил ему уйти и тем более не сопровождать меня больше на автомобиле, так как его могли жестоко убить вместе со мной. Этот храбрый юноша ответил мне, что он не покинет меня никогда в жизни, и меня смогут убить, только когда покончат с ним. Его привязанность была поистине трогательна.

Наконец, у нас работали примерно 200 военнопленных, большей частью венгры. Все они должны были покинуть нас, как только началась революция. Но примерно человек 10 из них захотели остаться, однако позднее с нашим отъездом из Симбирска и они вынуждены были уехать.

Через несколько дней после нашего приезда я вызвал Сушанова, приказав ему приступить к ликвидации движимого имущества. Я пригнал в Симбирск табун лошадей и сам назначил им цену.

Оставил из них нескольких, которые мне могли бы пригодиться. Сушанову разрешил организовать торги в Лощине. Примерно за два дня 200 лошадей были проданы по цене выше назначенной, быков и коров выкупило земство по очень высокой цене. И так, у меня осталось в Репьёвке лошадей тридцать и в Юрманке десяток коров и один племенной бык. Мне удалось привезти в Симбирск четырёх из этих коров вместе с крестьянкой для их ухода и дойки.

Время от времени мы посылали в Симбирск служанку Агафью, чтобы что-либо привезти и посмотреть, что там происходит. Она нам докладывала, что всё в порядке, прислуга по-прежнему следит за хозяйским добром.

Не успели пройти первые две или три недели, как ко мне явились первые посетители, крестьяне из Репьёвки, которые просили меня с семьёй вернуться в имение. Но я не рисковал с этим до ликвидации всего имущества, на которое могли позариться крестьяне. Урожай обещал быть хорошим, у меня было примерно тысяча гектаров ржи, но я был уверен в том, что если буду ждать сбора урожая, то не смогу им воспользоваться, так как крестьяне отберут его. Чтобы избежать этой огромной потери, я придумал способ, который мне хорошо удался. Я вызвал из Репьёвки одного из моих управляющих Дмитрия Кусовова. Это был юноша очень разумный и сдержанный, и я ничем не рисковал, доверяя ему свои планы; я часто давал ему важные поручения, которые никому другому не доверил бы. Когда он у меня впервые появился, ему было 11 лет, я был ещё холост, и с тех пор его воспитывал. Я поставил его на ноги, дав образование и воспитание, и он стал моим покорным слугой.

Сейчас он был женат, я постарался, чтобы он ни в чём не нуждался, начиная самостоятельную жизнь. В течение двух последних лет он был управляющим в Лощине и очень хорошо знал поля этой фермы.

Дмитрий не заставил себя ждать. Я передал ему копию плана засеянных полей в Лощине и Репьёвке, попросив его продать втайне весь урожай на корню разным репьевским людям по 50 рублей за полдесятины, затем при-

нести мне деньги от продажи. У меня оставались 25 полдесятин, и за выполненную работу 15 из них я подарил ему.

Пшеница таким образом будет собрана, зерно смолото на мельницах, находящихся в разных местах. Я посоветовал ему мельницы в Петровке и в Часовне, недалеко от Симбирска. Всё прошло хорошо, и в конце второй недели Дмитрий принёс мне деньги за продажу ещё зелёной пшеницы, сбор которой начнётся через шесть недель.

Довольный результатами этого дела, я решил спустя несколько дней отправиться в Юрманку, чтобы ликвидировать движимое и недвижимое имущество, которое я не мог доверить Сушанову. Он уже украл у меня весь приплод свиней, и мне следовало поторопиться с его увольнением. Он жил в нашем временном жильё в двух верстах от Лощины, на опушке нашего леса. Место это было спокойное и одновременно уединённое. Оттуда он по ночам совершал поездки, чтобы продавать своим друзьям всё, что он украл у нас, например, приплод свиней, который я забыл оценить и который он продал целиком мяснику в Чердаклах за 80 рублей. В действительности многие из 60 или 70 животных из Лощины стоили каждое более 80 рублей. Чтобы оправдать эту сделку, он солгал на то, что свиньи скоро будут секвестрированы.

Зная, что разговаривать с таким человеком, как Сушанов, бесполезно, я ничего не сказал, но предпринял все меры предосторожности, чтобы его удалить. Я сказал ему, что нет больше необходимости его дальнейшего пребывания в имении, что это может даже быть опасным для него, но он под разными предлогами медлил со своим отъездом. Мне нужно было также решить вопросы с прислугой, которая оставалась у нас и которой я платил жалованье.

Вот в таких обстоятельствах я выехал в Юрманку, сначала один, чтобы убедиться, что моей семье ничто не угрожает. Крестьяне и прислуга встретили меня не просто приветливо, а радушно. В деревне царил тишина. Я уволил достаточное количество слуг, продав им фиктивно строения, принадлежавшие нам, но в которых они проживали. Этим домам угрожала реквизиция Временным правительством. Я ликвидировал всё, что смог. У меня остались барские дома, амбары и конюшни, молотилки, локомобили, сеялки, жатки и большие плуги, которые крестьяне не купили. Наконец, я смог освободиться и от присутствия Сушанова, который на украденные у меня деньги купил дом в

Мелекесесе, небольшом городе в Ставропольском уезде.

Поняв, что нет никакой угрозы, я написал жене, что она может приезжать. Это было кстати, так как дети, привыкшие к чистому деревенскому воздуху, могли заболеть в Симбирске. Моя жена была тоже очень рада вернуться в Юрманку, сразу же после получения моего письма она загрузилась с детьми, гувернанткой, служанкой Натальей, и Гийом примчал их на большом автомобиле. Моя младшая четырёхлетняя дочь тяжело перенесла этот утомительный переезд, но через два или три дня, проведённых в деревне, быстро поправилась.

Наша жизнь в Юрманке потекла привычно, но я больше не ходил в контору, только иногда увидеть моего секретаря Евгения Иванова. Он тщетно ожидал своего приемника, чтобы передать ему документы, которые теперь вынужден был сторожить. Я больше не ходил, как раньше, в поля смотреть на созревающий урожай, который уже не был моим. Время от времени я отправлялся на фермы, где жили несколько семей моих бывших слуг.

Было очень грустно видеть все эти места заброшенными, без всякого оживления, как будто смерть прошла здесь. Я беседовал с беднягами, оставшимися в этих пустынных местах, полностью подавленными в ожидании будущего, которое не казалось им радужным.

Почти каждый день мы с женой ездили в наши прежние леса, которые принадлежали теперь крестьянской общине, они, боясь репрессий, ещё не осмеливались их вырубать, не будучи уверенными в стабильности правительства, которое, однако, разрешало грабить и даже подталкивало к этому.

Иногда, когда моя жена не была расположена к длинным прогулкам, меня сопровождал мой кучер Фёдор, от него я узнавал, что думают крестьяне о недавних событиях. Благодаря этим разговорам, я всегда был готов к предстоящим событиям, знал все приказы местной власти крестьянам Юрманки. Крестьяне же, зная, что я получаю газеты, приходили с утра до вечера ко мне домой узнать новости, и я был доволен, что не так часто бываю дома. В противном случае с самого утра и до самой ночи мне приходилось объяс-

нять им, что произошло и чего ждать от революции. Разумеется, я пытался насколько мог разрушить все их иллюзии. Я очень любил жителей Юрманки, которые были добрые люди, честные и работающие, за исключением двух или трёх человек. Они отказались захватить наши земли, несмотря на предписания Репьёвского волостного комитета; после собрания они решили взять в аренду наши земли, расположенные в их общине на моих условиях, предложив даже мне заплатить, от чего я в целях предосторожности отказался. Сегодня я могу с уверенностью сказать, что я правильно сделал, не приняв их предложения, иначе они бы посчитали, что я их обманул.

Однажды члены Репьёвского волостного комитета пришли проинспектировать усадьбу в Юрманке. Я их принял в своём кабинете. Они измерили одну из моих конюшен. Не зная, кто эти люди и почему они измеряют конюшню, я послал кого-то узнать об их действиях. Они ответили, что по приказу Временного правительства должны составить список нашей собственности. Я не стал с ними спорить. На такие появления, повторяющиеся, мы перестали обращать внимания, и, в конце концов, привыкли к ним.

Однако, в связи с захватом нашего имущества крестьянами Репьёвки, у меня могли быть неприятности с другими крестьянами, которые взяли у меня земли в аренду. Каждый год я сдавал в аренду часть земель, которые не мог обрабатывать сам. И мои арендаторы заплатили за них мне осенью 1916 года. Они подготовили поля для весеннего сева, а крестьяне Репьёвки их захватили.

Это было ещё во времена Сушанова. Однажды я увидел его во дворе дома в Юрманке, он разговаривал с крестьянами, и по их отношению я понял, что разговор был очень неприятный. Говоря и жестикуюлируя, Сушанов отступал в направлении барского дома. Я надел шляпу, взял трость и пошёл к ним. Как только я подошёл к группе, Сушанов спрятался за меня и исчез в моём доме. И вдруг я остался один перед тридцатью лихими парнями, большинство из которых я не знал. Я их спросил, что они хотят и почему устроили такой шум. Мой довольно спокойный голос их успокоил, и они перестали кричать. Они вежливо поприветствовали меня, но после надели шапки, прежде такого жеста они себе никогда бы не позволили. Затем они мне объяснили, что хотели бы воспользоваться землёй, которую арендовали у Сушанова. Я им объяс-

нил, что земля принадлежала не Сушанову, а мне. Но я больше не хозяин своих владений, всё это секвестрировано крестьянской общиной Репьёвки. Единственная вещь, которую я смогу сделать: это вернуть аванс, уплаченный осенью за аренду земли. Мои собеседники мне ответили, что им не нужен возврат денег, они требуют возврата земель. Эти простые люди старались затеять ссору, поэтому я должен был быть начеку; главное, не терять хладнокровия, а затем попытаться позвать их в дом. Я их успокаивал, предлагая пойти вместе в Репьёвку, но они отказались. Они хотели просто работать на земле, считая, что имеют на это право, но, в конце концов, не осмелились, боясь быть побитыми крестьянами Репьёвки. Я ждал от них положительного ответа, так как мне было легче им заплатить.

– Вы правы друзья, – сказал я им, – вы не должны ссориться с вашими соседями, которые сильнее вас и многочисленнее. Если вы попытаетесь захватить эти земли, они вам не позволят вернуть деньги и напомнят, что у этих земель другой собственник. И у вас не будет ни земель, ни денег. Скорее воспользуйтесь моим предложением, возьмите ваш аванс, и вы ничем не рискуете.

Они согласились принять предложенные мной деньги, осудив вид, что иду в конюшню. Я поступал обычно так, когда видел приближение подобных посетителей. Я не знал, с какой целью эта орда пытается проникнуть ко мне, и волновался за жизнь своих близких. Увидев меня, они поздоровались вполне дружелюбно. Я дал им себя догнать, и встал, окружённый крестьянами, возраст которых был примерно 40–45 лет. Они сняли шапки, как в прежние времена, двое или трое вышли вперёд и заговорили. Они пришли из деревни Крёмёнки за моим советом, как поступить с приказом о прибытии в Ставрополь для мобилизации и отправки на фронт.

Общественный комитет им объяснил, что их мобилизация связана с отъездом молодёжи. Они мне рассказали, что будучи призванными в Ставрополь, они оставались там несколько дней без пищи, после чего власти изменили своё решение и отправили их домой. Все говорили одновременно, и я попросил одного из них объяснить мне, что они хотят.

– Господин, мы пришли к вам за разъяснением, что нам делать. Мы прекрасно понимаем, что нужно вести войну до победного конца. И мы отправимся сразу же в Ставрополь, если вы нам прикажете это сделать. Но в последний

1. Наумов Павел Михайлович (1861–1920), надворный советник, дядя Н.А. Шапрон дю Ларре, родной брат её отца Алексея Михайловича Наумова. Ему принадлежало имение при селе Архангельское-Репьёвка.

согласиться с мнением старика, так как все знали, что Павел Наумов – мой родственник. Помедлив, я посмотрел прямо в глаза старой лисе и ответил:

– Послушай, старик, ты говоришь, что я добр. Это потому, что ты не часто имел дело со мной. Ты осуждаешь Павла Наумова, потому что он твой бывший хозяин. Но я тебе гарантирую, если ты спросишь у кого-нибудь из моих репьёвских крестьян, кто из нас лучше, то он тебе ответит как раз обратное. То есть он тебе скажет, что Павел Наумов более добр, а я высокомерен и сердит.

Мои слова произвели отличный эффект на моих слушателей и старик отошёл в сторону. Другие ещё спросили у меня несколько советов и, выслушав и поблагодарив, ушли. Я же отыскал в доме Сушанова, который после разговора с крестьянами был не в своей тарелке.

После договора аренды, который мы заключили, крестьяне Юрманки спокойно засеяли поля, арендованные у меня. Они продолжали быть корректными по отношению к нам, и ничего в наших отношениях не изменилось за период с начала революции.

Однако однажды утром толпа примерно из 60 человек, вооружённых большими палками, подошла к дому. Я вышел из дома, сделал вид, что иду в конюшню. Я поступал обычно так, когда видел приближение подобных посетителей. Я не знал, с какой целью эта орда пытается проникнуть ко мне, и волновался за жизнь своих близких. Увидев меня, они поздоровались вполне дружелюбно. Я дал им себя догнать, и встал, окружённый крестьянами, возраст которых был примерно 40–45 лет. Они сняли шапки, как в прежние времена, двое или трое вышли вперёд и заговорили. Они пришли из деревни Крёмёнки за моим советом, как поступить с приказом о прибытии в Ставрополь для мобилизации и отправки на фронт.

Общественный комитет им объяснил, что их мобилизация связана с отъездом молодёжи. Они мне рассказали, что будучи призванными в Ставрополь, они оставались там несколько дней без пищи, после чего власти изменили своё решение и отправили их домой. Все говорили одновременно, и я попросил одного из них объяснить мне, что они хотят.

– Господин, мы пришли к вам за разъяснением, что нам делать. Мы прекрасно понимаем, что нужно вести войну до победного конца. И мы отправимся сразу же в Ставрополь, если вы нам прикажете это сделать. Но в последний

раз мы оставались там пять дней без еды и питья, потеряли целую неделю, вместо того чтобы сеять. И кто должен воевать, мы или двадцатилетние, которые решительно отказываются?

Я им ответил, что больше не земский начальник, что не в курсе новых указов и затрудняюсь что-либо им посоветовать. Но они настаивали и даже угрожали, что не уйдут без моих указаний. Тогда я им сказал:

– Каждый русский гражданин должен использовать все средства и с оружием в руках помочь закончить войну, потом в качестве победителей воспользоваться плодами победы.

В противном случае вся кровь, пролитая до сегодняшнего дня на полях сражений, будет пролита даром. И мне кажется, что пример должны показать более старшие, а молодые последуют за ними. Но всё, что я сейчас сказал, это моё личное мнение. Официальные указания вы должны получить от уездного комитета комиссаров Временного правительства.

Они ответили, что с них достаточно комитетов, слушать они будут только меня, после чего один из них обратился к другим:

– Все слышали, что сказал наш бывший земский начальник? Все по лодкам, чтобы завтра быть в Ставрополе.

Они попрощались со мной и пошли на берег Юрманки; переправились на больших лодках, а их большие палки служили им, оказывается, вёслами.

Именно в этот период Керенский использовал всю свою энергию, чтобы удержать фронт, который покидали солдаты. Временное правительство стремилось мобилизовать молодёжь, но никто не являлся на призыв, тогда приказ был отдан старикам. Власти на местах сами были дезорганизованы, не обладали опытом проведения мобилизации войск, особенно после разложения старой армии. Газеты, которые я ещё получал, не давали истинного положения дел на фронтах, Временное правительство распространяло ложные слухи.

Продолжение в следующем номере журнала

Перевод с французского
Елены Мироновой,

кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ

Семья Ухтомских на веранде. 1900-е

«Был крепко привязан к родному краю...»

В 2017 году исполняется 150 лет со дня рождения симбирского патриота, видного общественного деятеля А.Н. Ухтомского. По просьбе редакции журнала о нём рассказывает его правнучка **Нина Богдан**, живущая в США.

Князь Александр Николаевич Ухтомский родился 28 ноября 1867 года в имении родителей, Николая Николаевича и Параскевы Апполосовны (урождённая Бетева) Ухтомских, в селе Репьёвка-Крутец (ныне Богородская Репьёвка Цильнинского района Ульяновской области). Крёстными стали приходский священник и родная тётя, Прасковья Николаевна Наумова. Александр и его старший брат Михаил учились в Симбирском кадет-

ском корпусе. Александр в 1883 году окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию. Братья Ухтомские дружили с двоюродным братом, Александром Николаевичем Наумовым (сыном крёстной матери А.Н. Ухтомского), проводили время втроем и, по словам Наумова, съезжались в летнее время, веселились, охотились. Все они изучали музыку, собирались по средам и играли в ансамбле – Александр Ухтомский на рояле, Михаил на виолончели, а Наумов на скрипке. Позже, в

А.Н. Ухтомский. Примерно 1893

Личная история

1894 году, Александр Наумов и Михаил Ухтомский были поручителями Александра Ухтомского, когда он женился на Анне Валерьяновне Назарьевой.

После окончания гимназии Александр поступил в Петербургский университет, но через год, вместе с Наумовым, перевёлся на юридический факультет Московского императорского университета. Окончил курс с дипломом первой степени.

Александр болел в детстве, и всю жизнь, хотя был выше среднего роста, оставался хрупкого сложения (по словам Наумова, «худ и бледен».) А.Н. Наумов описывал характер друга следующим образом: тихий, скромный и нелюдимый, «причём глаза его (голубые как у всех Ухтомских) носили постоянно оттенок не то грусти, не то устатка». При этом Александр был «чрезвычайно способным <...> много читал <...> отличался всегда широтой своих взглядов, идеалов и поступков, каковые качества и выдвинули его в последующее время его жизненной карьеры в ряд наиболее видных местных общественных деятелей».

После сдачи государственных экзаменов А.Н. Ухтомский вернулся домой. Отец его, князь Н.Н. Ухтомский, скончался. Имение при Богородской Репьёвке перешло к сыну, он стал владельцем 638 десятин земли.

В семье Александра Николаевича и Анны Валерьяновны Ухтомских было пятеро детей: Николай (1895), Мария (1896) и Наталья (1897). Двое младших, Александра (1900) и Валериан (1901), умерли в детстве (до 1911 года). Вопреки семейной трагедии этот брак был счастливым и выдержал всё: революцию, Гражданскую войну, отступление с белой армией, жизнь в изгнании.

До революции А.Н. Ухтомский служил в разных должностях. Был председателем попечительского совета Симбирской 2-й женской гимназии, учреждённой В.В. Кашкадамовой; почётным попечителем Симбирской классической гимназии (1910–1917); с 1902 года – членом попечительского совета Симбирской женской гимназии Т.Н. Якубович, потом заместителем председателя, а с 1915 года председателем совета; почётным блюстителем Богородско-Репьёвского одноклассного училища; почётным мировым судьёй; председателем Симбирской уездной земской управы (1911–1917); председателем приюта престарелых и детей в селе Тётушском; земским начальником 5-го участка Симбирского уезда с 1892 года, 4-го участка (1894–1905); непримен-

ным членом Симбирского губернского присутствия (1905–1910); с 17 января 1916 года – членом Государственного дворянского земельного банка в Симбирске. Во время голода 1891–1892 годов А.Н. Ухтомский близко сотрудничал с Красным Крестом, распределяя хлеб и продукты.

Князь был кавалером ордена Владимира IV степени (1909), Анны II и III степеней (1905), Станислава II степени (за отличное усердие и особые труды по ведомству Министерства народного просвещения, 1906). Имел медали: серебряную на ленте ордена Святого Александра Невского в память царствования императора Александра III и тёмно-бронзовую за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 года. В 1913 году за труды по продовольственной кампании в 1911–1912 годов ему было объявлено Высочайшее благоволение.

По описанию А.Б. Нечаевой, уроженки Симбирского уезда (позже эмигрировавшей в США), семья Ухтомских была в тёплых отношениях с семьями Беляковых, Метальниковых, Аннековых, с другими местными дворянскими семьями. Александр Николаевич обладал чувством юмора, не отказывался от рюмочки в праздничные дни, по характеру был открытым, в отличие от жены, которую, видимо, молодые люди до некоторой степени боялись. В письме внучке А.Н. Ухтомского, Марине Богдан, Нечаева рассказывала, как Александр Николаевич «чуть ли не до слёз смутил» её, когда ей было 11 лет. Раскладывая порции жареных цыплят гостям на именинах, он спросил её: «Ну, а тебе как: с пупком или без»? Слово «пупок» смутило девочку и она молчала, Александр Николаевич тогда пошутил к ней: «Что ты краснеешь, я же не про твой пупок спрашиваю, а про цыплячий».

Жили Ухтомские в имении, а также в своём симбирском доме на улице Введенской. Мать Анны Валерьяновны была немка, члены семьи изредка выезжали в Германию гостить у родственников, но это были редкие поездки. В основном семья постоянно проживала в Симбирской губернии, считая её своей родиной. Князь сам управлял имением, они с сыном были увлечены вопросами земледелия и всевозможными инновациями в области сельского хозяйства. Горячо любивший не на словах, а на деле простой народ, князь А.Н. Ухтомский своим доброжелательным и справедливым подходом к разным вопросам крестьянской жизни много способство-

А.Н. Ухтомский с сыном Николаем. Примерно 1899

вал умиротворению края, развил самую широкую деятельность, много сделал для развития земского дела и поднятия благосостояния населения. При деятельном участии князя создавались кооперативы, общества взаимного кредита, заботился Александр Николаевич и о благоустройстве губернии.

В 1917 году революционные власти изъяли именина Ухтомских. Александр Николаевич продолжал служить в разных должностях, но 21 февраля 1918 года подал заявление о сложении полномочий кандидата гласного Симбирской городской думы. Сын Николай вернулся домой с фронта летом 1918-го. Вскоре Александр Николаевич был арестован. Его спасли от расстрела войска капеллевской армии, которые с чехословацкими легионерами взяли Симбирск 22 июля. Князь Ухтомский снова согласился баллотироваться в гласные городской думы членом «Союза Возрождения России» 25 августа 1918 года. Хотя Союз получил большинство голосов, городское правительство (в то время под контролем «Комуча») признало результат недействительным из-за низкой явки избирателей. Намечены были очередные выборы, но 12 сентября Симбирск снова оказался в руках «красных». А.Н. Ухтомский с женой и двумя дочерьми был вынужден покинуть город и следовал с отступающими войсками до Красноярска. В эшелоне так называемого «ТАОНа» (тяжёлая артиллерия особого назначения) были и другие симбиряне. Позже, покинув родину, они назвали себя «семья ТАОНцев». На оборотной стороне фотографии, где группа, видимо, снята в

Предположительно фото сделано по дороге в Красноярск в сентябре-октябре 1918 года. А.Н. Ухтомский второй слева, А.В. Ухтомская справа от него

октябре 1918 года, один из «ТАОНцев» написал «о тех простых, милых вечерах, когда мы были в эшелоне «ТАОН».

Семья прожила год в Красноярске. А.Н. Ухтомский и здесь работал в Красном Кресте, распределяя продукты беженцам. Он также служил уполномоченным Министерства снабжения и продовольствия по Енисейской губернии в 1919 году. В декабре того года семья была вынуждена покинуть Красноярск: армия Колчака отступала. Чехословацкие войска снова помогли: в этот раз Ухтомские вместе с семьёй Голицыных получили место в вагоне уходящего на восток эшелона. В нём они провели несколько месяцев, пересекли границу Китая и добрались до Харбина

весной 1920 года. В Харбине А.Н. Ухтомский был одним из главных инициаторов земляческого движения, создал Симбирское землячество.

Семья пропустила возможность выехать в Америку в начале 1920-х годов. Только Анна Валерьяновна и дочь Наталья имели возможность получить рабочие визы как учительницы иностранных языков (Николай в то время был в Германии, а Мария скончалась в Харбине в 1921 году). В письме княгине Любове Владимировне Голицыной в 1924 году (почти сразу после её отъезда в Сизтл, штат Вашингтон) А.В. Ухтомская писала: «Что же Вы советовали бы предпринять нам, если не ехать в Америку, куда нам двигаться? Я лично

предпочла бы бедствовать, чём зависть от «красных», кланяться или опять ставить моего мужа в опасность, которой он немедленно будет подвергаться по водворении здесь «красных». Или Вы думаете, что они не припомнят всё прежнее? Я так вполне уверена, что да, и что ему будет грозить большая неприятность. Чтобы не подвергать его к малейшему риску, я бы его увезла на край света, но кроме Америки ехать некуда. Вы сами это отлично знаете. <...> [Александр Николаевич] воспрянул бы духом, очутившись в совершенно покойном месте вдали от всякой политики, да ещё с людьми, которые ему так бесконечно дороги и близки по духу, как Вы и Ваша семья. Подумайте о нём, пожалейте его и посодействуйте его отъезду в Америку. Не говорите ему того, что я пишу Вам так о нём, но, право же, этот человек столько уже выстрадал горя за последние годы, что я хотела бы уберечь его от всякого возможного несчастья и унижения в будущем. Милая, Вы поймите меня и моё состояние. Говорю совершенно искренне, что если бы не Саша, я даже осталась бы здесь, как ни одиозны для меня «красные», но я боюсь за него и не могу видеть его нервного состояния, которое он тщательно скрывает, но все же от меня скрыть не может». Без Александра Николаевича Анна Валерьяновна, конечно, отказалась уезжать, и путь в Америку закрылся. По письмам видно, что князь впал в депрессию. В 1926 году он писал княгине Л.В. Голицыной: «Мне особенно недостаточно Вашей семьи, т.к. после Вашего отъезда ни с кем не могу сойтись, и даже с своими симбирскими вообще очень редко. Всё больше сижу дома после службы, да и у нас мало кто бывает. Несмотря на большие события, случившиеся после [вашего отъезда] (большевизация дороги, «китаизация» горсовета. – Ред.), жизнь всё же течёт приблизительно по-прежнему: все ссорятся, интригуют, понемногу едят друг друга. Одним словом, русские остались себе верны и ничто нас не исправило от страсти поедать один другого».

После «китаизации» городского совета А.Н. Ухтомский писал, что, «вероятно, придётся лишиться службы и своего скромного заработка». В отношении русской диаспоры не возлагал никаких надежд. О единении русских эмигрантов на Парижском съезде, по его словам, «допускал только чудо – дружное единение всех русских пред людьми всего мира, но чудо не совершилось».

В 1926 году Александр Николаевич

Личная история

писал: «Лично я так крепко был привязан к родному краю (губернии), так сходилась со всеми его интересами, что, оторвавшись от него я чувствую, что нигде не смогу больше приспособиться, и везде буду себя чувствовать чужим». Описывал жизнь в Харбине так: «Русские интересы здесь сильно страдают из-за влияния большевиков и китайцев, ещё благодаря конкуренции немцев. Их появляется всё больше, например Красный Крест обращается прямо в немецкую колонию. Размах случаев выкуривания всех русских врачей и сестёр и замещения их немцами и китайцами увеличивается. Если это пойдёт дальше, то быстро здесь о русских останутся лишь воспоминания. <...> На днях читал западноевропейские русские газеты и пришёл в отчаяние от разлада, существующего среди наших иерархов, как в России, так и в Европе. Даже клобуки не могут выкурить из русских свойственный им анархизм. Без паёв они не могут обходиться. Все хотят власти, и никому и ничему не желают подчиниться, а предлоги и самооправдания всегда найдутся. Совсем разорили они нашу бедную Церковь, хуже самых злобных коммунистов. Где уж нам свергать их советскую власть при такой родне. Не благодаря ли ей так легко большевики раскрывают все наши попытки организации недовольных в России. Наклонение к предательству было всегда сильно среди русских. Всегда были и шервуды и азефы. Лично я всё никак не могу устроиться, и месяц живу без дела. Спасибо подвернулся один русский урок, чтобы иметь что на папиросы. Будущее сильно беспокоит. Надежды на поддержку ни от кого не имею. Одна надежда на Бога, он меня пока не оставял, не оставит и впредь».

В Харбине Ухтомские общались с симбирянами, в том числе с Языковыми, Беляковыми, Е.М. Перси-Френч и Нечаевыми. Однако когда японцы оккупировали Харбин в 1932 году, жизнь ещё больше осложнилась (хотя, по словам А.В. Ухтомской, японцы навели «полный порядок»). Появились экстремистские (фашистские) организации, многие русские уезжали из Харбина в Шанхай, Пекин или, по возможности, дальше.

Семья была в сравнительно неплохом материальном положении: сын Николай вернулся из Германии в 1929 году и работал журналистом, Анна Валерьяновна и дочь Наталья преподавали иностранные языки и музыку и, возможно, какие-то средства были привезены с собой. Помогали эмигрантам в худшем

Княгиня А.В. Ухтомская и князь А.Н. Ухтомский в центре. 1920-е. Харбин

положении, А.В. Ухтомская писала, что они давали приют крайне обедневшим русским беженцам.

В 1933 году А.В. Ухтомская писала княгине Голицыной, что Александр Николаевич «очень сильно похудел, сильно кашляет». И всё же были радостные моменты: в 1933 году сын Николай женился на Любове Александровне Крутовой, через год родилась внучка Марина, ещё через год – вторая, Елена. Александр Николаевич был крёстным отцом Марины, подарил ей на день рождения книжку «Моя первая азбука». На обложке он написал: «Моей милой внучке и крестнице княжне Марине Ухтомской на память о любящем дедушке с пожеланием выучиться читать и писать ранее чем достигнет пяти лет».

20 февраля 1938 года Анне Валерьяновне стало плохо, врачи обнаружили кровоизлияние в мозг, спустя два дня

А.Н. Ухтомский с внучкой Мариной и собакой Ройкой. 30 августа 1934 года, Харбин

она скончалась, не приходя в сознание. Осенью 1940 года Александр Николаевич заболел воспалением лёгких и 5 ноября скончался. Он был похоронен на новом кладбище в Харбине (ныне на этом месте парк аттракционов) рядом с могилами супруги и дочери Марии. Похороны описывались в местных газетах: «Вчера состоялось погребение председателя Симбирского землячества, князя Александра Николаевича Ухтомского. Похороны отличались торжественностью и были очень многолюдными. Отдать почившему последний долг собралось много харбинцев. Утром тело покойного было перенесено в Покровский храм, где состоялась заупокойная литургия и панихида. На гроб были возложены венки от родственников, сослуживцев дочери покойного, школы им. Гинденбурга, земляков-симбирцев».

В некрологах жизнь и личность князя были описаны так: «В лице почившего князя Александра Николаевича Ухтомского сошёл в могилу один из лучших представителей старейшего русского дворянства. Князя Ухтомские ведут своё происхождение от Рюрика <...> Человек высокой культуры, сохранявшей до самой кончины все лучшие черты старого русского дворянства, остроумный и увлекательный собеседник, Александр Николаевич был искренне любим и уважаем всеми, кому пришлось встречаться с ним в деловой и частной жизни. Кончина его была встречена с глубоким сожалением всем Харбином. Со смертью князя сошёл в могилу ещё один представитель лучшей части старой русской интеллигенции».

Семья «ТАОНцев». 27 октября 1918 года. Красноярск. А.В. Ухтомская сидит впереди в центре

«Боялся опоздать на войну»

25 июня 2017 года исполняется 90 лет участнику Великой Отечественной войны Семёну Алексеевичу Теленкову, больше 50 лет проработавшему на Ульяновском автомобильном заводе.

С.А. Теленков. 1944

С.А. Теленков. 1945–1946

В Ульяновске, куда семья Теленковых переехала из Балахны Горьковской области, Семён Алексеевич окончил вечернюю школу с серебряной медалью в 1952 году, а в 1958 году – политехнический институт в Горьком. После получения специальности приехал работать на Ульяновский автомобильный завод. Сначала работал мастером, потом заместителем начальника кузнечного цеха.

В годы, отдаваемые основному автомобильному производству – металлургии, Семён Алексеевич активно сотрудничал с многотиражной газетой «За коммунистический труд». Ему легко да-

вались все производственные темы. Он сочинял стихи и лирические зарисовки. В 1973 году партком автозавода предложил ему стать редактором многотиражки. Целых 13 лет он возглавлял это издание, пользуясь авторитетом на предприятии и в городе.

Большую часть воспоминаний Семёна Алексеевича занимает военная служба. День Победы он встретил на боевом дежурстве в Одессе. За участие в Великой Отечественной войне награждён медалью «За победу над Германией». Наиболее важной для себя наградой за мирный труд Семён Алексеевич считает медаль «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Команда базового лазарета подводного флота. Крым, Балаклава. 1948. Теленков в верхнем ряду третий слева

Личная история

Родился я в 1927 году 25 июня в селе Мармыжи Пьяноперевозского района Нижегородского края. Мои родители – отец Алексей Семёнович и мать Ольга Николаевна – из бедных крестьянских семей. Были у меня старший брат Константин и двое младших – Михаил и ещё один Константин. Так уж получилось.

Жили скудно. Чтобы как-то прокормить семью, отец уехал на заработки в старинный городок Балахну, что недалеко от Горького вверх по Волге. Ему в 1928 году как семейному молодому рабочему выделили комнату во вновь построенном доме в рабочем посёлке при электростанции. Здесь прошло моё довоенное детство. В местной школе № 7 им. С.М. Кирова я учился до 8-го класса. Отсюда в начале марта военного 1944-го года шестнадцатилетним подростком на свой страх и риск «зайцем» добрался на поездах аж до Красноярска, где в то время располагалось эвакуированное из Одессы военно-морское фельдшерское училище – моя конечная цель. Экзамены сдал прилично и был зачислен кандидатом в курсанты. Так я, боявшийся опоздать на войну из-за недостижения призывного возраста, пополнил собой ряды славного Военно-морского флота.

Чтобы стать полноценными курсантами, мы должны были пройти курс молодого бойца – избавиться от гражданской разболтанности, привыкнуть к военной дисциплине. Не уверен, что всё это у нас получилось, но взялись за нас крепко. Интенсивнейшая физическая подготовка, строевая, навыки по овла-

дению оружием и т.д. Занимались без выходных с минимальными перерывами на еду и сон в любую погоду на воздухе. Жили в домиках, построенных «в одну дощечку» в бывшем пионерском лагере. А вёсны там, в районе Красноярска, поздние. Помню, в апреле под соснами снег ещё лежал. Мы тогда на тренировках его много помесили. После отбоя добирались до коек и засыпали сразу, укрывшись с головой тонкими одеялами. Месяца два нас так тренировали. Ничего, вытерпели! Зато как эта закалочка нам потом пригодилась!

Одесса была освобождена от фашистов 10 апреля 1944 года. А пятого мая мы срочно приняли воинскую присягу, стали курсантами, и где-то через сутки-двое наш первый курс погрузили в теплушки и отправили в освобождённый город. Нас направили туда первыми для подготовки к переезду всего училища, для восстановления и ремонта помещений учебных классов, казарм, для обеспечения безопасности от вражеских элементов. Как оказалось, их было здесь много: не успевших сбежать с немцами бывших полицаяв, бендеровцев, специально оставленных диверсантов да и просто бандитов.

Наша воинская служба началась сразу же по прибытии в город – работы по разборке-уборке завалов, ремонтно-строительные дела и служба по охране объектов различного назначения. «Через день на ремень» – очередные наряды. К октябрю в Одессу переехало всё училище. И хотя ещё далеко не всё было подготовлено, занятия начались.

Помещения для учёбы и жилья в первый год не отапливались. А на юге

Встреча поколений. С.А. Теленков на встрече с ребятами из Центра детского творчества № 2. 2016

страны зимы своеобразные: дожди вперемежку со снегопадами, ветра, вечная слякоть под ногами. После возвращения в казармы вечерами просушиться и согреться было мудрено. Температура в помещении мало отличалась от уличной. Ни обувь, ни одежда на нас никогда не просыхали как следует. Но, что удивительно, мы очень редко болели, особенно простудными заболеваниями. Вот где помогла нам закалка, полученная в Красноярске!

В городе было беспокойно, то и дело постреливали, часто по ночам. При патрулировании улиц, особенно в тёмное время, курсанты держались друг от друга на расстоянии близкой видимости по разные стороны улицы. Были среди нас и потери. Были и раненые, которых с инвалидностью увольняли на гражданку, в том числе и с нашего курса. Всё это продолжалось и после окончания войны, пока в 1946 году командующим Одесским военным округом не был назначен Георгий Константинович Жуков. При нём как-то быстро всё это и закончилось. Тогда нас, курсантов, по воскресеньям стали отпускать в город на увольнение.

В июле 1947 года меня направили на военно-морскую базу подводного флота в Крыму в базовый лазарет санитаром. Здесь я служил до самой демобилизации в октябре 1951 года. Как и всем рядовым 1927 года рождения, призванным в 1944 году, мне пришлось отслужить «срочную» – семь лет и пять месяцев. Очевидно, что наш год задержали на службе не случайно. Началась «холодная война» против Советского Союза.

Семён Теленков,
редактор многотиражной газеты
УАЗа в 1973–1986 годы

Коллектив редакции. Конец 70-х годов

А.И. Горбунов

В селе Архангельском Чердаклинского района 116 лет назад родился мой отец Иван Филиппович Горбунов. В семье он был шестым сыном. В 14 лет моего отца отдали в работники к греку, торговавшему в Симбирске лампадным маслом. Иван на лошади развозил масла по торговым точкам и церквям города. Хозяин лавки, как рассказывал папа, был очень добрым и внимательным человеком: всякий раз, отпуская погостить к родителям, обязательно давал денег на гостинцы, чтоб с пустыми руками к отцу и матери не приходил.

Рос Иван развитым и грамотным парнем. Окончил трёхклассную школу, вернулся в родное Архангельское. Свободное время проводил в церкви, пел в церковном хоре. Шли годы. В 1920 году Иван женился на Матрёне Сергеевне Агеевой, а в ноябре 1921 года у них родился сын Михаил, о котором я упомяну ниже.

В конце 1920-х годов в стране полным ходом шла коллективизация. Не обошла стороной эта кампания и наше село. Отца избрали председателем вновь создаваемого колхоза «Власть Советов», потом перевели работать председателем колхоза в Кремёнские выселки Старомайнского района.

С выходом в издательстве «Книги Памяти» и её продолжения «Солдаты Победы» у меня сбылась давняя мечта рассказать о своих близких, которые вместе со всей страной ковали победу над фашизмом.

Солдаты Победы

И.Ф. Горбунов (справа) с однополчанином. 9 мая 1945 года. Польша, г. Опаленица

Семья Горбуновых. В центре Матрёна Сергеевна, у неё на руках младшая дочь Люба. Сзади стоят две дочери Лена и Вера. Справа от матери сыновья Лёша и Саша (автор статьи), слева – Николай и Юрий. 16 октября 1944 года. Село Архангельское

Письмо в редакцию

В 1930-е годы редко кого из руководителей не задела волна репрессий. Шаг вправо, шаг влево – и ты уже преступник. Всю свою жизнь, пока был жив отец (а он умер в 1975 году), я не решался проявить любопытство о его проступке, а сам об этом он никогда не вспоминал и не давал повода об этом вести разговор: никогда он не питал обиды на власть. Только через много лет после его смерти моя мама осторожно проговорила: за то, что не рассчитавшись с государством по поставкам сельскохозяйственной продукции, заплатил по трудовым колхозникам, отец отработал на строительстве Беломорско-Балтийского канала два года...

Возвратился бывший председатель колхоза с дипломом прораба землеустроительных работ. Но строителем не стал, а увлёкся механикой и с головой ушёл в дело механизации и автоматизации сельскохозяйственных работ в колхозе.

Наступил страшный для всей страны 1941 год. Мой брат Михаил уже в Красной Армии, уже воюет, а отца только на девятый раз районные власти отпустили в распоряжение райвоенкомата, и в возрасте 41 года он стал красноармейцем 1100-го артополка.

Ушёл Иван Филиппович воевать, защищать Родину и свою семью. Дома остались четыре сына и три дочери. Старшей было шестнадцать лет, младшей – год. Мать работала круглые сутки. Днём возила молоко на молокозавод, а ночью сторожила колхозную молочно-товарную ферму.

Сержант Иван Филиппович Горбунов награждён орденом Красной Звезды. Как мне рассказывал папа, однажды в 1944-м его вызвали в штаб к командующему артиллерией. Тот, по-

благодарив за выполнение боевого задания, спросил, какую бы он хотел за это награду. Не задумываясь, папа попросил отпуск для свидания с семьей. Желание отца было исполнено, а в дополнение к этому был вручен орден Красной Звезды. Пока папа был в краткосрочном отпуске, его часть быстро продвигалась на запад, потому догнал он своих боевых друзей уже в Польше, но и там ему нашлась «работа», за которую он получил очередную награду «За освобождение Варшавы», а потом и «За взятие Берлина».

От Волги до Берлина отец и сын прошли бок о бок. Случалось так, что находились они в одном районе боевых действий, о чём позже узнавали по письмам друг другу. А вот встретиться на фронте ни разу так и не пришлось.

Сразу же после войны папа вернулся домой. Контузии и ранения более чем на год задержали возвращение моего брата, Михаила Ивановича. Для него война закончилась в 1946 году, а началась солдатская жизнь в 1940-м. Вот таким длинным и тревожным оказался этот период молодости.

Последнее время Михаил Иванович Горбунов жил в посёлке Октябрьском Чердаклинского района, долгое время возглавлял совет ветеранов Великой Отечественной войны. Сейчас ему исполнилось бы 96 лет, но в 2007 году он ушёл из жизни.

Вот такая память осталась у меня о дорогих мне людях.

Александр Горбунов, ветеран труда РФ

Цена Победы

Моей маме, Надежде Николаевне Нагаткиной, в 1942 году было 14 лет. Она жила с мамой в Ульяновске, в районе Куликовки, там у моей бабушки был собственный дом. В войну всех работоспособных граждан (14 лет – это уже считался взрослым) гоняли на лесозаготовки. Мама рассказывала, что их переправляли через Волгу на пароме – надо было прийти к пристани ранним-ранним утром. На той стороне, на Нижней Террасе, сразу за патронным заводом были леса. Целый день они там работали, затемно возвращались домой, а наутро чуть свет надо было снова на пристань. Уставали страшно. Оплаты, по-моему, никакой не было. Выходных не было, больничных не давали.

На этой фотографии Наде Нагаткиной 18 лет

Я была уже взрослой, когда увидела у мамы на ноге большой белый шрам, сантиметра три шириной. Шрам опоясывал ногу и был как от ожога. Я спросила: «Мама, что это?» – «Да вот, молодая была, дурочка. Отдохнуть хотела»...

Она рассказала, что до того устала таскать эти брёвна, что в какой-то момент ради того, чтобы побыть два-три дня дома, вылила себе на ногу кислоту. Сообразила, что надо вылить повыше, чтобы шрам под платьем был незаметен. Сожгла «до мяса»... Пошла в больницу. Сделали перевязку, дня три просидела дома, а чуть рана стала подживать, снова пошла на работу.

Сейчас, когда в печати или на телевидении ведут разговоры о цене нашей Победы, я всегда вспоминаю шрам на ноге моей мамы.

Светлана Зенкина, дизайнер

«Театр на Шатальной». З.Н. Минаева, М.А. Зиновьев с семьёй Архангельских. 17 сентября 1925 года

Театр на все времена

Вглядываясь в переплетение судеб, удивляешься, как тесно история ульяновского театра связана с линиями жизни многих талантливых людей. Дмитрий Иванович Архангельский, художник, исследователь симбирской старины, страстный пропагандист искусства, живо интересовался театром и музыкой. Сегодня в статье старшего научного сотрудника отдела фондов Ленинского мемориала **Валентины Михайловны Костягиной** – несколько малоизвестных историй о семье Д.И. Архангельского, его друзьях и знакомых.

Дом для актёров

В 1924 году ульяновская газета «Пролетарский путь» в нескольких сентябрьских номерах разместила объявление: «Для приехавших артистов на зимний сезон в Большой театр (так тогда называли ульяновский драматический. – Ред.) требуются комнаты. Желających сдать просят адреса сообщать в контору. Дирекция». Вот так в гостеприимном доме Архангельских на Шатальной улице поселились артисты З.Н. Минаева и М.А. Зиновьев.

Зинаида Николаевна Минаева (1885–1950) – русская советская актриса, заслуженная артистка РСФСР. Окончив в 1910 году музыкально-драматические курсы В.Б. Поллаха в Петербурге, играла в частных театрах. После Октябрьской революции работала в театрах Астрахани, Казани и других городов. Обладала сильным драматическим темпераментом и обаянием.

В её репертуаре были роли Ларисы в «Бесприданнице», Катерины в «Грозе» А.Н. Островского, Натальи Филипповны и Грушеньки в «Идиоте» и «Братьях Карамазовых» по Ф.М. Достоевскому.

Галина Дмитриевна Невзорова, старшая дочь Д.И. Архангельского, вспоминала, что Зинаида Минаева играла на сцене нашего города в театральные сезоны 1924–1927 годов: «Всеобщая наша любимица, очень одарённая артистка и совершенно необыкновенно привлекательная женщина – обаятельная и умная, с величайшим тактом в обращении с людьми. С ней было просто и радостно, уютно, словно с давней знакомой. Отец восхищался и преклонялся перед необыкновенной женщиной, что было вполне естественно».

25 ноября 1924 года в драматическом театре в бенефис артистки З.Н. Минаевой зрителям была показана трагедия Шиллера «Мария Стюарт». В коротких строчках, опубликованных в газете, от-

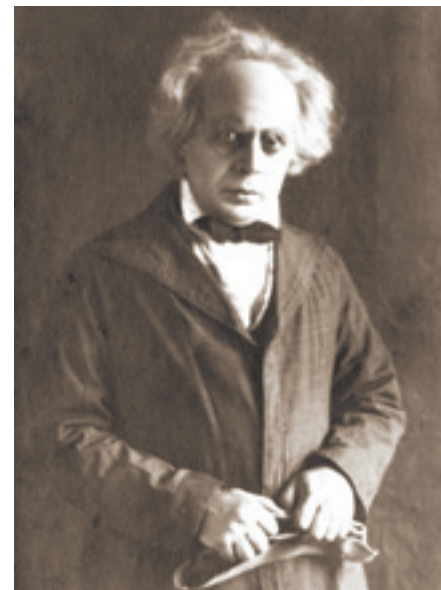

З.Н. Минаева

мечалось, что актриса «выявила всю гамму разнообразных настроений и переживаний своей героини. Сцена прощания Марии с близкими перед казнью была очень хороша. Артистку публика тепло приветствовала». 23 декабря ставилась пьеса А.Н. Островского «Последняя жертва». «Как всегда превосходна была Минаева в роли обманутой вдовы», – отмечал рецензент.

17 февраля 1925 года состоялся бенефис М.А. Зиновьева, мужа Зинаиды Николаевны. Зрителям «только один раз» представлялась «пользующаяся громадным успехом» драма в 4-х действиях «Казнь», в которой бенефициант исполнял роль Пружанова.

«Дама с камелиями» был последним спектаклем З.Н. Минаевой и её прощальным бенефисом в театральном сезоне 1924–1925 года. Газета «Пролетарский путь» в рубрике «Театр и музыка» восхищалась талантливой игрой

М.А. Зиновьев в «Дворянском гнезде»

актрисы: «З.Н. Минаева сумела дать несравненный образ «дамы с камелиями», играя с такой неподкупной задушевностью, что зрители буквально плакали, плакали больше, чем сама талантливая актриса. Очень жаль, что она, наиболее видная, несомненно даровитая актриса выходит из состава труппы и уезжает».

На память о себе Зинаида Николаевна подарила Архангельским несколько своих фотографий. На одной из них надпись: «Милым, славным людям и чутким зрителям Надежде Павловне и Дмитрию Ивановичу Архангельским на память обо мне. З. Минаева. Ульяновск. 29 декабря 1924 года». На другой фотографии: «Дорогие мои Надежда Павловна и Дмитрий Иванович! Есть русская пословица: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Я счастлива, имея друзей – вас, искренних, добрых, чутких людей, с которыми я так отдыхаю душой, забывая все мои невзгоды. Дай Бог, чтобы я опять поскорее увидела вас и почувствовала вашу теплоту и ласку. Любящая вас, З. Минаева».

Сопрано и тенор

Многолетняя дружба связывала Архангельских с солисткой Мариинского театра, позднее солисткой Государственного московского театра оперы Анной Алексеевной Коломийцевой и её мужем, артистом оперы Павлом Степановичем Сурминским. В наш город они приезжали много раз, и каждое из выступлений было большим событием.

Газета «Пролетарский путь» анонсировала: «23 июля 1928 года в 9 часов вечера в помещении городского театра состоится концерт артистки ленинградской оперы Анны Алексеевны Коломийцевой (колоратурное сопрано) с участием артиста Киевского Государственного оперного театра П.С. Сурминского (тенор). «Цена места от 25 к. до 1 р. 65 к.» А 25 июля в рубрике «Театр и музыка» корреспондент «Пролетарского пути» рассказывал: «А.А. Коломийцева и П.С. Сурминский не в первый раз в Ульяновске. Публика уже хорошо знает и ценит артистов. Зрительный зал битком набит. За это лето Ульяновск счастлив хорошими гастролёрами – концерт квартета им. Глазунова, гастролёры МХАТа, приезд Кригер, Гельцер и, наконец, последний концерт – всё это далеко не заурядное явление для нашего бедного музыкальными силами города. Прекрасная колоратура Коломийцевой особенно хорошо была показана артисткой в арии Джильды («Риголетто») и арии Розины («Севиль-

ский цирюльник»). Сурминский очень хорошо передает лирику. Его «Тишина» вызвала бурные аплодисменты. Второе отделение концерта было посвящено более лёгкой, понятной среднему слушателю музыке. Сурминским были исполнены романсы «Но это только сон», «Сладким запахом сирени», «Сожжённое письмо» и др. Концерт закончился выступлением Коломийцевой, блестяще исполнившей арию королевы из оперы «Гугеноты».

Когда уходишь из театра, становится удивительным – как в сущности только двое, правда, талантливых артистов, в продолжении нескольких часов держат большой зрительный зал в напряжённом внимании. Концерт оставляет большое впечатление <...> приезд таких артистов, как Сурминский и Коломийцева, надолго останется в памяти.

25 июля с большим триумфом прошёл прощальный концерт Коломийцевой и Сурминского. Газета анонсировала совершенно новую программу и общедоступные цены. «Исполнение Коломийцевой арии Виолетты («Травиата») и «Колокольчики» («Лакме») поистине изумительное. Артистка доходит до виртуозности <...> Прекрасно прошёл дуэт из оперы «Травиата» <...> Концерт закончился мастерски исполненным Коломийцевой «Соловьём» Алябьева, где колоратура артистки действительно больше напоминала соловья, чем человеческий голос».

Но не только этим запомнились артисты ульяновцам. Галина Дмитриевна Невзорова вспоминала: «Пока ещё были открыты некоторые церкви, они там пели. Это было какое-то волшебное пение. Народ стекался со всего города, всех вместить церковь не могла, и толпы стояли за оградой, а окна все были раскрыты. Отец поддался очарованию прекрасного голоса, он был покорён, как, впрочем, и все мы были восхищены и испытывали огромное удовольствие и даже удивление – ведь до сих пор мы не знали ничего подобного. Однажды мы все были приглашены на оперу Верди «Травиата». Виолетту исполняла А. Коломийцева. Впечатление потрясающее, незабываемое. А. Коломийцева была знакома с нами, приходила к нам. Эта удивительная певица, уже немолодая, не отличалась внешней красотой, но обладала внутренней духовностью, была необыкновенно проста в обращении и, конечно, очень обаятельна и женственна. Мы все преклонялись перед этим большим талантом и незаурядным человеком. Отец долгие годы переписывался с А. Коломийцевой».

Сохранилось несколько таких писем. В них Анна Алексеевна, ровесница Дмитрия Ивановича, как с добрым другом делится с ним своими радостями и горестями. В одном из писем она сообщает о смерти мужа, последовавшей 12 июля 1962 года: «Ещё два месяца тому назад он пел, и голос у него звучал так хорошо...».

Её последнее письмо датировано февралём 1974 года, оно совсем короткое: «Дорогой Дмитрий Иванович! Здравствуйте. Как Ваше здоровье? Я надеюсь, что Вы хорошо себя чувствуете и работаете. Я себя чувствую плохо, думаю, что мы с Вами больше не увидимся. Я думаю, что я умру скоро, поэтому я решила Вам написать, чтоб проститься с Вами. Целую. Прощайте. А. Коломийцева».

Художник-самоучка

Большой интерес представляют письма театрального художника Николая Федоровича Митрофанова Д.И. Архангельскому. Н.Ф. Митрофанов с 1936 года работал в Ульяновском драматическом театре художником-исполнителем. Участник Великой Отечественной войны, демобилизовавшись по ранению, он возвратился на работу в театр уже в 1943 году. С 1949-го по 1959 год работал художником-постановщиком. Оформил самостоятельно более 50 спектаклей. С 1948 года член Союза художников СССР. Из писем следует, что в детстве Николай Федорович и его сестра учились у Д.И. Архангельского живописи: «Спасибо Вам за всё доброе, данное мне в моём радостном детстве. Ваша страстная любовь к искусству тогда крепко вошла в меня. Вы лично своим примером и своим талантом привили мне любовь к живописи; она живёт во мне неугасимо, неистощимо».

По совету Д.И. Архангельского Николай Федорович написал воспоминания о своей жизни. Воспоминания Н.Ф. Митрофанова «О театре», посвящённые своему учителю, помогают восстановить некоторые, весьма любопытные страницы его истории. Автор пишет, что о работе в театре он начал мечтать с 16-летнего возраста под впечатлением от спектаклей, оформленных художником К.П. Цыгвинцевым. Особенный восторг вызывали декорации, изображавшие природу. Недаром в свой бенефис Цыгвинцев избрал для оформления пьесу Е. Чичикова «Лесные тайны». Бенефис состоялся 10 марта 1928 года по случаю 30-летнего юбилея театральной деятельности К.П. Цыг-

винцева. «Это было поистине потрясающее зрелище. Дыхание природы и божественная её красота были настолько сильны, что зрители отблагодарили художника бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Оформление оперетт, выполненные Цыгвинцевым, отличались блеском красоты и изяществом рисунка. Они всегда бывали лёгкими, воздушными, вызывая чувство радости у зрителей» – вспоминает Николай Федорович.

Через 12 лет Митрофанов пишет заявление директору театра с просьбой принять его на должность помощника художника. Принят он был столяром, но с разрешением помогать художнику. «Многим я обязан моему товарищу Саше Козлову, крестьянскому парню, работавшему в это время в театре столяром (он погиб на войне). Он был в хороших отношениях с театральным художником Смирновым, которому и рассказал обо мне: о моей любви к живописи и желании работать в декорационном цехе». Именно Николай Петрович Смирнов позже помог с переводом Митрофанова в декорационную мастерскую.

В то время Н.П. Смирнов работал над оформлением пьесы «Коварство и любовь». Помогая Смирнову расписывать декорации к спектаклю, Николай Федорович находил время смотреть репетиции этой пьесы, с любопытством наблюдая за рождением спектакля: от читки пьесы актёрами до последней репетиции. Он очень подробно описывает весь процесс, свои чувства, переживания. Митрофанов отмечает удачный подбор и безупречную игру артистов.

Первой самостоятельной работой Николая Федоровича была пьеса Н.В. Гоголя «Женитьба». Её оформление было поручено художнику главным режиссёром театра Борисом Ивановичем Борисовым. Митрофанов вспоминает о нём как о пресolidнейшем человеке с густым, мягким, грудным басом, что придавало ему ещё большую внешнюю важность. Он пользовался среди артистов непререкаемым авторитетом, они называли его сердцем театра.

Н.Ф. Митрофанов так рассказывает о своей работе над оформлением спектакля: «Сердце билось от радости: совсем недавно я был столяром, сегодня я делаю оформление на сцену нашего театра. Не верилось, но это было так. Когда декорации изготовили, я приступил к их росписи. Мне приходилось работать ночами, так как день был занят другими работами с художником Смирновым. С какой любовью и трепетом я расписыва-

Н.Ф. Митрофанов на этюдах. Октябрь 1969 года

вал гостиную, где должна была играть свою роль героиня пьесы, простодушная Агафья Тихоновна (артистка Воскресенская). Стены я сделал нежно-голубыми и нанёс на них орнамент в виде переплетающихся чайных роз. Мебель под снежно-белыми чехлами, на окнах тюлевые шторы, по полу дорожки, под столом ковер. Все дышало девической невинностью. <...> Прежде, чем окончательно перейти на должность художника-постановщика, я проработал 15 лет исполнителем, расписывая по эскизам декорации других художников. Это и было моей школой. За это время я расписал более 150 оформлений и за это же время я оформил 6-8 спектаклей. После такого большого пути я стал, наконец, художником-постановщиком, оформив за 10 лет более пятидесяти спектаклей».

Николай Федорович пишет, что в те времена он пережил много хороших минут, но ещё больше мучений и терзаний. Самым трудным для него был спектакль «Стакан воды» Э. Скриба. «Мне, сыну сапожника и столяра, самоучке нелегко было показать французское дворцовое оформление. Чтобы показать три картины, я сделал не менее шестидесяти эскизов».

В ответ на просьбу Д.И. Архангельского Николай Федорович пересылает ему театральные афиши оформленных им спектаклей: «Дорогой Дмитрий Иванович! Я очень доволен тем, что исполнил Вашу просьбу. Сколько раз я хотел сжечь эти афиши, и каждый раз не поднималась рука... Они очень хорошо сохранились. Среди них есть даже одна афиша «Без вины виноватые», где Кручинину играла Елена Николаевна Гоголева. Директор театра для подня-

тия сборов приглашал Гоголеву в Ульяновск в 1951 году на три спектакля. Это был праздник для наших актеров и ульяновских зрителей».

Афиши, которые теперь хранятся в собрании Ульяновского музея-мемориала В.И. Ленина, и составленный Н.Ф. Митрофановым список спектаклей, оформленных им, дают возможность составить представление о репертуаре театра тех лет.

«...Не каждому дано перенести»

В 1938 году в театре появился новый главный художник – Яков Васильевич Глинка. Впервые Митрофанов увидел его во дворе театра, в очереди за керосином, дефицитным в те годы товаром. Внешне он был похож на сектанта из белоризцев: в длинной из сурового полотна рубашке, в соломенном картузе и очках, с палочкой. Но это только внешне. Яков Васильевич был жив и словоохотлив, весел и остроумен, деликатен в обращении и внимателен ко всем. Позднее художники крепко подружились. Потянулись годы совместной работы. Яков Васильевич удивлял всех своей необычайной работоспособностью. Он любил петь во время работы, но вся его песня состояла из одной фразы: «А счастье было так возможно».

По натуре Яков Васильевич был оптимистом, и когда находился за кулисами среди артистов, недостатка в остроумном весёлом разговоре не было. Ничто не приводило его в уныние, а если и были у него в душе грустные мысли, он умел глубоко скрывать свою грусть от людей. Н. Митрофанов пишет: «От меня он не скрывал, кажется, ничего.<...> Как выяснилось из его же рассказов, Яков Васильевич был поме-

Я.В. Глинка

щиком, имел поместье, хозяйство. По словам его жены, только породистых дойных коров они имели до шестидесяти голов. Сам Яков Васильевич занимал пост в Государственной думе, или в секретариате Думы, что подтверждалось снимками из журналов «Нива» и «Искра». <...> Прожить больше половины своей жизни барин, «его высокородием», впитать в себя привычки барской жизни и очутиться пролетарием – это не каждому дано перенести. И всё же Яков Васильевич справился с таким нелёгким превращением».

За 12 лет работы в театре главным художником, а затем художником-постановщиком Я.В. Глинка оформил свыше 70 спектаклей. Среди них: «Гибель эскадры», «Горе от ума», «Ревизор», «Таланты и поклонники», «Ромео и Джульетта», «Собака на сене» и др.

Н. Митрофанов подробно описывает последний день жизни Якова Васильевича. 10 августа 1950 года им дали билеты на общегородское собрание работников искусств, проходившее в здании, где в настоящее время размещается музыкальное училище. Яков Васильевич сел около двери, ведущей на балкон, вскоре вышел туда, видимо, почувствовав себя плохо (у него было большое сердце). Когда Митрофанов последовал за ним, помочь ему уже ничем не смог...

На могилу Якова Васильевича была положена надгробная плита, которую Н.Ф. Митрофанов выполнил с ульяновским скульптором, первым председателем Ульяновской организации Союза художников РСФСР, Григорием Васильевичем Васильевым. Могила Я.В. Глинки с этим надгробием сохранилась на старом городском кладбище в его восточной части, недалеко от церкви.

Судьба Я.В. Глинки заинтересовала автора данной статьи и были предприняты попытки выявить о нём дополнительные сведения. В некрологе, опубликованном 13 августа 1950 года в газете «Ульяновская правда», говорилось о жизненном пути и творчестве покойного. «Свыше 30 лет своей трудовой жизни Я.В. Глинка отдал советскому театру. С первых дней советской власти Яков Васильевич оставляет юридическую службу и с присущей ему неутомимой энергией отдаётся любимому делу. Он руководит постройкой театральных помещений и домов проsvещения на Украине, работает художником в Житомирском театре, совмещая основную должность с работой помощника режиссёра, машиниста сцены, администратора театра. С 1920 года Я.В. Глинка работает ведущим худож-

ником в крупнейших городах Советского Союза – Москве, Ленинграде, Сталинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске, Краснодаре, Алма-Ате, Севастополе, Воронеже. В течение последних двенадцати лет Яков Васильевич Глинка плодотворно работал в Ульяновском областном драматическом театре главным художником, а затем художником-постановщиком».

Лишь намёком в некрологе указывалось на характер дореволюционной деятельности покойного. Большого в то время сказать было просто нельзя. А между тем, в годы гражданской войны на совершенно новое для себя поприще театрального художника в уже весьма зрелом возрасте, почти пятидесяти лет от роду, вступил человек, в недавнем прошлом известный на всех ступенях государственной иерархии Российской империи. За плечами Я.В. Глинки к тому времени было 22 года «юридической службы». И служба эта протекала в высших государственных учреждениях России: сначала в аппарате Государственного совета, а затем, на протяжении 11 лет, – в Государственной думе, где он фактически возглавлял её рабочий аппарат – думскую канцелярию. В 1913 году он получил чин действительного статского советника. В апреле 1917 года Временным правительством Яков Васильевич был назначен сенатором. Октябрьская революция раз и навсегда поставила точку в его служебной карьере. А в разгар Гражданской войны начинается его, как он сам впоследствии говорил, «вторая жизнь», неразрывно связанная с театром.

Забота о своей семье, жене Елене Николаевне и четверых детях, становится главной для Якова Васильевича. Здесь и пригодились ему разнообразные трудовые навыки, приобретённые в благополучном прошлом. Его дальнейшую судьбу определил случай: попав простым землекопом на строительство Житомирского театра, Глинка уже не расстается с миром театра и становится театральным художником.

В штат Ульяновского драматического театра он был зачислен 21 августа 1938 года. Сюда же, в Ульяновск, пришло в 1942 году трагическое известие о том, что его сын, летчик-орденоносец, лейтенант Георгий Глинка «пропал без вести в воздушном бою с немецким фашизмом». В Ульяновске Яков Васильевич работал до 1950 года, до последнего своего дня, когда скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг.

Театральная жизнь «Обыкновенной истории»

К 170-летию романа

Саратовский ТЮЗ им. Ю.П. Киселёва. Сцена из спектакля

170 лет назад, в марте-апреле 1847 года, в журнале «Современник» вышел в свет первый роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Эта публикация принесла автору известность, сразу поставив его в ряд первых русских литераторов. Общее впечатление критики и публики высказал В.Г. Белинский: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор – успех неслыханный! Все мнения слились в её пользу. <...> Действительно, талант замечательный».

Гончаров не только создал произведение, которое стало одним из первых лучших образцов русского классического романа, он поставил в центр изображения историю *обыкновенную*, то есть такую, которая случается со всеми и во все времена. Недаром интерес к роману не ослабевает и сегодня. Одной из самых ярких иллюстраций популярности «Обыкновенной истории» являются её многочисленные театральные постановки на современной сцене.

Справедливости ради нужно отметить: несмотря на наибольшую драматургичность именно первого гончаровского романа, построенного на диалоге, споре между младшим и старшим Адуевыми, более эпические «Обломов» и «Обрыв» появились на сцене прежде него. Театральная жизнь «Обыкновенной истории» началась в середине 1960-х, когда сразу два известнейших

Московский театр «Современник». А. Адуев – О. Табаков, П.И. Адуев – М. Козаков

русских театра – московский «Современник» и Ленинградский академический театр драмы им. А.С. Пушкина (знаменитый Александринский) – представили спектакли по инсценировке одного из ведущих советских драматургов В.С. Розова. Несмотря на то, что существовали и другие инсценировки

романа – В. Васильева (1954), А. Раскина (1955) – только розовская версия нашла своего постановщика. Более того, на её долю выпал большой успех. Сразу вслед за столичными «Обыкновенную историю» в драматургическом переложении В.С. Розова ставят один за другим театры самых разных уголков нашей страны: Казани, Саратова, Волгограда, Калинин, Ижевска, Свердловска, Воронежа, Воркуты, Перми, Челябинска, Красноярска, Иркутска, Владивостока, Ставрополя, Петрозаводска, Грозного, Риги, Минска, Бреста. Активная театральная рецепция романа 1960-х – начала 1970-х годов даже стала предметом отдельных исследований. В диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения М.Б. Тимченко отмечается: «Советский театр проявил к «Обыкновенной истории» Гончарова-Розова повышенный, поистине – небывалый интерес <...> Спектакли, как правило, отличались высоким качеством. Даже в тех случаях, когда трудно говорить об этапном значении той или иной постановки для истории советского театра <...>, в истории коллектива, обратившегося к инсценировке Розова, гончаровский спектакль чаще всего оставлял заметный след, не попадал в ряд «проходных», легко забываемых».

Самой известной постановкой 1960-х годов стал спектакль московского театра «Современник», у которого с В.С. Розовым были особые отношения. В 1956 году с его пьесы «Вечно живые» «начался» театр (снятый по пьесе фильм «Летят журавли» вошёл в Золотой фонд мирового кинематографа). Спустя 10 лет, когда «Современник» впервые решает обратиться к русской классике, В.С. Розов направляет внимание режиссёра на «Обыкновенную историю». Его давно интересовали проблемы, связанные с формированием духовного облика молодого человека, становления молодого сознания в столкновениях с жизненными обстоятельствами. И сценарий был написан «для себя» ещё в 1940-е, военные годы, с ним Розов приехал в Москву поступать в Литературный институт. Позднее в творческой справке о спектакле руководитель «Современника» О. Ефремов напишет: «Автор и театр услышали в романе Гончарова близкую им мысль о порывах молодежи, об идеалах и реальности, о нравственной бескомпромиссности, о необходимости отстаивать идеалы, бороться за них. Это произведение давало возможность в сложных жизненных коллизиях говорить о тяжёлой цене компромисса, о настоя-

щем трезвом, мужественном взгляде на жизнь и пагубности так называемого «здорового смысла», который неминуемо ведёт к умерщвлению души». В спектакле сошлось всё: талантливая режиссура Г.Б. Волчек, прекрасный актёрский состав. Историю преображения молодого романтика, приехавшего покорять столицу, открытого, честно – в человека холодного и расчётливого сыграл 30-летний Олег Табаков. Его практичного дядюшку – Михаил Козаков, почти ровесник. Менее известен сегодня, но также талантлив был и второй состав, где главные роли исполняли Андрей Мягков (Александр Адуев), Сергей Некрасов и чуть позже Валентин Гафт (Пётр Иванович Адуев). Интересно и современно была решена и сценография постановки: посредине сцены небольшой вращающийся круг, разделённый на комнаты несколькими перегородками, по бокам лестницы, на антресолях – чиновники, словно «молчаливый хор», ритмично, слаженно и неустанно штампуемые бумаги. Всё это работало на образ государственной машины, которая ломает, «штампует» человека.

Спектакль «Современника» был отмечен на самом высоком уровне: в 1967 году режиссёр Г.Б. Волчек, исполнители главных ролей О.П. Табаков и М.М. Козаков, а также, вопреки правилам, автор инсценировки В.С. Розов (обычно премию давали только за оригинальную пьесу) стали лауреатами Государственной премии СССР. А в 1970 году спектакль был экранизирован центральным телевидением.

Московский театр-студия п/р О. Табакова. А. Адуев – Е. Миронов, П.И. Адуев – О. Табаков

Интересно, что в жизни О. Табакова отношения с «Обыкновенной историей» имели продолжение. В 1990 году он поставил инсценировку В.С. Розова в собственном театре, и в течение 17 лет спектакль не выходил из репертуара «Табакерки». Прошли годы, сменились поколения, и в новой постановке

Олег Павлович играл уже не романтика Адуева, а его дядюшку. Свою же роль он передал молодым талантливым актёрам Игорю Нефёдову, а затем Евгению Миронову и Егору Бероеву. Наблюдая за игрой О.П. Табакова, театровед Т. Тихоновец отмечала: «В сегодняшнем спектакле Петр Иванович Адуев в его исполнении как будто вспоминает себя, молодого. А Табаков, глядя на Е. Миронова, – себя в этой роли. Артист играет всю свою сложную и давнюю историю отношений с этим спектаклем. Он (а не только его герой) грустит о своей юности, усмехается своему прошлому романтизму, он избавляется от иллюзий, он вообще мягче и добрее всех предыдущих дядюшек».

Кстати сказать, таких «мостиков» из прошлого в настоящее, от одного спектакля к другому, в театральной истории первого гончаровского романа немало. Дважды «Обыкновенную историю» ставили на сцене Свердловского драматического театра (в 1968 и 2011 годах), Саратовского ТЮЗа (в 1966 и 2016 годах). В 2012 году новую версию романа представили в Минске, на этот раз на сцене Белорусского государственного молодёжного театра. В Белгородском государственном академическом драматическом театре им. М.С. Щепкина с 2004 года «Обыкновенная история» с успехом шла на большой сцене, в 2011 году был поставлен новый спектакль-урок для школьников – на малой.

В 1987 году впервые к инсценировке В.С. Розова обратился Ульяновский драматический театр. Специально приглашенный из Тулы режиссёр Александр Попов подобрал на роли героев восходящих звёзд ульяновской сцены: Валерия Шеймана (Петр Иванович Адуев), Зою Самсонову и Аллу Троицкую (Елизавета Александровна), Андрея Троицкого (Александр Адуев). В 2010 году А. Попов поставил розовскую инсценировку уже в родном Тульском академическом драматическом театре. А на ульяновской сцене в 2008 году вновь играли «Обыкновенную историю». На этот раз художественным руководителем постановки стал народный артист России Л. Хейфец, режиссёром – его ученик Д. Кожевников. Спектакль был отмечен и критикой, и публикой. К сожалению, его история оказалась недолгой: в 2009-м уехал в Москву молодой талантливый актёр Денис Ярыгин, сыгравший Александра, в 2015-м не стало мастера ульяновской сцены Сергея Кондратенко (Петр Иванович Адуев).

Ульяновский драматический театр им. И.А. Гончарова. П.И. Адуев – С. Кондратенко, Елизавета Александровна – Д. Долматова. 2008. Фото К. Иванова

Ставшая событием в духовной жизни шестидесятников, «Обыкновенная история» не была забыта театрами: новые постановки романа неизменно появлялись все последующие годы. Свежо и современно идеи классика звучат и в XXI веке. Только за последнее десятилетие можно назвать не менее 15 постановок. Конечно, нельзя отрицать влияния большой юбилейной даты – 200-летия И.А. Гончарова, которое мы широко отмечали. В 2013 году исполнилось 100 лет со дня рождения драматурга В.С. Розова, спектаклем «Обыкновенная история» юбилей знаменитого уроженца города отметил Ярославский ТЮЗ. Притом что по-прежнему инс-

ценировка В.С. Розова остаётся самой репертуарной, в последние годы театры предлагают свои прочтения романа, в основе которых лежат новые оригинальные сценические версии.

В 2009-м «Обыкновенную историю» поставил Липецкий государственный академический театр драмы им. Л.Н. Толстого. Художественным руководителем проекта так же, как в ульяновской постановке 2008 года, выступил народный артист России Л. Хейфец. Однако на этот раз его ученики режиссёр-постановщик С. Бобровский и автор сценария М. Смоляницкий (известный больше как режиссёр и сценарист на телевидении) представили публике совершенно иной спектакль. Масштаб действия – эпический. В спектакле около 40 действующих лиц, занята практически вся труппа театра. Длительность постановки – почти 4 часа. При этом стремительный ритм представления, где картины не сменяют одна другую, а действие происходит сразу в нескольких плоскостях, выплёскивается за сцену, не даёт скучать

Липецкий государственный академический театр драмы им. Л.Н. Толстого. А. Адуев – Е. Азманов, юродивый Пётр – А. Скачков.

ни минуты. Спектакль зрелищный, напряжённый, полный ярких творческих решений. Авторы постановки сумели «раздвинуть» пространство и время. Здесь, кроме главной, развивается множество других романтических и дополнительных сюжетных линий. Некоторые близки к фантастике. Так, рядом с Александром живёт странное, фантастическое существо с изломанной пластикой, в котором можно увидеть, например, зримое воплощение излома большой души героя или живой укор его поступкам. По словам С. Бобровского, этот выдуманный персонаж – «своего рода дух Петербурга, его совесть <...>, мистический образ, но он делает действие более выпуклым». Неожиданно и органично, к удивлению публики, историю Александра Адуева вплета-

ются реминисценции из «Обломова» Гончарова и других авторов. Определяя замысел своей постановки, режиссёр спектакля отмечает: «В условном пространстве дореволюционного Петербурга можно усмотреть универсальную общечеловеческую цивилизацию. Внимательный зритель найдёт там отголоски древнего Египта, Вавилона, Византийскую империю. Так получилось не случайно: речь в спектакле на самом деле идёт о развитии земной цивилизации в целом и о том, что сей путь, в общем-то, тупиковый. В этом процессе теряется душа».

«Гоголь-центр». А. Адуев – Ф. Авдеев, П.И. Адуев – А. Агранович. Фото Alex Yocis

Своего рода современную мистерию о расчеловечивающей силе города, символизирующего дьявольское начало, поставил на сцене московского «Гоголь-центра» Кирилл Серебренников (преьера состоялась в марте 2015 года). Неординарные, порой эпатажные постановки этого авангардного театра всегда вызывают неоднозначную реакцию. И на этот раз сценарий К. Серебренников написал скорее по сюжетным мотивам романа И.А. Гончарова. Действие происходит в XXI веке. Место действия – современная Москва. Осовременен и язык произведения. Самодеятельный рок-музыкант Саша Адуев (Филипп Авдеев) приезжает покорять столицу. Его дядюшка – удачливый бизнесмен, торгует светом, тем искусственным светом, что ослепляет провинциалов на московских улицах. Правда, слово «свет» рядом с Петром Адуевым приобретает в спектакле и иное значение. Дядюшка в талантливом исполнении Алексея Аграновича даже внешне (весь в чёрном, прихрамывает) скорее похож на тёмную силу, что по ту сторону света – на дьявола. Он проводит племянника по всем кругам ада, и Саша не выдерживает, в трактовке К. Серебренникова продаёт душу дьяволу, постепенно теряя как внутренне, так и внешне, всё человеческое. Он обставляет и дядюшку, который его «вы-

Под сенью муз

растил»: в финале Сашу назначают министром в министерство света. В одном из интервью А. Агранович определил спектакль как реквием по исчезающему человеческому виду, по цивилизации, где каждое последующее поколение приводит себе на смену ещё худшее. Автор сценографии постановки выступил сам К. Серебренников. Главный цвет (декораций, реквизита, костюмов) – чёрный, в этом мраке искусственным красным светом горят лишь две буквы «М», обозначающие московское метро, и три огромных светящихся белых портала в виде буквы «О», которые герои катают по сцене. Ассоциации рождаются самые разные. Три знаменитых романа И.А. Гончарова, три спектакля на «О» К. Серебренникова – «Около нуля», «Отморозки», «Обыкновенная история» – все истории о молодых людях в современной России. «О» – нуль, символ больших денег. Нулём в финале становится Саша Адуев. «О» – это чёрная дыра, злая сила, поглощающая всё человеческое.

Московский театр «Сфера». А. Адуев – Д. Береснев

В тот же театральный сезон 2014/15 года в столице состоялась ещё одна премьера «Обыкновенной истории». Московский театр «Сфера» под руководством народного артиста России А. Коршунова продолжает традиции старой школы, русского психологического театра. Здесь крайне бережно относятся к авторскому тексту. Необычное сценическое пространство – крохотная вращающаяся игровая площадка, вокруг которой непосредственно близко сидят зрители – требует от актёров полной отдачи, искренней, достоверной, глубокой и тонкой игры с тем, чтобы убедить, дойти до сердца. Интересно отметить, что исполнитель главной роли в спектакле – Александра Адуева – Денис Береснев жил и начал учиться театральному мастерству в Ульяновске, в театральной студии Г.Н. Родионова. Спектакль «Сферы» стал лауреатом премии «Звезда театрал-2015», был отмечен на III Все-

российском фестивале «Волжские театральные сезоны» (в том числе диплом лауреата получил Д. Береснев). Дипломом «За верность и служение традициям русской классической драматургии» отметили постановку А. Коршунова в Ульяновске в декабре 2016 года на III Международном театральном фестивале «История государства российского. Отечество и судьбы».

Безусловно, в рамках журнальной статьи рассказать обо всех постановках романа невозможно. В завершение отмечу спектакль Санкт-Петербургского театра «Русская антреприза им. А. Миронова», также 2015 года. Когда-то художественный руководитель театра Рудольф Фурманов сам играл Александра Адуева на эстраде, в концертных программах народных артистов М. Козакова, В. Медведева (исполнителей роли П.И. Адуева в «Современнике» и Ленинградском академическом театре). Несколько лет назад его сын, режиссёр театра и кино Влад Фурман, поставил в «Антрепризе» «Обломова» один из самых успешных спектаклей в истории театра. И вот новое обращение к Гончарову. Следуя традициям театра, известного бережным и одновременно небанальным подходом в работе с классикой, актёр и режиссёр, заслуженный артист России Е. Баранов поставил умный и трогательный спектакль, глубокий в обрисовке психологических портретов персонажей и полный современных ассоциаций. В главных ролях – народный артист России В. Дегтярь (П.И. Адуев), заслуженная артистка России М. Солопченко (Елизавета Александровна), молодые талантливые артисты А. Аладин (А. Адуев), Ю. Скороход (Наденька). Действие происходит на крошечной сцене, где о Петербурге напоминают лишь тощие деревья, торчащие из местных болот, и видеопроекции дождя. А в центре – две подвижные ступенчатые конструкции, на вершине которых оказываются то старший Адуев, то младший. «Перед нами разворачивается драма двух чувствительных людей, один из которых до поры ничем не защищен от сердечных ударов, а другой воображает, будто защищен могучей стеной своей рассудительности и умения жить <...>. Чувствительный элемент в человеке – называемый сердцем – неизменен <...>. И Сашенька Адуев вовсе не превратился из дивного юноши в мерзкого дельца. Он стал таким же несчастным жалким беглецом от жизни, как и его дядюшка» [Т. Москвина, «Аргументы недели»]. Примечательно, что свою

Санкт-петербургский театр «Русская антреприза им. А. Миронова». П.И. Адуев – В. Дегтярь, А. Адуев – А. Аладин, Елизавета Александровна – М. Солопченко. Фото И. Тимофеевой

версию «Обыкновенной истории» в театре назвали «Страсти по Александру», обозначив тем самым и силу чувств и стремлений главного героя и возвысив его на пути испытаний, мук, страданий, отсылая к известной евангельской истории о Страстном пути Иисуса Христа.

Как настоящая классика роман И.А. Гончарова пережил своё время и уже более полувек остаётся любимым театрами. При этом каждый театр предлагает новое прочтение, по-разному определяя даже жанр постановки: трагедия, драма, трагикомедия, грустная или лирическая комедия, мелодрама, мистерия, страсти. Уверена, точку ставить рано: «Обыкновенная история» на театральной сцене будет иметь продолжение и не раз ещё удивит и зрителя, и читателя своей непреходящей современностью.

Елена Клевогина,
заведующая отделом
научно-экспозиционной работы
ИМЦМ И.А. Гончарова

В качестве иллюстраций представлены материалы из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова, а также переданные в дар музею театрами страны специально к 170-летию романа «Обыкновенная история».

В поисках сокровенного разговора

Диалог с Алексеем Храбсковым

О театре как способе соединения с миром, о чуде возникновения на сцене «новой жизни из ничего» – от актера драматического театра им. И.А. Гончарова, кандидата педагогических наук, доцента кафедры актёрского искусства УлГУ, руководителя «Молодёжного театра» Алексея Храбскова.

– Алексей, задам банальный, но важный вопрос: как вы попали в театр?

– В юности у меня было очень много увлечений, я хватался за всё. Меня постоянно упрекали родители: «Ты быстро остываешь, ничем не можешь заниматься всерьёз». Я боялся, что увлечение театром тоже недолговечно. Пошёл в строительный техникум, выполняя требования родителей. Это были 90-е годы, они очень боялись, считали, что мои мечты о театре – блажь. Тем, что они сопротивлялись, закалили мою силу воли. Потом родители сказали – «делай, что хочешь». Ну я и сделал. За годы армии взвесил все за и против. Если бы в Ульяновске не открылся вуз, я, может быть, не рискнул бы поступать. На тот момент не было сил, достаточной уверенности в себе. Думал, это останется моим хобби. Но, поступив в университет, укрепился в своём выборе благодаря моим учителям Михаилу Варгановичу Скандарову, Борису Владимировичу Александрову. И до сих пор получаю от театра удовольствие, он захватывает все моё существо.

Бывают роли – сплошной труд. Репетировать их скорее «нужно», чем «хочется» или «нравится». А есть роли, в

которых рождаются моменты удовольствия от переживания на сцене некой совершенно новой жизни, которая невозможна больше нигде. Возникновение из ничего реальности, которой не было раньше. Это единственное искусство, творящееся прямо на глазах у зрителя. Кино уже заснято и будет одинаково повторяться. А театральное действие реально только здесь и сейчас. Когда опускается занавес, волшебство рассеивается, и той реальности уже не существует. Чудо! Наверное, это и есть самое сложное – каждый раз проживать всё по-настоящему заново. Театр живой, если, несмотря на постоянные повторы, на спектакле всё свежо, как в первый раз. Свежесть сохранять тяжело, и нет страшнее «мёртвого» театра, в котором ничего не происходит, и мы всегда знаем, как актер повторит эту интонацию. Не все могут по-настоящему жить на сцене. За теми, кто способен на это, безумно интересно наблюдать. Отсюда – возможность в роли выйти за пределы себя. Реализоваться так, как в жизни никогда не получится. Раскрыть собственный глубинный потенциал.

– Я правильно поняла: на сцене раздвигаются рамки вашей личности, границы обыденного восприятия вас людьми?

– Владимир Леви писал: «Человек равен бесконечности». Действительно, в нас есть всё. Я был в восторге, когда открыл это для себя. Много лет назад я репетировал роль стражника в «Антигоне» Ж. Ануя, характер которого мне совершенно не свойственен. Во мне

открывались такие вещи во время репетиции! Это шло откуда-то изнутри. Например, страшная алчность, которая вообще мне не свойственна. Никогда у меня не было страсти к деньгам до тряски в руках. А там, увидев золотое кольцо, – и это нужно было по роли – я затрясся всем существом. Во время репетиции были созданы такие условия, что во мне это пробудилось. Я с ужасом подумал: во мне это есть! Или, например, роль Родиона Раскольникова, которая досталась мне в качестве учебного материала и стала любимой. Через эту работу я столько для себя открыл!

Да, театр – это площадка познания себя и мира.

– Что ещё вас вдохновляет на новые роли?

– Почему человеку хочется делиться чем-то? Он стремится преодолеть одиночество, хочет соединиться с другим человеком. Может быть, это возможно через сокровенный разговор. Не во всех ролях это получается. Но третьим планом, подтекстом такой разговор может состояться даже в рамках самой примитивной развлекательной комедии. И если мне очень хочется этого исповедания, я стараюсь передать его. Я делюсь, и чувствую соединение с миром.

Есть один проект, который я сделал самостоятельно, намеренно ни с кем не советуясь – так, как хочу. У меня мало постановочного опыта, обычно спрашивал совета, а тут подумал: нет, моя история. Это спектакль «Маленький человек с большим сердцем» по циклу стихов «Про маленького человека» Сергея Гогина. Я понял, что хочу говорить именно об этом. Спектакль идёт уже два с половиной года, на него есть отклики. Один из зрителей, мужчина, расплакался. Я подумал тогда: «Ничего себе! Мы попали в сердце». Другой зритель (потом он стал моим другом) прочёл всё, что я вкладывал в спектакль сокровенного. Он увидел то, что я сформулировал для себя в самой глубине души. Мы нашлись как люди. Конечно, есть и те, кто не совсем услышал меня или интерпретировал иначе. Не хочу ничего проповедовать, мне важно, чтобы с человеком произошло что-то, и мы нашлись.

– Удаётся ли вам в жизни «выходить за пределы себя», взаимодействуя с людьми?

– Вся моя обыденная жизнь состоит из ежедневного труда. Я имею возможность общаться с друзьями и родственниками, может быть, раз пять в год. Если не занят в репетиции, бегу в «Молодёжный театр» или на занятия со студентами. Много общаюсь по делу, и моментов для сокровенного разговора почти не остается. Иногда он возникает с учениками. С коллегами это почти невозможно. Зачастую коллеги – соперники, наши отношения не строятся на том, что мы открываем друг другу сердца. Может быть, будь больше сердечного в моей жизни, и не так уж и нужна была бы мне сцена.

Любое дело, даже если я буду печь хлеб, в данном контексте может стать тем же самым, что и театр: проводником сокровенного разговора. Однажды я разговаривал со священником, и он спросил меня: «Театр – это для вас что?» Я и рассказал ему о попытке сокровенного разговора со зрителем. Он ответил: «Это хорошо, потому что любая деятельность во славу Божию, то есть ради любви, освещена». Получается, театральная деятельность может стать тем, от чего в мире будет больше

любви. Было бы страшно обнаружить, что на самом деле в основе моей деятельности тщеславие и гордость. Надеюсь, что это не так.

– Алексей, как вы считаете, какие роли более всего дали раскрыться вашему личностному потенциалу?

– Есть роли, созданные великими драматургами, знатоками человеческих душ – их очень интересно играть. Но есть и роли-схемы, роли-вампиров. Их приходится насыщать жизнью, которой там даже не предполагалось. Я уже семнадцать лет профессионально играю на сцене. Многие роли не совсем мои, и приходится прикладывать усилия, чтобы полюбить их. Самые дорогие для меня говорят о том, что происходит в моей душе. То есть эти герои мне понятны. Посчастливилось играть в пьесе Григория Горина «Прощай, конферансье!» Спектакль основан на реальных событиях: была такая бригада, поддерживавшая дух наших бойцов. Однажды артисты попали в плен, и один из них взорвал себя во время концерта, зрителями которого были фашисты. Спектакль был приурочен к 9 мая и, к сожалению, шёл всего пять раз.

Если говорить о любимых ролях... После смерти Сергея Анатольевича Кондратенко я один раз сыграл в спектакле «Месяц в деревне». Играл там Большинцова, маленького человека, который влюблен и очень боится отказа. Эта роль для меня самая дорогая за последнее время, её безумно интересно играть.

– Ульяновцы уже знают вас как режиссёра...

– Я начал заниматься режиссурой по необходимости, нужно было ставить дипломные спектакли на кафедре. У меня нет профессионального образования, пока мало опыта, но есть организаторская жилка. Опираюсь на свой вкус и те представления, которые получил в актёрской работе. В режиссуре дышит мысль, гражданская позиция. Есть темы, о которых хочется говорить с помощью режиссуры. Но... Ставил бы я спектакли, будь полностью удовлетворён как актёр? У меня просто не было бы времени, я полностью отдавался бы большим и серьёзным работам. Но их почти нет. Есть неудовлетворённость и большое желание говорить.

– Вы уже говорили в одном интервью, что пошли преподавать, чтобы сохранить «рай, в котором спектакли не ставились, а рождались». Сложно было осваивать научную и педагогическую деятельность?

– Это тоже было объективной необходимостью, требовалось повышать квалификацию, чтобы быть педагогом. Мне сказали: ты дальше не двинешься, выплнет система. Но и тут Бог меня не оставил. Я повстречал научного руководителя, доктора педагогических наук Ирину Викторовну Юстус, которая перевернула моё сознание. Она предложила очень интересную тему, на стыке искусства и науки: я исследовал ритуалы в системе образования России, и то, как они применялись в XX веке.

Большое моё первое открытие – собственное феноменальное невежество. И я так ему обрадовался! Вдруг понял, что у меня столько всего впереди непознанного. Организовать процесс мышления, освоить определённые методы познания – всё это было для меня ново. Но наука – совершенно иная деятельность, и совмещать её с театром оказалось практически невозможно.

Под сенью муз

– Открываете ли вы что-то новое для себя через преподавание?

– Каждый новый курс – новые личности. Они иногда выдают в творчестве такие вещи, до которых я сам бы никогда не додумался. Это и держит меня в университете. Я передаю свой опыт, и некоторые меня слышат. В профессии хочу дойти до самой сути и передать её. Ощущаю себя таким лёгким и радостным от общения с молодёжью.

– В одном из интервью вы говорили, что хотели бы сделать «Молодёжный театр» современным, отражающим то, что важно и актуально для молодых людей. Что вы делаете для того, чтобы понять, что сейчас нужно молодёжи?

наши тоже чувствуют себя потерянными. Почему? Видят, что в мире много вранья, видят, что люди очень тонко манипулируют другими людьми ради своей выгоды. Иногда спрашиваю: «Почему у вас так крылья подрезаны? Почему не такие безбашенные, не такие самодовольные?» Много прагматичности, рассудочности. Отказ от иллюзии, что все тебя ждут в этом мире, заставляет ребят засучить рукава и действовать самостоятельно.

– Вы стали победителем выставочного конкурса «Симбирская книга-2015» в номинации «Имя края» с книгой «Борис Александров». Удалось ли по-новому взглянуть на личность Бориса Владимировича в процессе изучения материала для книги?

– Книга составлена из публикаций периодической печати и интервью на радио, телевидении, из отзывов и рецензий на его спектакли. 150 статей 50-ти авторов за все годы его творчества. Я очень трепетно относился к каждому его слову. Постарался всё это суммировать, подытожить и для себя самого сформулировать его образ. Да, я написал предисловие к этому сборнику, но самое ценное – его прямая речь. Хотелось не делать выводы, а дать непредвзятую информацию, объективные материалы, в которых говорит он сам, передавая своё отношение к жизни, к театру и к миру. Это, скорее, открытие Бориса Владимировича не для себя, а для других. Мне очень хотелось, чтобы он остался в этом мире. Книга была передана библиотекам, и она дойдёт до наших потомков, для меня это самое важное. Я был уверен, что тираж в 1000 экземпляров очень быстро разойдётся, ведь многим людям Борис Владимирович дорог.

Человеческая память короткая – вот моё главное открытие. Интерес к этой книге возник, может быть, у двухсот человек, хотя в последний путь его провожали тысячи. Я с ужасом обнаружил, что молодые люди, которые пришли учиться на актёров после его смерти, о нём даже не слышали. Если о Борисе Владимировиче так быстро забывают, то что уж говорить про нас...

Записала Елена Плотникова

Фото Марии Чурбановой, Сергея Голина, Павла Шалагина из архива А. Храбскова

10 книг, которые стоит прочесть по мнению Алексея Храбскова, обладателя премии журнала «Мономах»

- *Евангелие;* М. Булгаков
- *«Мастер и Маргарита»;* Г. Маркес
- *«Сто лет одиночества»;* Дж. Сэлинджер
- *Повести и рассказы;* И. Гончаров
- *«Обломов»;* В. Леви
- *«Искусство быть другим»;* Р. Брэдбери
- *«Вино из одуванчиков»;* Н. Гоголь
- *«Старосветские помещики»;* Э. Хемингуэй
- *«Старик и море»;* А. Сент-Экзюпери
- *«Маленький принц».*

В середине XX века в Ульяновске через дорогу от школы № 1, бывшей Симбирской классической гимназии, ещё стояли стены Спасского женского монастыря, в котором уже давно не было монахинь. Название улицы – Советская – совсем не вязалось с обликом обители, в которой тогда теснился рабочий люд. И вот в 1968-м году за ветхими стенами культового сооружения закипела стройка.

Дворец культуры на улице Дворцовой отпраздновал 45-летие

На средства профсоюзов началось возведение Дворца культуры для рабочих. Силами международного состава оно продолжалось четыре года, и 5 января 1972 года было закончено. Наименования улиц, на пересечении которых находится Дворец культуры, как и его собственные названия за 45 лет не менялись. Теперь он оказался одной своей стороной на улице Спасской, а главным фасадом – на улице Дворцовой.

«Межсоюзный ДК профсоюзов» – так звучало имя Дворца до 1988 года, затем на его базе создали Центр культуры и досуга трудящихся, который, впрочем, в 1991-м снова вернул прежнее название.

За кулисами

Выступает Русский народный хор

В 1992 году это учреждение стало называться Концертно-досуговым центром молодёжи (КДЦМ) и Областным Домом народного творчества и искусства. Только-только ульяновцы стали привыкать к названию КДЦМ, как в 2006-м прошла ещё одна реорганизация – на сей раз в ОГУК «Центр народного творчества и искусства» (ЦНТИ). Череда сменяющихся аббревиатур всё это время сбивала горожан с толку. Читая

анонсы концертов в газетах, они никак не могли понять, где же пройдёт мероприятие – где это КДЦМ или никому не ведомый ЦНТИ? И лишь услышав привычное – да это Дворец профсоюзов, облегчённо вздохнули... В 2009-м было образовано ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области» (ЦНК), в который входит бывший Дворец культуры профсоюзов, с 2010-го года ставший «Губернаторским».

Под сенью муз

Б.Ф. Яворский

Первым директором нового культурного учреждения стал Борис Фёдорович Яворский. При нём в его стенах нашли свой дом множество творческих коллективов. До этого заниматься самодеятельным артистам было негде. После своей основной работы они ждали, когда освободятся залы ДК «Строитель» или ДК УАЗ, и чуть ли не по ночам репетировали свои программы. Лишь после сдачи в эксплуатацию здания ДК профсоюзов коллектив обрёл

Идёт юбилейный концерт «Всеми своё время!»

родной культуры Ульяновской области. – Каждый пригласительный сделали в виде обёртки к настоящей шоколадке. Для взрослых это был горький шоколад с перцем, для детей – молочный. Праздновали целых три дня. 24 марта 2017 года глава Ульяновской области С.И. Морозов вручил работникам культуры главную ведомственную премию «Браво, маэстро!». Потом был концерт с участием наших коллективов и шоу-концерт заслуженной артистки России

и филиалов ЦНК), одновременно выехали из Ульяновска в районы области. Каждая бригада в тот день дала по два выступления. Участники агитпоезда – 500 человек – выступили для 10 000 зрителей. Они не только поздравили всех работников культуры муниципальных образований, но и рассказали о юбилее ДК «Губернаторский».

Художественный руководитель Центра народной культуры Ульяновской области Наталья Валерьевна Бекешко работает во Дворце культуры с конца 1970-х: «Для меня Дворец – это праздник, который не прекращается. Мы всё время что-то придумываем, репетируем. И такая у нас работа – круговорот праздников. Эта идея стала центральной в праздничном концерте «Всеми своё время!» на 45-летний юбилей Дворца».

Свои лучшие номера показали народные коллективы – вокальная студия «Соло», ансамбль бального танца «Каскад», ансамбли танца «Симбирские узоры», «Счастливое детство», «XXI Век», ансамбль фольклорной песни «Ладанка», ансамбль русской песни «Завалинка»; государственный ансамбль песни и танца «Волга», областной казачий хор и другие. После феерического концерта чествовали ветеранов – невероятно талантливых, одержавших множество творческих побед.

К 50-летию Дворца культуры «Губернаторский» его администрация надеется осуществить красивую мечту – организовать музей или хотя бы музейный уголок, где была бы собрана его славная история в фотографиях, документах и воспоминаниях.

Вероника Михайлова

Фото предоставлено пресс-службой ЦНК

Народный коллектив фольклорный ансамбль «Ладанка»

свою базу для занятий. Стараниями Б.Ф. Яворского через полгода в ДК профсоюзов занималось уже 29 коллективов. Почти половина из них существует до сих пор. Заслуженный работник культуры РФ Борис Фёдорович Яворский сумел собрать под крылом Дворца драматическую студию, музыкальный театр, эстрадный оркестр, кружки и хоры.

«Свой 45-летний юбилей мы отметили с особым размахом, – рассказала нам Елена Лаковская, директор Центра на-

Наташи Королёвой. 25 марта мы впервые за всю историю Дворца поздравили наших маленьких артистов, для них выступили их ровесники из проекта 1-го канала «Голос. Дети». 26 марта произошло уникальное событие: в один день состоялись концерты в 24 муниципальных образованиях города Ульяновска! Для того, чтобы осуществить эту идею, мы организовали большой «звёздный десант» – 12 концертных бригад (коллективы «Губернаторского»

Неповторимый облик времени

«Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей Родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб».

Н.А. Бердяев

В 2007 году в фонд Ульяновского областного художественного музея поступил 381 рисунок художника-любителя, симбирского дворянина, участника Первой мировой войны, героя Гражданской войны А.Н. Валиевского.

Александр Николаевич Валиевский родился в Симбирске в 1896 году. Выпускник кадетского корпуса, вышедший из семьи, где все с честью несли военную службу, Валиевский не представлял для себя иной судьбы. В 1915 году, после окончания Симбирского кадетского корпуса и краткосрочных курсов в Александровском военном училище, он был направлен в действующую армию. Прапорщик, а в 1916 году уже

подпоручик 335-го пехотного Анапского полка А.Н. Валиевский сражался на Юго-Западном фронте. 21 августа 1916 года в местечке при деревне Кабаровке на территории Австро-Венгрии он получил сквозное ранение шеи и после лечения в госпитале и отпуска по ранению в Симбирске вновь вернулся на поля сражений.

В 1918 году Александр стал участником Гражданской войны. События этой войны – одна из самых трагических страниц истории России. Страна

Подпоручик Александр Валиевский. Май 1916

Под сенью муз

раскололась на два непримиримых лагеря. Линия раскола проходила между вчерашними одноклассниками, между членами одной семьи. У Александра Валиевского эта линия прошла через его судьбу.

В январе 1918 года Валиевский оказался в Симбирске, где уже была установлена советская власть. 22 июля войска Народной армии Комуча под командованием О.В. Каппеля заняли город. Валиевский добровольно вступил в 1-й Симбирский инструкторский офицерский батальон полковника Каппеля. 12 сентября вместе с войсками Каппеля Александр и его брат Георгий ушли из Симбирска.

В 1919 году Волжский корпус генерала Каппеля стал частью армии Колчака. В декабре 1919 года, когда 13-я Сибирская колчаковская дивизия с боем отступала от Новосибирска, при попытке наладить нарушенную связь с казачьей сотней штабс-капитан Валиевский вместе со своим отделением был взят в плен сторожевой заставой «красных». В течение шести месяцев Валиевский находился в томском лагере военнопленных. После освобождения он был мобилизован в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии.

17 марта 1921 года командир роты 235-го Невельского полка Александр Валиевский участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. В своем последнем сражении он получил огнестрельное ранение предплечья, был найден замерзающим на кронштадтском льду и 8 месяцев провел в кронштадтском госпитале. Левая рука была ампутирована, в заключении медицинской комиссии при освидетельствовании состояния здоровья значилось: «Носить оружие на может, следовать без сопровождения по железной дороге не может». Приказом РВСР № 65 1922 года за героизм, проявленный в боях при взятии мятежного города Кронштадта, Валиевский был награжден орденом Красного Знамени.

Война для Александра Валиевского была закончена. Начался совершенно новый, мирный период его жизни. Валиевский вернулся в Симбирск. Он поменял род занятий, работал воспитателем в детском доме, учился в Симбирском практическом институте народного образования, после его расформирования продолжил учёбу в Казани. В 1926 году Валиевский закончил полный курс словесно-исторического отделения Восточного Казанского педагогического института. Он преподавал в различных учебных заведениях Симбирска, работал секретарём в артели инвалидов,

участвовал в культпоходах, занимался ликвидацией неграмотности. Валиевский часто менял место работы, по воспоминаниям родственников, он вёл замкнутый образ жизни.

Рисунки А.Н. Валиевского, хранящиеся в музее, созданы в мирный период его жизни (1921–1937), уже после ранения и ампутации руки. Есть только одно исключение – рисунок, на котором проставлена дата «1 мая 1920 года» Это, вероятно, выполненная с натуры зарисовка могилы Николая Александровича Бестужева, декабриста, входившего в Северное тайное общество, участника восстания на Сенатской площади. Приговорённый к пожизненной каторге, свои последние годы Бестужев провёл на поселении в Селенгинске Иркутской губернии. Именно в этих местах оказался Александр Валиевский во время Гражданской войны. И то, что этот маленький рисунок прошёл такой длинный путь из Забайкалья через Кронштадт в Симбирск, не потерялся в тяжёлое время гражданской войны, говорит об особом желании его сохранить, об интересе и уважении, которые Валиевский испытывал к судьбе этого человека.

Практически все рисунки датированы, сделаны на неровно оторванных листах, порой на клочках бумаги, на старых квитанциях, на обрывках писем и документов, иногда на страницах старых тетрадей и книг. На оборотной стороне можно прочитать слова популярной в то время песни, список экзакменационных билетов или циркулярное письмо, посланное в действующую армию в феврале 1917 года, о необходимости смазывать оружие ружейным

«Чехарда». 1925

салом «для предохранения его от действия хлором во время газовых атак».

Рисунки Александра Валиевского созданы непрофессиональным художником. Но это работы человека одарённого, не только умеющего рисовать, но и получившего необходимые художественные навыки. Эти наброски создаются для себя – и в то же время достаточно тщательно хранятся. Их можно сравнить с записями в личном дневнике, среди которых есть размышления о событиях, связанных с семейной историей, воспоминания о прошлом, отражение настоящего. Сегодня для нас они обладают в большей степени исторической, а не художественной ценностью, позволяя реконструировать облик эпохи и образ мысли человека, личная судьба которого стала отражением того сложного времени.

Рисунки Валиевского – его размышления о себе и своих предках. В фондах музея находится «Герольдия Царства Польского» 1857 года, свидетельствующая о том, что «Ян Юзеф сын Николая Александра Валиевский герба Колюмна признан дворянином Царства Польского и <...> по предъявленным им документам предки его пользовались

«В ожидании поезда». 1921

«Допрос китайского шпиона». 1924

таким достоинством с 1716 года». Множество раз обращался Александр Валевский, его внук, к изображению польских уланов XIX века, поляков в военной форме начала XX века; изображал события одного из многочисленных польских восстаний XIX века, после подавления которых поляки подверглись ссылке, лишению имущества. Семья Валевских, во всяком случае, та часть её, которая осталась в России, как значится в послужных списках деда, отца, дяди: «недвижимого имущества не имеет», члены этой семьи – профессиональные военные. Дед, майор 158 пехотного Кутаисского полка, имел медали: бронзовую – в память войны 1853–1856 года, серебряную – за покорение Западного Кавказа и крест за службу на Кавказе. Отец, Николай Иванович Валевский, был штабс-капитаном 234-го Сызранского резервного батальона. Дядя, Пётр Иванович Валевский, георгиевский кавалер, служил в Забайкальской казачьей страже на охране КВЖД и геройски погиб под Ляояном, выводя отряд из окружения в июне 1900 года во время Ихэтуаньского восстания китайцев. Мы можем предположить, что именно к этим событиям из жизни Петра Ивановича Валевского обращается его племянник Александр Валевский, изображая допрос китайского шпиона.

В рисунках есть отклики на реальные события политической жизни России начала XX века. Мы видим отраже-

ние революции 1905 года: на улицах города идут бои, гибнут солдаты, у дома стоит городской. На события Февральской революции 1917 года Валевский откликается, изображая неряшливого, небритого «солдата-гражданина» с красным бантом, продающего папиросы на фоне призыва подписываться на Заём Свободы. Инфляция и продовольственный кризис в России, вызванный последствиями Первой мировой войны, отзываются иллюстрациями к популярным тогда сатирическим куплетам артиста Сергея Сокольского «Дают иль не дают».

Рисунки Валевского заставляют нас увидеть неотредактированное лицо эпохи. В них время отражается в тех малозначительных деталях, которые раньше всего уходят из человеческой памяти, но которые, соединённые воедино, дают ощущение неповторимого облика времени. Рисунки Валевского напоминают о феноменальном успехе маленьких карманных детективов о сыщике Нате Пинкертоне, о расцвете в русском обществе интереса к тяжёлой атлетике, о необычайной популярности цирка и о том, что никогда так не веселится нация, как накануне трагедии.

Рисунки Валевского – это отражение идеологии эпохи в частном мировоззрении человека. В них есть ощущение духовного кризиса русской жизни рубежа веков, когда терялись незыблемые ценности, когда осмеянию подверглось всё: религия, семья, патриотизм;

когда упорядоченная жизнь начинала казаться бессмысленной. Предметом своего изображения Валевский делает строчки из стихов поэтов Серебряного века: Игоря Северянина, Даниила Ратгауза; сверхпопулярные, а ныне забытые романсы. Зачастую это стихи о бессмысленности существования, когда семья и брак становятся символами напрасно растроченной жизни.

В рисунках Валевского множество раз возникает образ смерти. Это изображение «бутафорского смешного экипажика» из песни Вертинского, плакатный образ смерти в виде одетого в чёрный саван скелета, размахивающего косой у постели умирающего. Это смерть павших на поле боя воинов XIX столетия, о которых помнят и скорбят оставшиеся в живых товарищи, и изображение это подписывается строчками ещё одной популярной песни на слова стихотворения В. Жуковского «Спите. Бог не спит за вас». Но самый страшный образ смерти – это изображение братской могилы, где обнажённые безымянные человеческие тела свалены в страшную кучу. Потеря ценности человеческой жизни оборачивается обесцениванием смерти. И это тоже лицо эпохи.

Рисунки Валевского – отражение биографии человека, волею судьбы побывавшего в разных уголках России. В этих рисунках Таврида и Селенга, отступающие «белые» войска и красноармейцы, стоящие в очереди за кашей, покупающие махорку, ожидающие поезда.

Автор заставляет нас услышать песни Гражданской войны. Не те, массово

«Захоронение» 1922

«Шарабан». 1924

звучащие из радиоприёмников и с экранов телевизоров в стране победившего социализма, приукрашенные, отредактированные, не допускающие никаких сомнений. Нет, это были другие песни. Их пели на один мотив и «красные», и «белые», они уходили в народ и жили по законам фольклора. Забытые слова забытых песен оживают в рисунках, становятся подписями и названиями. Несколько набросков иллюстрируют «Шарабан» – песню, которая стала частью истории Гражданской войны. О её распространённости свидетельствуют многочисленные мемуары. Возникший на основе одноимённой песни из репертуара цыганских хоров, появившийся незадолго до революции 1917 года, «Шарабан» стал боевой песней Народной армии Комуча, достался в наследство колчаковцам. Под пение «Шарабана» ходили в атаку пехотные части, одну из моделей артиллерийского орудия «белые» прозвали «шарабаном».

Рисунки Валевского заставляют вспомнить расцвет сатирических журналов 1905 года. Карикатуры в этих журналах, создававшиеся лучшими художниками того времени, были для Валевского образцом для подражания, своеобразной рисовальной школой. В рисунках Александра Николаевича осмеянию подвергается всё: прошлое и настоящее. Валевский смеётся над «патриотической» манифестацией 1905 года, когда в руках манифестантов оказывается портрет царя, а в кармане – бутылка водки. Ещё более зло звучит его смех, когда он изображает протест про-

тив насилия над Торговым представительством СССР в Германии в 1924 году: участниками протеста становятся воспитанники детского сада во главе с воспитательницей. Осмеянию, насмешке и издёвке подвергается многое в новой, уже советской жизни: зеваки, смотрящие на аэроплан; беспризорник, собирающий окурки на уровне чужих

«Поляк». 1921

ног; посещение амбулатории. В своих рисунках Валевский смеётся над дворниками, выстроившимися в ряд в ожидании дальнейших распоряжений, над студентами Практического института народного образования, получившими билеты в партер. Есть только один безусловно положительный герой. Это военный. Неважно, кто он: польский улан, участник войны с французами 1812 года или лётчик 1920-х годов. Смелый, прямой, с открытым лицом, человек в форме мыслится носителем высшего идеала.

Героическая и трагическая судьба Александра Валевского достаточно типична для своего времени. В период своего становления Красная армия нуждалась в опытных военных кадрах. Военные специалисты, офицеры Российской империи, во время Гражданской войны активно и не всегда добровольно привлекались на службу в РККА. Их опыт, знания и навыки сыграли важную роль в становлении Вооружённых сил советского государства, в одержании побед в сражениях Гражданской войны. Некоторые из них позже стали известными советскими военачальниками, проявили себя в сражениях Великой Отечественной войны. Но большинство из этих людей погибли в репрессиях 1930-х годов.

Судьба Александра Валевского не стала исключением. В декабре 1937 года он был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре и приговорен к расстрелу тройкой НКВД. Своё участие в заговоре Валевский не признал. И напрасно Мария Елпидифоровна Валевская отправляла запросы в официальные инстанции, безуспешно стараясь выяснить судьбу своего сына. Его уже не было на свете, но официальные ответы сообщали: «Ваше заявление от 1 апреля 1939 года направлено на рассмотрение в прокуратуру Куйбышевской области, куда вам и надлежит обращаться за дальнейшими справками»...

Рисунки Валевского в сочетании с его героической и трагической судьбой – это необычайно важный документ, который необходим нам, людям XXI века, для того, чтобы понять уходящее от нас время, примириться с ним и, прекратив поиски правых и виноватых, принять как часть своей истории.

Елена Калашникова,

заведующая отделом образовательных программ и связей с общественностью Ульяновского областного художественного музея

«Зелёный двор». 2012

Виктор Сафронов. Универсальный дар

Виктор Алексеевич Сафронов – художник особого склада. Кажется, ему в равной степени подвластны любые жанры и любые направления в живописи. В раннем творчестве он зарекомендовал себя как художник, близкий к поколению шестидесятников. Произведения Сафронова 1970–1980-х годов стали классикой российского реалистического искусства. Грандиозные многочастные эпопеи «Ценою жизни», «Завещано помнить» занимали центральные позиции на крупнейших выставках, посвящённых Великой Отечественной войне. Картины хранятся в музеях страны, в том числе и в Третьяковской галерее.

В.А. Сафронов – народный художник России, лауреат Государственной премии имени И.Е. Репина, лауреат Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова, удостоен множества наград Российской академии художеств, Союза художников России, участник региональных, зональных, всероссийских и международных выставок. Но почивать на лаврах – не его стиль.

В последние десятилетия на его вернисажах нередки картины, где образ, исполненный боли и сострадания, иронии и сарказма, трудных размышлений о судьбах страны и людей, рождается из сопряжения реально истолкованных деталей и знаков, символов, разнопространственных сопряжений и разрывов. Будучи природённым живописцем, он органично ощущает себя в стихии беспредметного искусства, насыщенные экспрессией абстракции мастера способны вызвать к жизни яркие незабываемые образы.

В жанровом отношении Сафронов, прежде всего, исторический живописец. Его картины легко узнать на любой, самой масштабной выставке. Их отличает глубоко осознанное стремление к предельной правде и обнажённости

Под сенью муз

в изображении народного бытия и самосознания, к каким бы сложным, порой трагическим страницам в истории отечества мастер не обращался. Даже если художник избирает темы недавних событий, картины, обретая особую остроту и злободневность, становятся значимым и глубоким высказыванием о судьбе страны.

И в то же время излюбленной категорией является пейзаж, переживающий в творчестве Сафронова удивительные метаморфозы. Порой пейзаж насыщается жанровыми мотивами, но чаще всего это картины природы, наполненные глубоко личным чувством непреходящей красоты мира. В пейзажной живописи Сафронов является наследником классического отечественного искусства, однако в последние годы всё заметнее ориентация на традиции европейского и русского импрессионизма. Здесь уместно сказать, что речь в данной статье пойдёт о персональной выставке, посвящённой 85-летию мастера, прошедшей в Ульяновске в феврале 2017 года.

Центральное место на выставке занял многочастный полиптих «Провальное вероломство». Тема Великой

Отечественной войны по-прежнему ведущая в живописи В.А. Сафронова. Война окрасила в драматические тона детство художника, наложила свой отпечаток на всё его творчество. Он писал: «Слово «война» для меня, человека в летах преклонного возраста, не пустой звук, оно имеет остро ощутимый смысл, в котором содержится понятие масштабного зла, огромной трагедии всего человечества».

Полиптих начинала картина «Обстрелянные. (Беженцы)» (2016). Обращает на себя внимание неожиданное и смелое пространственное решение. В левой части картины посреди пустынного луга старуха-беженка пытается заслониться от страшной реальности: берёзовый крест разделит привычное пространство. Мир перевернулся в одно мгновение. Художник резко меняет пространственную ориентацию изображения, заставляя зрителя почти в упор увидеть поверженных на землю людей и летящих над ними самолёты.

Столь же дерзкий композиционный приём применён в картине «Вторжение» (2016), являющейся частью полиптиха. Огромный плакат с чёрно-белым портретом Сталина прорван,

сквозь зияющие отверстия проступает чёрный мрак и огни пожаров. В пространство вторгается группа вооружённых веселящихся гитлеровцев. На соединении различных пластических способов изображения художник добивается необычайно действенного отражения трагедии первых дней войны.

Главное место в композиции полиптиха заняли четыре небольшие по формату картины, расположенные в форме креста. И в этом экспозиционном приёме был заложен глубокий смысл. Уже сами названия картин передают всю тяжесть этих бесконечных четырёх лет войны: «Стоять насмерть», «Поджигатели», «Тыл – фронту», «Сумрак».

И, наконец, мощно и сильно прозвучала тема поражения немецких войск в последней картине цикла «Крах» (2016). В центре композиции взятый крупным планом портрет солдата рейха, израненного, гибнущего от русского холода – огромное пространство на наших глазах поглощает захватчика. Включение в картину изображения странно торжествующего Гитлера, сверкающих пустыми глазницами черепов завоевателей значительно увеличивает временной диапазон произведения, история воинствующего нацизма заявляет о себе уже надписью «Main Kampf», а завершиться ей суждено Судом Фемиды. Изображение античной богини с весами и мечом в руках ставит точку в этом историческом повествовании.

Принцип многочастного высказывания Виктор Алексеевич с блеском применил и в мистерию на тему современной истории в цикле «Процесс пошёл» (2014). На одной из картин с названием «Успокойтесь, Борис Николаевич! Процесс пошёл» до боли знакомые лица недавних вершителей судеб страны, приведших к краху СССР. Двух персонажей – Горбачева и Ельцина – разделяет полуобнажённая фигура человека, растерзанного разломом, распятого вниз головой. «Они поставили народ с ног на голову...» – так говорит художник. Сафронов во всеоружии приёмов метафорического толкования действительности, где каждая деталь полна смысла. Используя вполне достоверные, узнаваемые образы главных героев, красноречивые детали, художник рвёт реальное пространство изломанным чёрно-красным провалом, по одну сторону которого остаётся уходящая во мглу кремлёвская стена, ограждённая танками. По другую сторону разлома – Ново-Огарёво, путь к которому сквозь разорванный пурпур знамени, разрушенные символы прежнего мира: распавшиеся серп и мо-

«Обстрелянные». (Беженцы). Из полиптиха «Провальное вероломство». 2016

«Крах». Из полиптиха «Провальное вероломство». 2016

лот, раздавленный герб Страны Советов и отныне всё венчающий рубль. На первом плане скорбная статуя Ленина, низложенная с пьедестала.

Боль за разрушенную страну, за потерю памяти в погоне за призрачной свободой прозвучит в других частях полиптиха «Прорыв к свободе» (2012), «Звезда» (2016). В последней работе художник пишет забытые символы военных лет: весы, краюху чёрного хлеба, кусок, поделённый на скудные пайки, и ноты «Вставай, страна огромная». Над всем царит звезда, затянутая колючей проволокой.

Тема сталинских лагерей чрезвычайно важна для художника. Новое решение Сафронов предлагает в картине «Умер Сталин» (2013). Гроб с телом потрясающий по глубине образ полуослепшего, измождённого, но сохранившего достоинство и силу духа заключённого. В этой работе художник, используя концептуально значимые композиционные приёмы, остаётся верен великим традициям психологического портрета.

Есть на выставке и такие произведения, которые не спешат раскрыть свои тайны. Одно очевидно: художник выискательно и напряжённо с кистью в руках размышляет над реалиями сегодняшнего дня. Странные персонажи предстают перед зрителем в картине «Балагуры» (2016). В повязках на головах с нарисованными глазами и раскрытыми ртами они изображены на фоне каких-то текстов, где с трудом усматриваются отдельные слова. Это не театр абсурда, это наша действительность, это наши информаторы и эксперты, утверждает художник. Лишь один человек с открытыми глазами, полными недоумения и непонимания, среди говорящих слепых истуканов.

Кажется, в мире, где утрачено доверие к звучащему и печатному слову, трудно найти источник истины и вдохновения. Для Сафронова как для подлинного художника таким источником всегда была природа и люди, живущие в гармонии с окружающей средой. Деревенская тема давно вошла в творчество художника, как и пейзаж, которому на выставке отдана большая часть экспозиции. Многие пейзажи выполнены

в 2012–2016 годах. Пейзажи Сафронова всегда отличала глубокая любовь к тем немудрёным красотам среднерусской глубинки, которые издавна пишет художник в селе Риновке Теренгульского района. Зрителю открывается пространство, тесно слитое с пределами деревенского дома, двора. Лес, поле, речка – это тоже близкое, обжитое обиталище человека. Художник не пишет далее, устремлённых в бесконечность. Горизонт замыкает недалёкая роща. Вековые деревья вплотную приближаются к избам и дворовым постройкам («Ели», «Крайний дом»), являясь необходимой и дорогой сердцу частью деревенской жизни.

В каждом пейзаже главенствующую роль играет небо, определяющее состояние, в которое погружён уголок земли, изображённый художником. Колористический строй картины находится в зависимости от местоположения солнца на небесном своде или отсутствия одного («Вечер», «Лодки», «Меркнущий свет», «Неясный день», «Рассвет»). Виктор Алексеевич свободно и непринуждённо обращается к традициям европейского искусства рубежа XIX–XX веков, опираясь в то же время на достижения выдающихся представителей московской школы живописи.

Чтобы увидеть поразительные изменения в манере и приёмах письма художника, достаточно сравнить работу «Ташла. Бани» (1980) с пейзажными произведениями последних лет. В названном пейзаже главенствует плотная, тонально сложная живопись: на первом плане зелёный луг с включением тёплых оттенков. За банями и рекой холм, окутанный свежей прохладой: серебристо-голубые тона пронизывают живописную ткань.

Иной почерк, иной взгляд на мир в произведениях 2012–2016 годов, широко представленных на выставке. Стремительность, натиск, умение несколькими штрихами передать взволнованный образ («Облака», 2013). На смену достаточно детальной проработке формы пришло широкое обобщение в изображении листвы, травы, воды, неба. В работе «Двор в деревне» (2013) исключительно конструктивный, но свободный, решительный рисунок в изображении деревьев с узловатыми сучьями ветвей, старых досок покосившегося забора. Лёгкий, насыщенный краской мазок едва поспекает за взглядом художника.

Проявившаяся в живописи Сафронова мощная стихийная свобода живописи вместе с тем строго рассчитана и

Под сенью муз

управляема автором. В картине «Ели» (2016) основа, не тронутая краской, легко вплетается в живописный строй пейзажа, привнося особую свежесть и свет в деревенский дворик, граничащий с лесом и заповедными елями. Цветовой диапазон, используемый художником, огромен. В работе «Зелёный двор» (2012), тёмные деревья на фоне неба и разнотравья читаются графически чётко, но впечатляет богатство оттенков в изображении стволов и ветвей: от ярких всплесков синего до угольно-чёрного. Зоркость видения цвета, формы достигает невероятной раскрепощённости. Достаточно точно взятого длинного мазка, чтобы передать форму, фактуру и цвет потемневших брёвен старой постройки («Неясный день», 2016). Широкие и свободно проложенные пятна розоватого замеса создают впечатление лёгкой сквозной листвы берёз, погрузивших кроны в беспокойное пространство изменчивых летящих облаков.

Многие достижения Сафронова вошёл в себя пейзаж «Вечер» (2016) с заходящим солнцем. Первый план наполнен лёгким дыханием вечера. В поднимающейся от земли туманной дымке поблёскивают колёса телеги, быстрыми штрихами прописаны травы. Загорается ярким багровым цветом небесный свод с сияющим жёлто-оранжевым диском завершающего дневной путь светила. Его отблески на облаках, на поверхности воды. Потемневшая в вечернем сумраке копка сена вспыхивает последними красноватыми бликами. Со светом солнца смешиваются отблески костра на берегу реки. Сложная по колориту картина пленяет своим совершенством и красотой избранного мотива. И, как всегда, с огромной любовью и пониманием написаны лошади, безошибочно точные по пластике, органично вписанные в ландшафт.

Однако художник с такой же силой и убедительностью способен передать в пейзаже трагическое начало. Центральное место в посвящённом теме Великой Отечественной войны триптихе «Земля, где много скорби» (2016) занимает именно пейзаж. Увиденное с высоты огромное пространство изрытой воронками израненной земли. Брошенные пушки, разбитые танки. На горизонте огни пожаров. В самой верхней точке пространства белеет храм с устремлённой в небо колокольней. В небесах словно продолжается бой. Вобравшие в себя гибельный мрак тучи сражаются с белыми клубящимися облаками. Так и в пейзаже заявляет о себе важнейшая в

«Балагуры». 2016

творчестве художника тема народного подвига в Великой войне.

Виктор Алексеевич Сафронов истинно народный художник. Он всегда чувствует себя частицей большого русского мира, с юных лет осознаёт обязанность и необходимость отразить в своём искусстве важнейшие вехи истории отечества. С болью и тревогой отзывается художник на сложнейшие проблемы современного общества. Ему бесконечно дороги русские деревни с полуразрушенными храмами, одинокими стариками, он внимательно

всматривается в полную противоречий жизнь городских жителей. Неизменные основные темы творчества, но всё более совершенной, изощрённой, изысканной становится живопись художника, аккумулирующая и развивающая великие достижения европейского и русского искусства XX и XXI веков.

Луиза Баюра,

заместитель директора по научной работе Ульяновского областного художественного музея, кандидат искусствоведения

«Вечер». 2016

Меню торжественного обеда в честь празднования 250-летия Симбирска

1898. ГАУО, личный фонд П.Л. Мартынова

Празднование 250-летия Симбирска в 1898 году стало выдающимся событием в жизни города. Это был его первый «день рождения». Юбилей город справил благодаря симбирскому краеведу Павлу Любимовичу Мартынову (1847–1921). В конце 1896 года он точно установил год основания Симбирска – 1648.

Симбирская губернская учёная архивная комиссия в тесном контакте с городской думой приступила к подготовке празднования. Остро встал вопрос: а когда собственно отмечать? Точная дата неизвестна до сих пор. Наконец выбрали днями торжеств 3-5 октября 1898 года. Во-первых, ученики не будут на каникулах и примут активное участие в юбилее, да и прочие симбиряне вернутся с дач и курортов. А во-вторых, именно 4 октября 1670 года под Симбирском были разбиты отряды Степана Разина. К этой знаменательной дате и приурочили празднование юбилея и, что любопытно, когда отмечали 300-летие города в 1948 году, датой торжеств выбрали 12 сентября – день освобождения Симбирска от белых в 1918 году.

Меню обеда, данного городом 4 октября 1898 года в зале Дворянского собрания, выглядело шикарно. Оно и сейчас впечатляет обилием яств: «1. Уха из стерлядей. Растягаи. 2. Филе с трюфелями. 3. Осетры разварные. 4. Зелень. 5. Пунш-гляссе. 6. Жаркое: дичь, куропатки, рябчики и проч. 7. Пломбир. 8. Фрукты, чай, кофе и ликёры».

А уж количество выпитого шампанского, портвейна, рейнвейна, хереса, ликёра и «хлебного вина», то есть водки, – измерялось ведрами... Между прочим, ведро водки (12,3 литра) в те времена стоило... 6 рублей 80 копеек. Правда, и зарплата была соответствующая. Квалифицированный рабочий (например, кузнец) зарабатывал в день примерно 1–1,5 рубля. А черно-рабочий и того меньше – 60 копеек.

Автором роскошного оформления меню стал архитектор Н.И. Розетти (позже по его проекту в начале XX века был перестроен Спасо-Вознесенский собор Симбирска). Талантливый приезжий зодчий впервые изобразил в качестве символа Симбирска памятник Н.М. Карамзину, который в XIX веке и коренные симбиряне, и заезжие путешественники, и авторы многочисленных путеводителей не очень-то жаловали. Памятник, увенчанный прекрасной статуей музы Клио, и поныне остаётся символом нашего города.

Ирина Курсанова,
главный архивист ОГБУ

«Государственный архив Ульяновской области»

По документам ОГБУ ГАУО

О «Колумбе русской истории»

Е.К. Беспалова. «Памятник Н.М. Карамзину в Симбирске. История создания по документам, письмам и периодическим изданиям». Ульяновск, «Корпорация технологий продвижения», 2016

правительства и симбирского дворянства при создании памятника: труды П.Л. Мартынова, Б.В. Аржанцева, Ж.А. Трофимова, А.Н. Блохинцева.

Труд Беспаловой отличается от всех предыдущих исследований привлечение обширного корпуса источников: указов императора, циркуляров правительства, других делопроизводственных документов министерств, документов личного происхождения, мемуаров, дневников, писем.

Необходимо отметить также хороший экскурс в историю монументального творчества в России в первой половине XIX века, представленный в этом труде. Автор раскрывает техническую сторону дела вплоть до подробностей о выборе места для памятного места и создании (непосредственно) памятника, скульптуры, выбор тем для барельефов.

Большой раздел книги занимает красочное описание открытия памятника в 1845 году с множеством подробностей как большого праздника в истории Симбирска и России. Второй раздел книги «Хроника» построен всецело на публикациях архивных документов и других материалов. Они сами по себе имеют важнейшее значение для исследователей истории Симбирского края и служат задаче широкого ознакомления читателей книги с содержанием подлинных документов. Достоинством труда, несомненно, является набор и количество иллюстраций, копий доку-

ментов. Автор книги уточнила некоторые биографические сведения предков Н.М. Карамзина. В этом смысле труд Елены Константиновны имеет огромное справочное значение.

Книга Е.К. Беспаловой – это труд не только о сооружении памятника Карамзину, но и о росте самосознания и культуры российского общества, особенно жителей Симбирска и губернии. Недаром некоторые российские деятели считали симбирских дворян одними из самых просвещённых в стране.

Автор подробно осветила деятельность в создании памятника Н.М. Карамзину симбирских губернаторов А.М. Загряжского и И.С. Жиркевича, а также показала значительную роль министра внутренних дел Д.Н. Блудова, очень ценившего Карамзина и имевшего тесное знакомство с историком, в деле увековечивания памяти ученого. В труде показана роль симбирского землячества-братства в Петербурге и, прежде всего, И.И. Дмитриева и А.И. Тургенева, повлиявших на принятие решений о создании памятника.

Вся книга, значительная по своему объёму, дышит любовью к исторической Симбирской земле, родившей столько гениальных, талантливых и даровитых людей, внесших богатейший вклад в историю России.

Владимир Кузнецов,
доктор исторических наук,
профессор Челябинского государственного университета

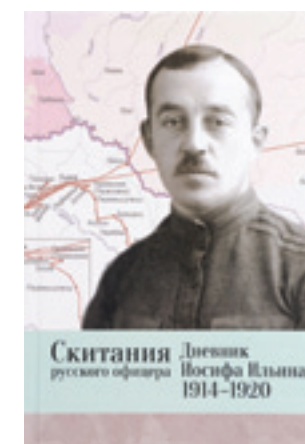

В 2016 году просвещённый люд праздновал 250-летие со дня рождения человека, которого А.С. Пушкин назвал «Колумбом русской истории». К этому юбилею известный ульяновский историк, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Елена Константиновна Беспалова написала и издала труд-исследование, в котором рассматривается история появления в Симбирске памятника выдающемуся российскому историографу, реформатору языка русской литературы Н.М. Карамзину, фактически освободившему литературный язык от господства книжно-славянской традиции. Одной из важнейших задач, которую решила автор – показ многогранной деятельности выдающегося историка земли русской.

В раскрытии содержания темы своего обширного труда Елена Константиновна опирается на работы предшественников, изучавших деятельность

Дневник русского офицера

«Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920». Под редакцией В. Жобер. Москва, «Книжница/Русский путь», 2016

Иосифа Сергеевича Ильина мы считаем своим земляком. В селе Самайкино под Сызранью (ныне Новоспасский район Ульяновской области) было имение его жены Е.Д. Воейковой, где подолгу жила семья Ильиных. Там они встретили революцию, отсюда их путь лежал в Харбин. Спустя почти сто лет, обнаружив в российском архиве дневник деда, Вероника Жобер проделала колоссальную работу: перенесла рукопись в

500 страниц на электронный носитель, подготовила примечания, нашла издателя. Так она увековечила имя И.С. Ильина, подарив ему вторую жизнь, а читателям его дневника – истинное наслаждение от его лёгкого стиля, критичного и правдивого отражения российской действительности переломного периода истории России XX века. Книга получила диплом «За историческую память» на выставке «Симбирская книга 2016».